ISSN 1994–0874
DOI 10.54220/1994-0874.2026.43.33.001

Учет и статистика

Том 23, № 3, 2026

Accounting and Statistics

Vol. 23, № 3, 2026

© Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ), 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учет и статистика

Том 23, № 3, 2026

Научно-практический журнал «Учет и статистика» издается с 2003 года, периодичность – 4 номера в год. Специализируется в области следующих научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым присуждаются ученые степени: 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки).

Том 23, № 3, 2026

Журнал «Учет и статистика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=16977.

Журнал «Учет и статистика» также включен в Список российских научных журналов, рекомендованных научно-педагогическим работникам Финансового университета при Правительстве Российской Федерации для публикации научных статей.

Цифровой идентификатор объекта DOI присваивается номерам и статьям научно-практического журнала «Учет и статистика».

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-76368 от 02 августа 2019 года. Выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Подписной индекс ПН620
на сайте Почты России:
https://podpiska.pochta.ru.

ISSN 1994–0874

Адрес редакции:
344002, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 69, к. 508.
Тел.: (863) 261–38–92.
E-mail: UchetiStatistica@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
научный руководитель РГЭУ (РИНХ),
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой «Анализ хозяйственной
деятельности и прогнозирование»
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Усенко Л. Н.

Заместитель главного редактора
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой «Бухгалтерский учет»
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Лабынцев Н. Т.

Ответственный секретарь
доктор экономических наук,
профессор кафедры «Анализ хозяйственной
деятельности и прогнозирование»
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Гузей В. А.

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (на диске или по электронной почте UchetiStatistica@yandex.ru). Редакция в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.uchet.rsue.ru.

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикации.

Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азарян Е.М. – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Арженовский С.В. – доктор экономических наук, профессор, главный экономист Отделения по Ростовской области Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Вазарханов И.С. – доктор экономических наук, доцент, заслуженный экономист РФ, заместитель председателя Совета менторов ФНС России, г. Грозный, Российская Федерация.

Джуха В.М. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, декан факультета «Экономика и финансы» ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», профессор кафедры инновационного менеджмента и предпринимательства ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Клименко А.И. – академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор ФГБНУ «Федеральный Ростовский аграрный научный центр», п. Рассвет, Ростовская область, Российская Федерация.

Козенкова Т.А. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, генеральный директор группы компаний ИД «Экономическая газета», г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов В.В. – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник отдела «Аграрная экономика и нормативы» ФГБНУ «Федеральный Ростовский аграрный научный центр», п. Рассвет, Ростовская область, Российская Федерация.

Лепа Р.Н. – доктор экономических наук, профессор, депутат Народного Совета ДНР, заведующий отделом моделирования экономических систем ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Макаренко Е.Н. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», профессор кафедры бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», член Правления Вольного экономического общества России, член Общественной палаты Ростовской области, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Мельник М.В. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Департамента аудита и корпоративной отчетности Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация.

Мельников А.Б. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, почетный работник МВД РФ, заслуженный экономист Кубани, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Российская Федерация.

Ниворожкина Л.И. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой статистики, эконометрики и оценки рисков ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Папцов А.Г. – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ), г. Москва, Российская Федерация.

Полиди А.А. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Кубани, заместитель Председателя Общественной палаты Краснодарского края, профессор кафедры цифровой экономики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Российская Федерация.

Скляров И.Ю. – доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ, член общественного совета УФНС России по СК, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет», г. Ставрополь, Российская Федерация.

Усенко А.М. – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансового и HR-менеджмента ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Хамидова Фаридахон Абдулкарим кизи – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры международных финансов-кредита Ташкентского финансового института, г. Ташкент, Республика Узбекистан.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Германчук А.Н. – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетингового менеджмента ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.
Евстафьева Е.М. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой налогов и налогообложения ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Елисеева И.И. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
Кузнецова Е.В. – доктор экономических наук, профессор кафедры анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Михайленко Р.Г. – кандидат экономических наук, доцент, главный бухгалтер – начальник департамента бухгалтерского учета АО «Рособоронэкспорт», профессор практики ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Попова Л.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Учетно-аналитическое обеспечение инновационного развития региона», г. Орел, Российская Федерация.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

Accounting and Statistics

Vol. 23, № 3, 2026

Scientific and practical journal «Accounting and Statistics» is published since 2003, periodicity – 4 issues per year. Specializes in the following scientific specialties and their corresponding branches of science, in which academic degrees are awarded: 5.2.3. Regional and branch economics (economic sciences), 5.2.4. Finance (economic sciences).

Vol. 23, № 3, 2026

The journal «Accounting and Statistics» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published: https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=16977.

The journal «Accounting and Statistics» is also included in the list of Russian scientific journals recommended for scientific and pedagogical staff of the Financial University under the Government of the Russian Federation for publication of scientific articles.

Digital object identifier DOI is assigned to the numbers and articles of the scientific and practical journal "Accounting and Statistics".

Registration number: ПИ № ФС77-76368 from 02.08.2019, is granted by Federal service for control of communications, information technologies and mass communications (Roskomnadzor).

Index ПН620 at Russian Post website: https://podpiska.pochta.ru.

International Standard Serial Number: **ISSN 1994–0874**

Publishing address of journal:
344002, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya St., 69, room 508.
Tel. (863) 261–38–92.
E-mail: UchetiStatistica@yandex.ru.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Ph. D. in Economics, Professor, Honored Worker of Science of Russian Federation, Scentific supevisor of RSUE (RINH), Head of Business Analysis and Forecasting Chair, Rostov State University of Economics (RINH)
Usenko L. N.

Deputy Editor-in-Chief
Ph. D. in Economics, Professor, Head of Accounting Chair, Rostov State University of Economics (RINH)
Labyntsev N. T.

Executive Secretary
Ph. D. in Economics, Professor of Business Analysis and Forecasting Chair, Rostov State University of Economics (RINH)
Guzey V.A.

Manuscripts are submitted to editor in electronic form (on disk or by e-mail UchetiStatistica@yandex.ru). Editorial provides expert assessment (peer review, scientific and stylistic editing) of all materials published in journal.

Uniform requirements for manuscripts submitted to journals are provided on site of journal: http://www.uchet. rsue.ru.

Views expressed in Journal are those of authors, and do not necessarily coincide with those of Editor or Editorial Board.

Authors are responsible for the accuracy of content of publications.

EDITORIAL BOARD

Azaryan E.M. – Professor, vice-rector on scientific work of FGBU BO «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Doctor of Economic Sciences (Donetsk, DPR, Russian Federation).

Arzhenovskiy S.V. – Professor, head economist of Rostov-on-Don Division of the Southern Main Branch of the Bank of Russia, Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Vazarkhanov I.S. – Associate Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of Mentors of the Federal Tax Service of Russia, Doctor of Economic Sciences (Grozny, Russian Federation).

Dzhukha V.M. – Professor, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Economics and Finance of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Professor of the Department of Innovation Management and Entrepreneurship of RSEU (RINH), Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Klimenko A.I. – Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of the FGBNU «Federal Rostov Agrarian Scientific Centre» (Rassvet settlement, Rostov region, Russian Federation).

Kozenkova T.A. – Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, General Director of he Group of companies Publishing house «Economic newspaper», Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russian Federation).

Kuznetsov V.V. – Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department «Agrarian Economics and Norms» FGBNU «Federal Rostov Agrarian Scientific Centre» (Rassvet settlement, Rostov region, Russian Federation).

Lepa R.N. – Professor, Deputy of the People's Council of the DPR, Head of the Department of Modeling of Economic Systems of GBU «Institute of Economic Research» Doctor of Economic Sciences (Donetsk, DPR, Russian Federation).

Makarenko E.N. – Professor, Rector of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Professor of the Accounting Department of the RSUE (RINH), Member of the Board of the Free Economic Society of Russia, member of the Public Chamber of the Rostov region, Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Melnik M.V. – Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Audit and Corporate Reporting of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russian Federation).

Melnikov A.B. – Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Economist Kuban, Head of the Department of Economics and Foreign Economic Activity of «Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin», Doctor of Economic Sciences (Krasnodar, Russian Federation).

Nivorozhkina L.I. – Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Economics (RINH)», Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Papczov A.G. – Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics» (FBNU FBN FNC VNIIESH), Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russian Federation).

Polidi A.A. – Professor, Honored Economist Kuban, Deputy Chairman of the Public Chamber of the Krasnodar region, Professor of the Department of Digital Economy of Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Doctor of Economic Sciences (Krasnodar, Russian Federation).

Sklyarov I.Y. – Professor, Honorary worker of higher education of the Russian Federation, member of the Public Council of the Federal Tax Service of Russia in the Stavropol region, vice-rector on educational work of Stavropol State Agrarian University, Doctor of Economic Sciences (Stavropol, Russian Federation).

Usenko A.M. – Associate Professor, Head of the Department of Financial and HR-Management Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Economics (RINH), Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Khamidova F.A. – Associate Professor, Professor of the Department International Finance-Credit of the Tashkent Financial Institute, Doctor of Economic Sciences, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

EDITORIAL COUNCIL

Germanchuk A.N. – Associate Professor, Professor of the Department of Marketing Management FGBU BO «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Doctor of Economic Sciences (Donetsk, DPR, Russian Federation).
Evstafieva E.M. – Professor, Head of the Department of Taxes and Taxation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education « Rostov State University of Economics (RINH)», Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).
Eliseeva I.I. – Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economic Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).
Kuznetsova E.V. – Professor of the Department of Analysis of Economic Activity and Forecasting of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Doctor of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).
Mikhailenko R.G. – Associate Professor, Chief Accountant-Head of Accounting Department of JSC «Rosoboronexport», Professor of Practice of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Candidate of Economic Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation).
Popova L.V. – Professor, Head of the Department of Economy, Finance and Accounting of the Orel State University named after I.S. Turgenev, Leading Researcher of the Scientific and Educational Center «Accounting and analytical support of innovative development of the region», Doctor of Economic Sciences (Orel, Russian Federation).

.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, ФИНАНСОВ И АНАЛИЗА **12**

Методологический подход к прогнозированию развития аграрных рынков в системе международных экономических связей **12**
Усенко Л.Н., Холодова М.А., Салтык И.П., Болохонцева Ю.И.

Институциональные и ресурсные дисбалансы устойчивого развития агропромышленного комплекса России: системный анализ и концептуальная модель **23**
Макаренко Е.Н., Гузей В.А.

Цифровые валюты центральных банков в мировой финансовой системе: перспективы цифрового рубля **32**
Вовченко Н.Г., Садченкова Д.Ю., Грибенюк Г.Р.

Анализ региональных практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации **44**
Андреева О.В., Герасимова К.А.

Исследование роли местного сообщества в осуществлении устойчивого развития территории (на примере г. Хэби, Китайская Народная Республика) **56**
Бондаренко В.А., Гаспарян А.В., Гузенко Н.В., У Яньхуа

Моделирование затрат на строительство социальных объектов с учетом региональных экономических циклов (Республика Татарстан) **74**
Добролежа Е.В., Бирюков В.С.

Механизмы и пути влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие китайской промышленности **86**
Ли Вэйвэй, Матегорин В.В.

РАЗДЕЛ II. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И АУДИТА **99**

Цифровая трансформация управленческого учёта проектных затрат: от регламента управленческой отчётности к BI-дашборду **99**
Лабынцев Н.Т., Комелев А.Д.

Основные векторы структурной трансформации бухгалтерского учета ESG-показателей в условиях цифровых решений **108**
Шароватова Е.А., Водолазкин А.А.

Особенности оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением прочих заданий, обеспечивающих уверенность **123**
Евстафьева А.А.

РАЗДЕЛ III. СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТАТИСТИКИ **142**

Динамика латентных экономических стратегий российских домохозяйств **142**
Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А., Синявская Т.Г.

Детерминанты кредитного поведения российских домохозяйств **158**
Герасимова И.А.

Информационное обеспечение статистического анализа агропромышленного комплекса **167**
Дыйканбаев Дастан

CONTENT

SECTION I. ECONOMIC, FINANCIAL AND ANALYTICAL ISSUES **12**

A Methodological Approach to Forecasting the Development of Agricultural Markets in the System of International Economic Relations **12**
Usenko L.N., Kholodova M.A., Saltyk I.P., Bolokhontseva Yu.

Institutional and Resource Imbalances in the Sustainable Development of the Russian Agro-Industrial Complex: a Systemic Analysis and Conceptual Model **23**
Makarenko E.N., Guzey V.A.

Central Bank Digital Currencies in the Global Financial System: Prospects for the Digital Ruble **32**
Vovchenko N.G., Sadchenkova D.Yu., Gribenyuk G.R.

Analysis of Regional Practices of Initiative Budgeting in the Russian Federation **44**
Andreeva O.V., Gerasimova K.A.

The Role of the Local Community in Sustainable Territorial Development (a Case Study of Hebi, People's Republic of China) **56**
Bondarenko V.A., Gasparyan A.V., Guzenko N.V., Wu Yanhua

Cost Modelling for Social Infrastructure Construction with Regional Business Cycles (Republic of Tatarstan) **74**
Dobrolezha E.V., Biryukov V.S.

Mechanisms and Paths of Green Finance's Impact on High-Quality Development of China's Manufacturing Industry **86**
Li Weiwei, Mategorin V.V.

SECTION II. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ACCOUNTING AND AUDITING **99**

Digital Transformation of Management Accounting for Project Costs: from Management Reporting Regulations to BI Dashboard **99**
Labyntsev N.T., Komelev A.D.

The Main Vectors of Structural Transformation of Accounting for ESG-Indicators in the Context of Digital Solutions **108**
Sharovatova E.A., Vodolazkin A.A.

The Specifics of Evaluating a New Client by an Audit Organization before Performing Other Assurance Engagements **123**
Evstafeva A.A.

SECTION III. STATE AND TRENDS IN STATISTICAL DEVELOPMENT **142**

Dynamics of Latent Economic Strategies of Russian Households **142**
Nivorozhkina L.I., Tregubova A.A., Sinyavskaya T.G.

Determinants of the Credit Behavior of Russian Households_____ 158
Gerasimova I.A.

Information Support for Statistical Analysis of the Agro-Industrial Complex _____ 167
Dyikanbaev Dastan

Слово Главного редактора

С 95-летним юбилеем, родной университет!

Дорогие авторы, уважаемые коллеги, преподаватели, студенты и выпускники!

Путь, пройденный Ростовским государственным экономическим университетом (РИНХ), – это удивительная история преемственности. Мы бережно храним традиции, заложенные основателями, и одновременно смело смотрим в будущее, осваивая современные научные тренды. Главная ценность нашего коллектива всегда заключалась не только в фундаментальных знаниях, но и в человеческом тепле, во взаимовыручке и той незримой связи, которая объединяет несколько поколений ученых и педагогов. В этих стенах всегда царила особая творческая атмосфера, где формируются характер, гражданская позиция и любовь к своей профессии.

Особые слова признательности в этот праздничный день мы адресуем нашему ректору – Елене Николаевне Макаренко. Ваш неустанный труд, мудрость и энергия служат для всего коллектива маяком и примером. Мы гордимся тем, что во главе университета стоит столь яркий, целеустремлённый и глубокоуважаемый человек – доктор экономических наук, профессор, заместитель председателя Общественной палаты Ростовской области, член Правления Вольного экономического общества России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры бухгалтерского учета и контроллинга. Благодаря Вашему руководству Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) уверенно держит курс на инновации, сохраняя при этом верность лучшим академическим традициям. Спасибо Вам за неизменную поддержку науки, за заботу о каждом сотруднике и студенте, за ту атмосферу созидания, в которой мы работаем и творим.

От всей души желаю нашему родному университету неиссякаемой энергии для новых свершений, ярких открытий и талантливых студентов, которые продолжат славные традиции вуза. Пусть каждый, кто причастен к жизни Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), будь то мэтр науки или первокурсник, всегда чувствует себя частью большой и дружной семьи. Спасибо Вам за труд, за преданность делу и за то, что Вы создаете нашу общую историю.

С юбилеем, дорогой университет! С праздником!

Людмила Николаевна Усенко,
Главный редактор научно-практического журнала «Учет и статистика»,
член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
научный руководитель РГЭУ (РИНХ),
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

95-летний юбилей отмечает кафедра бухгалтерского учета и контроллинга!

Дорогие друзья, коллеги, уважаемые преподаватели, студенты и выпускники!

95 лет – это не просто дата на календаре. Это целая эпоха, вместившая в себя судьбы людей, научные прорывы, смену поколений и, главное, непоколебимую верность профессии. Путь, пройденный кафедрой бухгалтерского учета и контроллинга РГЭУ (РИНХ), начался в далекие 30-е годы прошлого века. За эти десятилетия она не раз меняла название, но всегда оставалась тем стержнем, вокруг которого выстраивалась подготовка настоящих профессионалов – тех, кто понимает язык цифр, кто видит суть экономических процессов и способен принимать ответственные решения. Сохраняя преемственность традиций, кафедра всегда смотрит вперед. Сегодня под руководством Николая Тихоновича Лабынцева, д.э.н., профессора, почетного работника ВПО РФ, президента Ростовского ТИПБиА, почетного наставника Минобрнауки России, на кафедре работает сплоченный коллектив единомышленников: 27 преподавателей, среди которых доктора и кандидаты наук, авторитетные ученые и практики. Их усилиями кафедра стала не просто учебным подразделением, а настоящей научной школой, известной далеко за пределами нашего региона. Мы с глубоким уважением вспоминаем ветеранов, заложивших фундамент, и с восхищением смотрим на сегодняшние достижения: профессионально-общественную аккредитацию образовательных программ в ИПБ России, участие в разработке профессиональных стандартов, внедрение передовых цифровых технологий в учебный процесс и обширные научные исследования, результаты которых отражены в монографиях и статьях. Главная ценность кафедры всегда заключалась и заключается в людях – в их мастерстве, открытости новому и искренней любви к своему делу.

Уважаемый Николай Тихонович! Уважаемые преподаватели и сотрудники! Этот юбилей – результат многолетнего труда, мудрости и бесконечного терпения. От всей души желаю вам и дальше оставаться флагманом экономического образования, вдохновлять молодые умы на смелые исследования. Пусть ваши идеи всегда находят воплощение, ученики радуют успехами, а наука открывает новые горизонты. С праздником, дорогие юбиляры! Мы гордимся вами и благодарны за то, что вы есть!

Людмила Николаевна Усенко,
Главный редактор научно-практического журнала «Учет и статистика»,
член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
научный руководитель РГЭУ (РИНХ),
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, ФИНАНСОВ И АНАЛИЗА

УДК 332.14 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.74.15.002

Методологический подход к прогнозированию развития аграрных рынков в системе международных экономических связей

Усенко Л.Н.[1,2], Холодова М.А. [1]✉, Салтык И.П.[3], Болохонцева Ю.И.[3]

1 Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный Ростовский аграрный научный центр» (ФРАНЦ), Российская Федерация, Ростовская область, Аксайский район, пос. Рассвет, ул. Институтская, 1

2 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

3 Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Курский государственный аграрный университет», Курская область, г. Курск, ул. Карла Маркса, 70

✉ kholodovama@rambler.ru

Аннотация

Введение. Переориентация торгово-экономических потоков, в том числе в агропромышленном комплексе (далее – АПК), в страны Юго-Восточной Азии в условиях геополитической напряженности и нестабильности мировой экономики актуализирует вопросы обоснования прогнозных сценариев развития аграрных рынков, которые, с одной стороны, являются инструментом корректировки целевых показателей системы документов стратегического планирования, а с другой – выступают стратегическим ориентиром для ключевых участников агропродовольственной сферы. Цель исследования – разработать методологический подход к прогнозированию перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей, позволяющий сформировать гибкую экспортно ориентированную стратегию в АПК.

Материалы и методы. В работе использовались абстрактно-логический метод, методы экономико-математического и имитационного моделирования, экспертных оценок, сравнительного анализа, монографический метод и другие.

Результаты исследования. В работе представлен авторский методологический подход к прогнозированию развития аграрных рынков в системе международных экономических связей, включающий в себя ряд методических положений по стратегическому анализу мирового и отечественного агропродовольственного рынка, формированию информационной базы исследований, определению показателей прогноза и методику прогнозирования перспективных направлений развития аграрных рынков на основе разработки многовариантных прогнозных сценариев.

Обсуждение и заключения. Предложенный методологический подход, основанный на комплексе методов экономико-математического и имитационного моделирования, экспертных оценок, анализа, статистической обработки данных, позволяет сформировать гибкую экспортно ориентированную стратегию в АПК, адаптированную к условиям геополитической напряженности и нестабильности мировой экономики.

Ключевые слова: методологический подход, методические положения, аграрные рынки, прогнозирование, международные экономические связи.

Для цитирования. Усенко Л.Н., Холодова М.А., Салтык И.П., Болохонцева Ю.И. Методологический подход к прогнозированию развития аграрных рынков в системе международных экономических связей. *Учет и статистика.* 2026; 3(23):12-22. doi: 10.54220/1994-0874.2026.74.15.002.

Исследование выполнено в рамках Госзадания ФГБНУ ФРАНЦ по теме FNFZ-2024-0002 на 2024–2026 гг.

JEL: Q17 Research article
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.74.15.002

A methodological Approach to Forecasting the Development of Agricultural Markets in the System of International Economic Relations

Usenko L.N.[1,2], Kholodova M.A. [1], Saltyk I.P.[3], Bolokhontseva Yu.I.[3]

1 Federal State Budget Scientific Institution «Federal Rostov Agricultural Research Centre» (FSBSI FRARC), Russian Federation, Rostov Region, Aksaysky District, Rassvet village, 1 Institutskaya St.

2 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

3 Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Kursk State Agrarian University», Russian Federation, Kursk Region, Kursk, 70 Karla Marksa St.

kholodovama@rambler.ru

Abstract

Introduction. The reorientation of trade and economic flows, including in the agro-industrial complex, to the countries of Southeast Asia in the context of geopolitical tension and instability of the global economy actualizes the issues of substantiating forecast scenarios for the development of agricultural markets, which, on the one hand, are a tool for adjusting the targets of the system of strategic planning documents, and on the other – act as a strategic guideline for key participants in the agri-food sector. The purpose of the study is to develop a methodological approach to forecasting promising directions for the development of agricultural markets in the system of international economic relations, which makes it possible to form a flexible export–oriented strategy in the agro-industrial complex.

Materials and methods. Abstract-logical method, methods of economic-mathematical and simulation modeling, expert assessments, comparative analysis, monographic and others were used in the work.

Results. The paper presents the author's methodological approach to forecasting the development of agricultural markets in the system of international economic relations, which includes a number of methodological provisions for the strategic analysis of the global and domestic agri-food market, the formation of an information base for research, the determination of forecast indicators and a methodology for forecasting promising areas of agricultural market development based on the development of multivariate forecast scenarios.

Discussion and conclusions. The proposed methodological approach, based on a set of methods of economic, mathematical and simulation modeling, expert assessments, analysis, statistical data processing, allows us to form a flexible export-oriented strategy in the agro-industrial complex, adapted to the conditions of geopolitical tension and instability of the global economy.

Keywords: methodological approach, methodological provisions, agricultural markets, forecasting, international economic relations.

For citation. Usenko L.N., Kholodova M.A., Saltyk I.P., Bolokhontseva Yu.I. A Methodological Approach to Forecasting the Development of Agricultural Markets in the System of International Economic Relations. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):12-22. doi: 10.54220/1994-0874.2026.74.15.002.

The research was carried out within the framework of the State Assignment of Federal State Budgetary Scientific Institution FRARC on topicFNFZ-2024-0002 for 2024–2026.

Введение. Прогноз выступает начальным этапом разработки ключевых документов стратегического развития аграрного сектора страны, формируя целевые ориентиры развития для основных участников агропродовольственной сферы. Ценность прогнозирования заключается в том, что перспективные качественные и количественные характеристики объекта исследования могут оказывать существенное влияние на принятие текущих управленческих решений на основе научно обоснованного, объективного анализа проблемы. Реализация прогностической функции в агропродовольственной сфере является ключевым элементом системы стратегического планирования развития агропродовольственного рынка, инструментом обеспечения продовольственной безопасности страны, нивелирования макроэкономической и геополитической неопределенности, определения вектора агропродовольственной политики государства в условиях современных вызовов и угроз.

Цель исследования – разработать методологический подход к прогнозированию перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей, позволяющий сформировать гибкую экспортно ориентированную стратегию в АПК.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составили научные разработки отечественных и зарубежных ученых по вопросам прогнозирования перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей. В работе использовались абстрактно-логический метод, методы экономико-математического и имитационного моделирования, экспертных оценок, сравнительного анализа, монографический метод и другие.

Результаты исследования. Исследования показали, что в международной практике прогнозирование развития аграрных рынков осуществляется с помощью эконометрических моделей частичного равновесия (табл. 1).

Проецирование перспективных тенденций развития мирового агропродовольственного рынка, разработанных на основе вышеизложенных моделей, на аграрный сектор России искажает стратегические приоритеты развития отечественных подотраслей сельского хозяйства и качество прогнозных параметров их развития, а также не учитывает специфику функционирования отдельных рынков продовольствия, степень государственного регулирования аграрного сектора и вектор реализации отечественной экспортно ориентированной стратегии в АПК. В этой связи нами предложен методологический подход к прогнозированию перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей, включающий ряд методических положений по проведению стратегического анализа развития мирового агропродовольственного рынка и отечественных аграрных рынков в системе международных экономических связей, рекомендации по формированию информационной базы для проведения эмпирических исследований, определению прогнозных показателей и разработке методики прогнозирования развития перспективных направлений аграрного рынка в системе международных экономических связей (рис. 1).

Реализация предложенного методологического подхода позволит сформировать гибкую, научно обоснованную, экс-

портно ориентированную стратегию развития аграрных рынков в системе международных экономических связей.

Методические положения по проведению стратегического анализа мирового агропродовольственного рынка позволяют осуществить качественный стратегический анализ глобальных структурных изменений мирового рынка продовольствия и его отдельных сегментов с учетом ресурсной обеспеченности, темпов экономического роста, научно-технологических, геополитических и геоэкономических трансформаций; определить вектор приоритетных направлений мировой торговли; своевременно выявить возможность возникновения глобальных вызовов и угроз.

Таблица 1 – Типы эконометрических моделей частичного равновесия для прогнозирования развития аграрных рынков в международной практике / Table 1 – Types of econometric partial equilibrium models for forecasting the development of agricultural markets in international practice

Модель частичного равновесия / Partial equilibrium model	**Качественные характеристики / Qualitative characteristics**	
	Достоинства / Advantages	**Недостатки / Disadvantages**
Модель анализа экономической политики в области сельского хозяйства стран СНГ (EPACIS)	Позволяет исследовать двусторонние внешнеторговые потоки среди стран Ближнего и Дальнего зарубежья в разрезе продуктовых групп	Не позволяет акцентировать внимание на аспектах эффективности государственного регулирования аграрного сектора
Эмпирическая сельскохозяйственная модель анализа внутриотраслевых связей (MAGALI)	Исследует закономерности социально-экономического развития отрасли (рынка) с позиции демографической ситуации, производства, доходов, капитальных затрат, закредитованности	Основывается на влиянии среднесрочных ценовых факторов на развитие аграрного сектора, занятости, стоимость ресурсов
Модель частичного равновесия для анализа торговли сельскохозяйственной продукцией и торговой политики в условиях усиления интеграционных процессов в СНГ и вступления в ВТО (RATSIM)	Позволяет оценить уровень влияния господдержки на сельское хозяйство	Не учитывает эффекты господдержки при изменении тарифных и нетарифных форм регулирования отдельных рынков
Модель экономической диагностики имитации сельскохозяйственной политики (DESPA)	Позволяет выбрать оптимальный вариант принятия управленческих решений в зависимости от динамики развития аграрного сектора и курса агропродовольственной политики	Имитирует прогнозные параметры аграрного производства в зависимости от внешних факторов, не зависящих от внутренних процессов в аграрной сфере, среди которых цены на продукты и ресурсы, государственный контроль, субсидии
Рекурсивная динамическая модель частичного равновесия (AGLINK-COSIMO)	Позволяет спрогнозировать потребление, производство, среднегодовые цены на основные виды продовольствия, реализуемого на мировом рынке, для каждой страны; позволяет оценить различные варианты государственного регулирования агропродовольственной сферы	Базируется на предпосылках рынка совершенной конкуренции; исследует процессы замещения товаров, произведенных в стране и поступивших по импорту

Источник: составлена авторами по [1; 2].

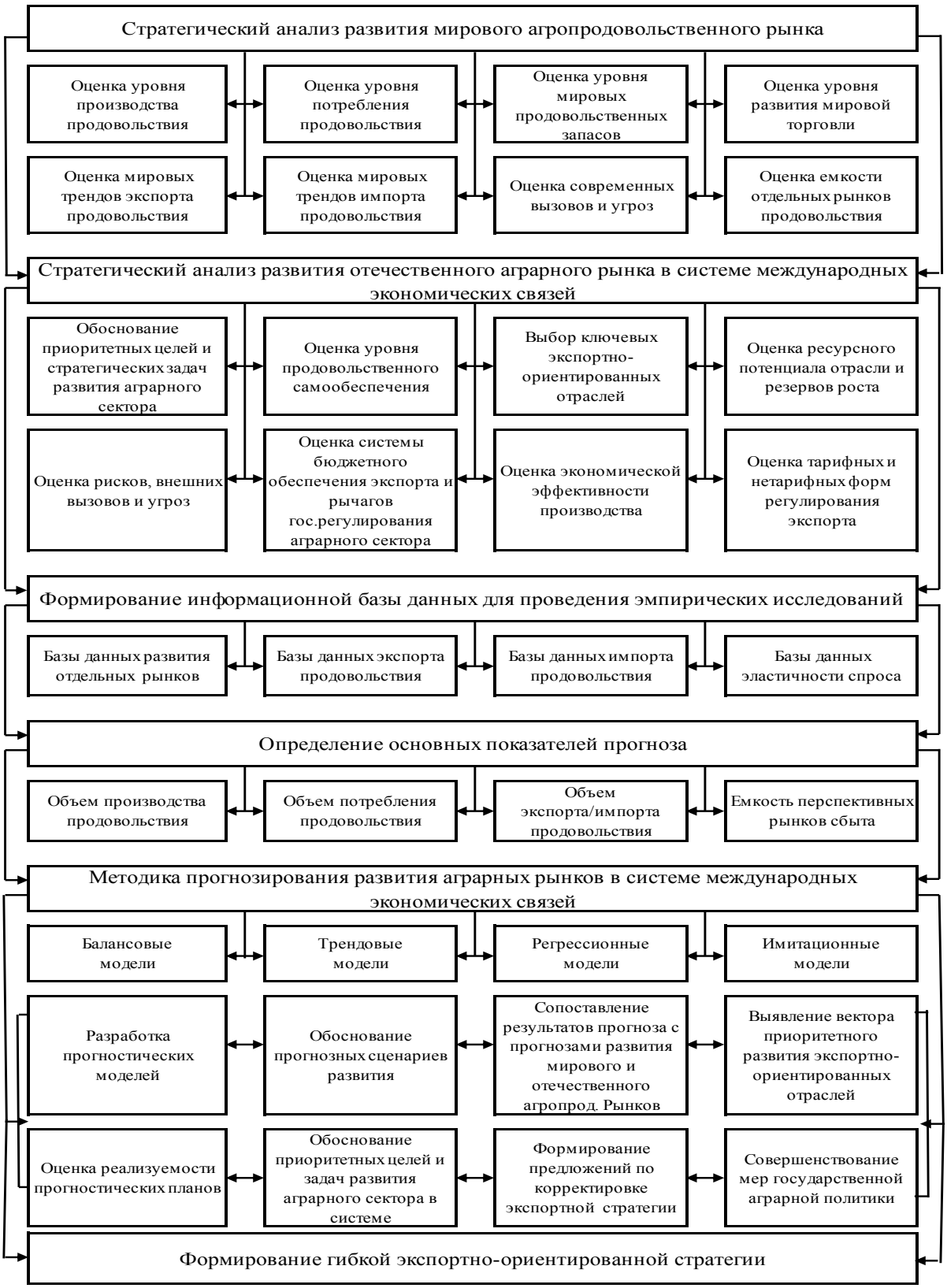

Рисунок 1 – Методологический подход к прогнозированию перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей /
Figure 1 – Methodological approach to forecasting promising areas of agricultural market development in the system of international economic relations

Источник: разработан авторами.

Так, в условиях геополитической неопределенности и нестабильности мировой экономики сельское хозяйство практически всегда выступает объектом торговых ограничений (протекционизм, торговые войны, эмбарго, торговые барьеры), что вызывает переформатирование торгово-экономических потоков, волатильность цен на продовольствие и требует уточнения информации по ключевым странам – экспортерам и странам – импортерам продовольствия в разрезе отдельных продуктовых групп [3].

Методические положения по проведению стратегического анализа развития отечественных аграрных рынков в системе международных экономических связей предполагают обоснование приоритетных целей и стратегических задач развития аграрного сектора с учетом национальных потребностей и мировых трендов; оценку уровня продовольственной самообеспеченности; выбор ключевых экспортно ориентированных отраслей; оценку ресурсного потенциала отдельных аграрных рынков и поиск резервов их роста; оценку рисков, возможности возникновения внешних и внутренних вызовов и угроз; оценку системы бюджетного обеспечения экспорта и рычагов государственного регулирования аграрного сектора; оценку экономической эффективности производства; оценку тарифных и нетарифных форм регулирования экспорта и импорта.

Объектом стратегического анализа отечественного рынка выступают спрос, предложение, сбалансированность рынка, его структурные изменения.

Так, в отрасли растениеводства предложение формируется с учетом площади посевов возделываемых культур и их урожайности, в животноводстве – поголовья сельскохозяйственных животных и птицы, их продуктивности. Объем производства основных видов продовольствия в различных сегментах анализируется с позиции экономической эффективности производства. Особое внимание уделяется себестоимости, уровню рентабельности, ресурсной обеспеченности отраслей, аграрной структуре производства в разрезе отдельных категорий хозяйств. Следует уделить отдельное внимание долгосрочным факторам, влияющим на объем производства. Например, высокий срок окупаемости инвестиционных вложений в отрасли мясного скотоводства способствует сокращению поголовья крупного рогатого скота (КРС) и вызывает необходимость увеличения государственной поддержки отрасли.

Спрос на агропродовольственном рынке определяется перспективной численностью населения, его платежеспособностью, экономической доступностью продуктов питания, покупательной способностью национальной валюты, уровнем инфляции. Параметры спроса характеризуются уровнем потребления продуктов питания в расчете на душу населения в год в сравнении с рациональными нормами потребления, зависят от вкусов, предпочтений, национальных традиций.

В условиях санкционных противостояний России со странами Запада и усиления тенденций государственного регулирования агропродовольственной сферы особый интерес вызывает изучение ключевых направлений государственной поддержки сельского хозяйства, а также отдельных аспектов политики протекционизма: пошлин, квот и др.

Перспективные параметры экспорта и импорта продовольствия определяются балансом между производством и внутренним потреблением.

Важной составляющей динамики импортных потоков является установление уровня технологической зависи-

мости отраслей АПК от импорта комплектующих, технологий, семян, комбикормов, ветеринарных препаратов.

Насыщение внутреннего рынка продовольствием и его затоваривание на фоне введения в эксплуатацию дополнительных производственных мощностей обусловливают развитие экспортной деятельности. Целесообразно сравнить тренды общероссийского и мирового экспорта, определить долю России на мировом агропродовольственном рынке, ее ближайших конкурентов, обосновать приоритетные направления отечественного агроэкспорта с высокой добавленной стоимостью, изучить основные проблемы вхождения на мировой рынок, а также выявить перспективные рынки сбыта.

Высокая волатильность мировых цен на продовольствие, научно-техническое соперничество, геоэкономическая нестабильность в мире и макроэкономическая ситуация в стране существенно затрудняют изучение тенденций развития отечественных аграрных рынков в системе международных экономических связей, сокращают горизонты прогнозирования (среднесрочный прогноз, сельскохозяйственный год, сезон) и негативно влияют на качество прогноза [1; 3].

Формирование информационной базы для проведения эмпирических исследований. Ключевой составляющей качества прогноза являются статистические базы данных, детализированные по времени и отражающие тренды развития отдельных аграрных рынков. Базу данных для проведения эмпирических исследований составляет информация из различных источников: статистическая отчетность о функционировании отечественных локальных (региональных) аграрных рынков, мирового агропродовольственного рынка, экспорта и импорта продовольствия, эластичности спроса, представленная данными Федеральной службы государственной статистики РФ, Министерства сельского хозяйства РФ, ЕМИС, Федеральной таможенной службы, ФАО ООН, ОЭСР, Международного статистического комитета Содружества Независимых Государств, ЕАЭС, а также итоги социологических опросов и исследований.

Прогнозирование развития аграрного рынка в системе международных экономических связей является одной из наиболее сложных задач. Трудность заключается в том, что в прогнозе должны быть отражены не только перспективные параметры объекта прогнозирования, но и факторы, показывающие макроэкономическую динамику в стране и мире, производственно-экономические отношения в АПК, государственное регулирование сельского хозяйства, особенности международных торгово-экономических связей, воздействующие на его структуру, конъюнктуру, ресурсный потенциал, конкурентоспособность товаропроизводителей, платежеспособный спрос. Поэтому от качества и полноты информационной базы данных, характеризующих тенденции развития аграрных рынков в системе международных связей, зависит точность и надежность результатов прогнозирования [2].

Разработанный нами методологический подход к прогнозированию перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей включает в себя положения по определению основных показателей прогноза: объемов производства и потребления, определяющих сбалансированность отдельных аграрных рынков по параметрам текущего спроса и предложения продовольствия с учетом экономической и физической доступности продуктов питания; потенциальных объемов экспорта и импорта продовольствия; емкости

перспективных рынков сбыта, а также предсказание перспектив их дальнейшего развития.

Объем производства в отрасли растениеводства определяется валовым сбором сельскохозяйственных культур, в животноводстве – поголовьем сельскохозяйственных животных и птицы, объемами производства мяса по видам, в частности говядины, свинины, баранины, мяса птицы, прочих видов мяса.

Объем потребления определяется показателем потребления различных видов продовольствия в расчете на душу населения, прогнозной численностью населения, уровнем доходов, ценами на продовольствие.

Оценку емкости рынка целесообразно осуществлять на основе сопоставления нормативной и фактически сложившейся емкости. Нормативная емкость рынка определяется исходя из рациональных норм потребления, рекомендованных Минздравом РФ, и прогнозируемой численности населения на определенный момент времени. Фактическая емкость отражает сложившуюся структуру потребления с учетом вкусов и предпочтений потребителей, национальных традиций, экономической доступности продовольствия. Определяется как произведение фактического потребления определенного вида продовольствия на душу населения на прогнозную численность населения [3].

Методика прогнозирования развития аграрных рынков в системе международных экономических связей включает в себя разработку многовариантных прогностических моделей; обоснование прогнозных сценариев развития; сопоставление прогнозных данных с траекторией развития мирового и отечественного агропродовольственных рынков; выявление вектора развития приоритетных экспортно ориентированных отраслей; оценку реализуемости прогностических планов; обоснование приоритетных целей и задач аграрного сектора в системе международных экономических связей; формирование предложений по корректировке экспортной стратегии; совершенствование направлений государственной аграрной политики. В рамках исследования нами предложена методика прогнозирования перспективных направлений развития отдельных аграрных рынков в системе международных экономических связей (рис. 2).

Методика предполагает проведение структуризации задач развития мирового и отечественного агропродовольственных рынков, разработку комплекса взаимодополняемых экономико-математических моделей (балансовых, трендовых, корреляционно-регрессионных и имитационных), обоснование которых позволит определить прогнозные параметры развития отдельных аграрных рынков, выявить вектор их приоритетного совершенствования в системе международных экономических связей и сформировать гибкую экспортно ориентированную стратегию, учитывающую сложную торгово-экономическую среду функционирования отечественного и мирового агропродовольственных рынков и позволяющую вносить коррективы в ключевые мероприятия государственной аграрной политики.

Обсуждение и заключения. Предлагаемый методологический подход к прогнозированию перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей позволяет обосновать прогнозные сценарии развития международной торговли РФ в сфере продовольствия, которые могут служить инструментом корректировки ключевых индикаторов, заложенных в документы стратегического планирования, среди которых стратегии, госпрограммы и нацпроекты развития АПК.

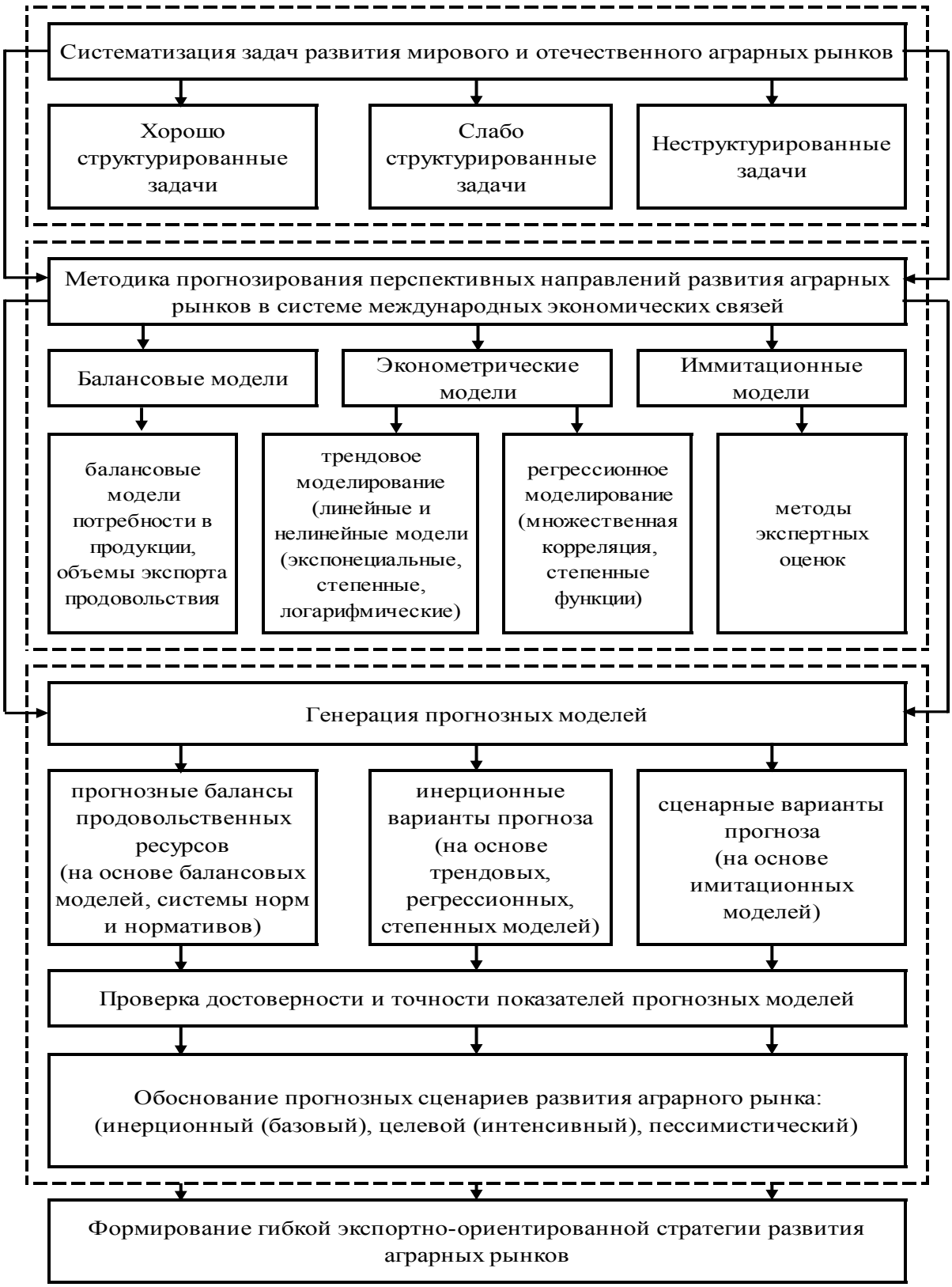

Рисунок 2 – Методика прогнозирования перспективных направлений развития аграрных рынков в системе международных экономических связей /
Figure 2 – Methodology for forecasting promising areas of agricultural market development in the system of international economic relations

Источник: разработан авторами.

Список литературы

1. Методический подход к прогнозированию развития агропродовольственного рынка макрорегиона / Е.В. Афанасьев и др. // Достижения науки и техники АПК. – 2016. – Т. 30. – № 3. – С. 5-8.

2. Самыгин Д.Ю., Барышников Н.Г., Мизюркина Л.А. Модели сценарного прогнозирования развития сельского хозяйства региона // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 865-879. – DOI: 10.17059/2019-3-18.

3. Бородин К.Г. Методология прогнозирования агропродоволь-ственного рынка // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2021. – Т. 2. – № 12. – С. 60-69. – DOI: 10.33 938/21122-60.

References

1. A methodological approach to forecasting the development of the agro-food market in a macroregion / E.V. Afanasyev et al. // Achievements of science and technology of the agro-industrial complex. – 2016. – Vol. 30. – No. 3. – Pp. 5-8.

2. Samygin D.Yu., Baryshnikov N.G., Mizyurkina L.A. Models of scenario forecasting of agricultural development in the region // The economy of the region. – 2019. – Vol. 15. – No. 3. – Pp. 865-879. – DOI: 10.17059/2019-3-18.

3. Borodin K.G. Methodology of forecasting the agro-food market // Economics, labor, management in agriculture. – 2021. – Vol. 2. – No. 12. – Pp. 60-69. – DOI: 10.33938/21122-60.

Об авторах:

Усенко Людмила Николаевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный Ростовский аграрный научный центр» (ФРАНЦ) (Ростовская область, Аксайский район, пос. Рассвет, ул. Институтская, 1), член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, председатель Ростовского регионального отделения Вольного экономического общества России, научный руководитель, заведующий кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Холодова Марина Александровна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный Ростовский аграрный научный центр» (ФРАНЦ) (Ростовская область, Аксайский район, пос. Рассвет, ул. Институтская, 1);

Салтык Иван Петрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры физико-математических дисциплин и информатики, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Курский государственный аграрный университет» (г. Курск, ул. Карла Маркса, 70);

Болохонцева Юлия Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой аграрных технологий, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Курский государственный аграрный университет» (г. Курск, ул. Карла Маркса, 70).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Усенко Л.Н., Холодова М.А., Салтык И.П., Болохонцева Ю.И.

About the Authors:

Lyudmila N. Usenko, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Federal State Budget Scientific Institution «Federal Rostov Agricultural Research Centre» (FSBSI FRARC) (Rostov Region, Aksaysky District, Rassvet village, Institutskaya St., 1), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Rostov regional department of Free Economic Society of Russia, Scientific Director, Head of the Department of Analysis of Economic Activity and Forecasting of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)» (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Marina A Kholodova, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Federal State Budget Scientific Institution «Federal Rostov Agricultural Research Centre» (FSBSI FRARC) (Rostov Region, Aksaysky District, Rassvet village, 1 Institutskaya St.);

Ivan P Saltyk, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Physics and Mathematics and Computer Science, Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Kursk State Agrarian University» (Kursk, 70 Karla Marksa St.);

Julia I Bolokhontseva, PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Agricultural Technologies, Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Kursk State Agrarian University» (Kursk, 70 Karla Marksa St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 27.05.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 L. Usenko, M. Kholodova, I. Saltyk, J. Bolokhontseva

УДК 338.43:631.15 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.57.58.003

Институциональные и ресурсные дисбалансы устойчивого развития агропромышленного комплекса России: системный анализ и концептуальная модель

Макаренко Е.Н. [1], Гузей В.А. [1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

79185140585@yandex.ru

Аннотация

Введение. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса России остаётся стратегическим приоритетом, однако существующая система индикаторов и механизмов управления не обеспечивает сбалансированности экономических, социальных и экологических параметров.

Материалы и методы. На основе обобщения данных трёх массивов эмпирических исследований (статистика Росстата за 2013–2024 гг., индикаторы ЦУР, стратегические документы) применены методы сравнительного, системного и институционального анализа, а также кластерный подход к оценке региональной дифференциации.

Результаты исследования. Выявлено, что индикативная система устойчивого развития АПК остаётся фрагментарной: из 248 национальных показателей ЦУР в статусе разработки числится 126, при этом экологические цели (ЦУР 7, 12–15) представлены слабо. Установлен дисбаланс между ростом валовых показателей (инвестиции выросли в 1,5 раза за 2016–2021 гг.) и качественными характеристиками (доля техники старше 10 лет достигла 70%, рентабельность зернового производства снизилась на 7,6 п.п. за 2021–2023 гг.).

Обсуждение и заключения. Предложена трёхуровневая концептуальная модель, интегрирующая ресурсный, институциональный и индикативный компоненты, которая позволяет разрешить выявленные противоречия. Теоретическая значимость заключается в обосновании институциональной природы структурных дисбалансов; практическая – в разработке рекомендаций по корректировке стратегических документов и механизмов государственной поддержки.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, устойчивое развитие, цели устойчивого развития (ЦУР), институциональная ловушка, ресурсный потенциал, ESG-трансформация, система индикаторов.

Для цитирования. Макаренко Е.Н., Гузей В.А. Институциональные и ресурсные дисбалансы устойчивого развития агропромышленного комплекса России: системный анализ и концептуальная модель. *Учет и статистика.* 2026;3(23):23-31. doi: 10.54220/1994-0874.2026.57.58.003.

JEL: Q18 Research article

Institutional and Resource Imbalances in the Sustainable Development of the Russian Agro-Industrial Complex: a Systemic Analysis and Conceptual Model

Makarenko E.N. [1], Guzey V.A. [1]
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

79185140585@yandex.ru

Abstract

Introduction. Sustainable development of the Russian agro-industrial complex remains a strategic priority; however, the current indicator system and governance mechanisms fail to balance economic, social, and environmental dimensions.

Materials and Methods. Synthesising data from three empirical research streams (Rosstat statistics for 2013–2024, SDG indicators, strategic documents), comparative, systemic, and institutional analyses are employed alongside a cluster approach to regional differentiation.

Results. The SDG indicator system proves fragmented: 126 out of 248 national indicators remain under development, with environmental goals (SDGs 7, 12–15) weakly represented. A misbalance is identified between gross output growth (investment 1.5-fold increase in 2016–2021) and qualitative parameters (machinery over 10 years old – 70%; grain profitability dropped by 7.6 percentage points in 2021–2023).

Discussion and conclusions. A three-tier conceptual model integrating resource, institutional, and indicator components is proposed, resolving revealed contradictions. Theoretical significance lies in substantiating the institutional nature of structural imbalances; practical significance – in recommendations for adjusting strategic documents and state support mechanisms.

Keywords: agro-industrial complex, sustainable development, Sustainable Development Goals (SDGs), institutional trap, resource potential, ESG transformation, indicator system.

For citation. Makarenko E.N., Guzey V.A. Institutional and Resource Imbalances in the Sustainable Development of the Russian Agro-Industrial Complex: a Systemic Analysis and Conceptual Model. *Accounting and Statistics*. 2026;3(23):23-31. doi: 10.54220/1994-0874.2026.57.58.003.

Введение. Агропромышленный комплекс страны принято считать не просто отраслью: он выполняет роль системного фундамента, определяющего и продовольственное обеспечение рынка, и, что не менее важно, социальное самочувствие на сельских территориях, которые занимают чуть ли не две трети всей площади России.

За период с 2013 по 2024 год валовые сборы зерна росли довольно быстро: в 2022-м они достигли рекордных 105 млн тонн. Урожайность пшеницы, которая за предыдущие десять лет в среднем держалась на уровне около 26 ц/га, в отдельные сезоны поднималась выше 36 ц/га. Но можно ли закрывать глаза на то, что за этими достижениями всё отчётливее проявляются системные перекосы? Приятные цифры не должны вводить в заблуждение: именно они, как ни парадоксально, могут со временем свести на нет все нынешние успехи.

Что касается теоретических трактовок, то в научных работах под устойчивым развитием аграрной сферы чаще всего понимают баланс трёх составляющих: экономической, социальной и экологической. По сути, речь идёт о согласовании интересов в системе «природа – общество – человек», и это триединство признаётся многими исследователями базовым ориентиром. Однако, как показывает анализ отечественных исследований, этот переход носит скорее декларативный, чем инструментальный характер.

Представляется, что именно эта фрагментарность методологических конструкций выступает одним из главных препятствий на пути формирования эффективной стратегии государственной поддержки. Ведь если индикаторы устойчивости разрабатываются разными ведомствами и научными школами независимо, то на выходе мы получаем несопоставимые, а подчас и противоречивые данные, которые не дают целостной картины. Более того, многие из этих индикаторов остаются «закрытыми» для практического мониторинга: они либо не имеют утверждённых методик расчёта, либо привязаны к устаревшим статистическим формам. Не означает ли это,

что сама постановка проблемы устойчивого развития в российском АПК пока не обеспечена адекватным измерительным инструментарием? По нашему убеждению, ответ на этот вопрос утвердительный, и это обстоятельство требует незамедлительной рефлексии со стороны научного сообщества и органов управления.

Цель настоящей работы – на основе системного обобщения эмпирических данных и критического анализа существующих подходов предложить концептуальную модель, интегрирующую ресурсный, институциональный и индикативный компоненты устойчивого развития АПК, а также выявить ключевые институциональные ловушки, препятствующие достижению сбалансированности.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили три массива данных, разнородных по своей природе, что потребовало применения комбинированного аналитического инструментария. Первый массив – это официальные статистические показатели развития АПК за период 2013–2024 гг., охватывающие динамику инвестиций в основной капитал, обновление основных фондов и финансовые результаты деятельности сельхозорганизаций. Второй – национальная система индикаторов, соотнесённых с ЦУР, в том виде, в каком она представлена в сводных докладах Росстата и стратегических документах. Третий – результаты региональных исследований, включая данные о закупочной деятельности в АПК Ростовской области (6 672 наблюдения за 2024 год).

В качестве основных методов применялись сравнительный анализ, позволяющий сопоставить темпы роста валовых показателей с качественными сдвигами; системный подход, в рамках которого АПК рассматривался как многокомпонентная структура с обратными связями; институциональный анализ, нацеленный на выявление формальных и неформальных ограничений, влияющих на принятие решений. Для установления устойчивых паттернов региональной дифференциации использован кластерный подход, основанный на группировке регионов по трём блокам: экономическому (инвестиции, рентабельность), социальному (занятость, доходы) и экологическому (состояние водных объектов, выбросы).

Результаты исследования

1. Фрагментарность индикативной системы как системная проблема.

Прежде всего, анализ прогресса в разработке национальной системы индикаторов устойчивого развития выявляет её очевидную фрагментарность. Ещё в 2017 году из 244 глобальных индикаторов ЦУР в отечественном Национальном наборе 156 оставались не разработанными, то есть практически две трети показателей либо не имели утверждённой методики, либо не собирались на регулярной основе. К 2022 году, несмотря на все усилия профильных ведомств, ситуация изменилась незначительно: в статусе разработки по-прежнему числилось 126 из 248 индикаторов. Иными словами, за пять лет доля «неработающих» показателей сократилась лишь с 64 до 51% – темп, который вряд ли можно признать удовлетворительным.

Особенно показательной выглядит ситуация с экологическим блоком: цели 7 (чистая энергия), 12 (ответственное потребление), 13 (борьба с изменением климата), 14 (сохранение водных ресурсов) и 15 (сохранение наземных экосистем) представлены в национальной системе крайне слабо – не более чем единичными показателями, многие из которых к тому же не имеют пространственной привязки к аграрному сектору. Это при том, что на территории России потепление происходит в два раза быстрее, чем на суше планеты в целом (примерно на 0,5 °C за десятилетие), и сельскохозяйственные системы, будучи

биологически детерминированными, наиболее зависимы от природных катаклизмов. Лишь в декабре 2021 года был принят краткосрочный Отраслевой план адаптации к изменениям климата, тогда как долгосрочная стратегия отсутствует. Такое положение дел, на наш взгляд, свидетельствует не столько о методологической сложности, сколько о системном перекосе в сторону экономических приоритетов.

2. Парадокс количественного роста: инвестиции растут, фонды стареют.

Парадоксальность текущей ситуации становится ещё более рельефной при сопоставлении двух групп данных. С одной стороны, за 2016–2021 гг. инвестиции в основной капитал АПК выросли в 1,5 раза – с 623,3 до 962,1 млрд руб. Казалось бы, впечатляющий результат, свидетельствующий о восстановлении отрасли после кризиса 2014–2015 годов. Но, с другой стороны, доля сельскохозяйственной техники со сроком эксплуатации более 10 лет достигла 70%, а это критический уровень, за которым следует не просто физический износ, а существенное снижение технологической эффективности и рост удельных затрат на ремонты и энергоносители. Нагрузка на один трактор в России составляет 363 га, тогда как в США – 77,8 га, во Франции – 16,0 га, в Германии – 11,5 га.

Более того, рентабельность зернового производства, которое традиционно считается локомотивом всего АПК, за период 2021–2023 годов снизилась на 7,6 процентного пункта. В Ростовской области за тот же период уплачено 157,9 млрд руб. вывозных таможенных пошлин, тогда как субсидии агробизнесу составили лишь 3 млрд руб. – соотношение, которое трудно назвать справедливым. Неудивительно, что закрылось более 400 фермерских хозяйств. Не означает ли это, что количественный рост инвестиций оборачивается инвестиционной ловушкой – они направляются преимущественно в расширение посевных площадей и закупку импортных семян, но не в модернизацию машинно-тракторного парка и внедрение ресурсосберегающих технологий?

3. Ресурсные дисбалансы: земля, труд, капитал – три полюса одной диспропорции.

Земельные ресурсы. По официальным данным на 1 января 2021 года, пустующие сельскохозяйственные угодья составляют 44,93 млн га, однако экспертные оценки называют цифру почти вдвое выше – около 100 млн га. Вот ещё что обращает на себя внимание. В общей долевой собственности находится 57,4 млн га земли, и 14,2 млн. из них – это невостребованные доли. Казалось бы, цифра известна. Но насколько ей можно доверять? Такая двойственность учёта, по нашему убеждению, не просто создаёт техническую неопределённость – она формирует благоприятную среду для перераспределения субсидий и ослабления земельного контроля. А главное, мешает провести реальную инвентаризацию. Не зная точно, сколько земли простаивает, как разрабатывать стратегию ввода в оборот? Как обосновывать инвестиции в мелиорацию? Эти вопросы пока остаются без ответа.

Теперь – о трудовых ресурсах. Цифры здесь тоже красноречивы. Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась с 4,78 млн человек в 2019 году до 4,20 млн в 2022-м, то есть на 12%. Одновременно выработка на одного работника подскочила с 1,214 до 2,107 млн руб. – рост в 1,74 раза. На первый взгляд, отличная динамика производительности. Но если присмотреться, становится ясно: это не столько результат технического перевооружения, сколько следствие сокращения штатов и интенсификации труда тех, кто остался. И тут же всплывает старая, как мир, проблема разрыва в оплате: в 2021 году зарплата аграриев составляла всего 68,9% от средней по

экономике. А ведь за этим стоят конкретные демографические последствия: низкая продолжительность жизни на селе, высокая смертность среди мужчин трудоспособного возраста. Можно ли считать такое положение устойчивым?

Перейдём к материально-технической базе. К уже обсуждавшемуся старению парка добавляется ещё одна тревожная тенденция: цифровизация закупок явно пробуксовывает. В 2024 году лишь 21,9% сельхозорганизаций используют профильное программное обеспечение для закупок, и это даже ниже пикового значения 2022 года (26,9%). Почему происходит этот «цифровой откат»? Экономическими причинами его не объяснить. Скорее всего, сказалась смена приоритетов в условиях санкций, а может быть, и разочарование в том, что первые внедрения не дали обещанного эффекта. Однако точного ответа у нас пока нет.

Следует обратить внимание на институциональные аспекты, определяющие динамику развития аграрного сектора. Как показывает анализ, глубинная причина сохраняющихся структурных диспропорций во многом связана с логикой стратегического целеполагания, заложенной в программных документах. В действующих стратегиях и программах преобладают экономические индикаторы: объёмы производства, доходность, экспортные показатели, тогда как социальные параметры (занятость, уровень доходов, доступность инфраструктуры) и экологические ограничения (состояние почв, выбросы, водопотребление) представлены в значительно меньшей степени. Это свидетельствует о наличии определённого дисбаланса между заявленными целями поддержки и реальными инструментами их достижения: субсидии, кредитные и налоговые льготы нередко привязаны к упрощённым критериям, что ограничивает комплексный подход к оценке эффективности.

В отношении доступа к государственной поддержке можно отметить, что при формальном равенстве участников закупочных процедур на практике наблюдается смещение приоритетов в пользу крупных агрохолдингов. Малые и средние хозяйства, которые, по имеющимся оценкам, способны предложить конкурентоспособную и качественную продукцию, зачастую получают меньший объём поддержки. Такая ситуация во многом обусловлена критериями отбора, ориентированными прежде всего на масштаб деятельности, а не на показатели эффективности или социальную значимость. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее совершенствование механизмов распределения поддержки с учётом более широкого спектра критериев, что позволит создать более сбалансированные условия для всех категорий хозяйств.

И ещё один острый угол – противоречие между ценой и качеством в госзакупках, в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1]. У нас доминирует цена. А за рубежом, скажем в Китае, на долю качественных характеристик приходится до 70% успеха. Что это, если не системное искажение стимулов? Понятно, что в АПК качество сырья напрямую определяет конечные результаты переработки, и игнорирование этого фактора ведёт к тому, что закупки не стимулируют производителей к улучшению продукции, а лишь поощряют демпинг и эко-

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации. 08.04.2013. Номер опубликования: 0001201304080014 [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201304080014.

номию на всём, включая семена и удобрения.

Обсуждение и заключения. Суммируя представленные эмпирические факты, мы приходим к не вполне утешительному, но, по-видимому, реалистичному выводу: текущая модель развития АПК воспроизводит дисбалансы на всех уровнях: техническом, цифровом, земельном, трудовом, институциональном и даже на уровне поведенческих паттернов домохозяйств. Попытки устранить эти дисбалансы по отдельности, без учёта их взаимосвязи, обречены на неудачу, и такова, как нам видится, главная институциональная ловушка.

На основе проведённого анализа мы выдвигаем следующую рабочую гипотезу: количественный рост АПК в условиях сложившейся институциональной матрицы не только не ведёт к качественным сдвигам, но, напротив, консервирует дисбалансы, поскольку все выгоды от роста присваиваются узким кругом крупных игроков, а издержки – экологические, социальные – распределяются среди территорий и малых производителей, не имеющих рычагов влияния. Если эта гипотеза верна, то простые меры по увеличению субсидий или снижению пошлин без пересмотра критериев доступа и принципов закупок вряд ли приведут к желаемому результату.

Вместо того чтобы ограничиваться точечными корректировками, мы предлагаем иную логику – трёхуровневую модель, где каждый компонент работает не изолированно, а во взаимосвязи с другими.

Первый уровень – ресурсный. Речь идёт не просто о наличии основных фондов, земли, людей и предпринимательской инициативы. Важнее другое: насколько качественно и эффективно эти ресурсы используются. Скажем, значима не столько площадь пашни, сколько доля реально обрабатываемых земель с учётом мелиоративных мероприятий, или не численность занятых сама по себе, а производительность труда, скорректированная на технологический уклад. Это смещает акцент с количества на качество, и в этом, на наш взгляд, ключевое отличие авторского подхода.

Второй уровень – институциональный. Здесь фокус на среде: качестве законодательства, механизмах господдержки, уровне кооперации и конкуренции. Мы предлагаем ввести особый коэффициент, назовём его условно «индекс институциональной сбалансированности». Он должен отражать пропорцию поддержки, получаемой крупными и малыми хозяйствами, а также долю экологических и социальных критериев в оценочных процедурах. Пока такие показатели в практике отсутствуют.

Третий уровень – индикативный. Это система показателей, которая отслеживает динамику по всем трём составляющим устойчивости: экономике, социуму, экологии. Но важно, чтобы эти показатели были жёстко привязаны к стратегическим документам и механизмам обратной связи. Без этого они останутся просто цифрами.

И здесь – самое существенное. Наша модель предполагает не просто набор индикаторов, а установление между ними причинно-следственных связей. Например: как обновление техники влияет на энергоёмкость продукции? Или как внедрение страховых механизмов сказывается на стабильности доходов в неблагоприятные годы? Подобная логика, насколько нам известно, в отечественной практике мониторинга пока не применялась системно.

В рамках настоящего исследования мы сосредоточились на анализе федеральных агрегированных показателей, что позволило выявить общие закономерности и тренды развития. При этом межрегиональные различия, в частности между южными зернопроизводящими регионами и зонами рискованного земле-

делия, остались за рамками нашего анализа, но это осознанное ограничение, которое определяет перспективные направления для последующих исследований.

Временной горизонт, охватывающий 2013–2024 годы, включает периоды значительных экономических и геополитических трансформаций, которые могли повлиять на долгосрочные тенденции. Данный фактор мы учитывали при интерпретации результатов, что позволяет рассматривать полученные выводы как основу для дальнейшей верификации на более продолжительных временных рядах.

Часть использованных экспертных мнений (например, касающихся неиспользуемых земель) носит оценочный характер, что подчёркивает необходимость их уточнения по мере поступления новых данных и совершенствования методик. В работе мы не ставили задачу всестороннего анализа влияния климатических изменений и санкционных ограничений на импорт техники и семян, поскольку эти вопросы требуют отдельного углублённого изучения. Их рассмотрение мы рассматриваем как важный этап дальнейших исследований, который позволит дополнить и обогатить полученные результаты.

Несмотря на все эти оговорки, мы считаем, что выявленные закономерности и предложенная концепция имеют ценность – и теоретическую, и практическую. Их можно использовать при корректировке стратегических документов до 2030 года. Более того, они создают основу для дальнейших эмпирических исследований, например для разработки интегрального индекса устойчивости АПК. В ближайших планах – построение эконометрических моделей, которые позволят оценить, насколько чувствительны ключевые показатели к изменению тех или иных факторов. А следом – рекомендации по оптимизации механизмов господдержки с учётом региональной специфики.

Подводя итог, можно отметить следующее. Во-первых, индикативная система устойчивого развития российского АПК пока остаётся фрагментарной и несбалансированной. Экологические и социальные параметры систематически недооцениваются, что порождает иллюзию устойчивости при реальном нарастании структурных диспропорций. Это, пожалуй, главный тревожный сигнал, который мы хотели бы донести.

Ключевой причиной дисбалансов является институциональная ловушка, в которой экономические индикаторы доминируют, а механизмы поддержки ориентированы на крупные агрохолдинги в ущерб малым и средним формам хозяйствования.

Предложенная трёхуровневая модель – ресурсный, институциональный и индикативный компоненты – позволяет системно увязать количественный рост с качественными сдвигами и обеспечить реальную сбалансированность.

Переход к устойчивому развитию требует не просто корректировки отдельных показателей, а кардинального пересмотра логики стратегического управления, смещения акцента с валовых объёмов на интегральные индексы, учитывающие экономическую, социальную и экологическую эффективность.

Список литературы

1. Национальный набор показателей ЦУР [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/national (дата обращения: 10.05.2026).

2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/45106 (дата обращения: 10.05.2026).

3. Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р (ред. от 19.12.2025) «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской

Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426435/.

4. Усенко Л.Н., Макаренко Е.Н., Гузей В.А. Теоретические аспекты исследования экономической категории «стартап» и источников финансирования стартап-компаний. Учет и статистика. 2025;3(22):18-27. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2025.38.98.002.

5. Макаренко Е.Н., Гузей В.А. Обеспечение устойчивого развития российской агропродовольственной системы, в контексте основополагающих факторов и перспектив. Учет и статистика. 2025;2(22):20-29. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2025.87.59.003.

6. Усенко Л.Н., Макаренко Е.Н., Гузей В.А. Анализ индексов, критериев и рейтингов в сфере устойчивого развития. Учет и статистика. 2025;1(22):11-19. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2025.60.56.001.

7. Усенко Л.Н., Макаренко Е.Н., Гузей В.А. Совершенствование аналитического обеспечения устойчивого развития. Учет и статистика. 2024;3(21):15-25. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2024.11.60.002.

8. Гузей В.А. Аналитическое исследование парадигмы корпоративной устойчивости. Учет и статистика. 2024;2(21):38-48. https://doi.org/10.54220/1043.2024.34.98.004

9. Усенко Л.Н., Гузей В.А. Теоретические аспекты исследования видов устойчивости в системе показателей устойчивого развития организации. Учет и статистика. 2024;1(21):29-39. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2024.91.65.004

References

1. Federal State Statistics Service (2026) National set of SDG indicators [Electronic resource]. – Access mode: https://rosstat.gov.ru/sdg/national (Accessed: 10.05.2026).

2. President of the Russian Federation (2020) Doctrine of food security of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: http://kremlin.ru/acts/bank/45106 (Accessed: 10.05. May 2026).

3. Government Regulation of 08.09.2022 No. 2567-r (edited 19.12.2025) "On approval of the Strategy for the development of agro-industrial and fisheries complex of the Russian Federation for the period up to 2030" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426435/.

4. Usenko L.N., Makarenko E.N., Guzey V.A. Theoretical Aspects of the Study of the Economic Category "Startup" and the Sources of Financing for Startup Companies. Accounting and Statistics. 2025;3(22):18-27. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2025.38.98.002.

5. Makarenko E.N., Guzey V.A. Ensuring the Sustainable Development of the Russian Agro-Food System in the Context of Fundamental Factors and Prospects. Accounting and Statistics. 2025;2(22):20-29. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2025.87.59.003.

6. Usenko L.N., Makarenko E.N., Guzey V.A. Analysis of Indices, Criteria, and Ratings in the Field of Sustainable Development. Accounting and Statistics. 2025;1(22):11-19. https://doi.org/10.54220/1994-0874.2025.60.56.001.

7. Usenko L.N., Makarenko E.N., Guzey V.A. Improvement of Analytical Support for Sustainable Development. Accounting and Statistics. 2024;3(21):15-25. https://doi.org10.54220/1994-0874.2024.11.60.002.

8. Guzey V.A. Analytical Study of the Corporate Sustainability Paradigm. Accounting and Statistics. 2024;2(21):38-48. https://doi.org10.54220/1043.2024.34.98.004.

9. Usenko L.N., Guzey V.A. Theoretical aspects of the study of the types of sustainability in the system of indicators of sustainable development of the organization. Accounting and statistics. 2024;1(21):29-39. https://doi.org10.54220/1994-0874.2024.91.65.004.

Об авторах:

Макаренко Елена Николаевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета и контроллинга, ректор ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заместитель председателя Общественной палаты Ростовской области, член Правления Вольного экономического общества России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Гузей Виктория Алексеевна, доктор экономических наук, доцент, заместитель декана учетно-экономического факультета по научно-исследовательской работе, профессор кафедры анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; одобрена после рецензирования 05.05.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Макаренко Е.Н., Гузей В.А.

About the Authors:

Elena N Makarenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of Accounting and Controlling Department, Rector of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)", Deputy Chairman of the Public Chamber of the Rostov Region, Member of the Board of the Free Economic Society of Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Victoria A Guzey, Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Accounting and Economics for Scientific Research, Professor of the Department of Analysis of Economic Activity and Forecasting of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.

The article was submitted on 13.03.2026; approved after reviewing on 05.05.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 E. Makarenko, V. Guzey

УДК 336.741.237:004.738.5 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.39.25.004

Цифровые валюты центральных банков в мировой финансовой системе: перспективы цифрового рубля

Вовченко Н.Г.[1], Садченкова Д.Ю.[1] ✉, Грибенюк Г.Р.[1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

✉ nauka.dar@gmail.com

Аннотация

Введение. С 2017 по 2024 год число центральных банков, разрабатывающих цифровые валюты (ЦВЦБ), возросло с 35 до 134, охватив 98% мирового ВВП. Статья посвящена системному анализу мирового опыта ЦВЦБ с позиций финансового суверенитета и перспектив развития цифрового рубля. Цель исследования – оценить место России в глобальной ЦВЦБ-архитектуре и разработать рекомендации по развитию цифрового рубля.

Материалы и методы. Методология включает сравнительный институциональный анализ 134 юрисдикций, кейс-стади пяти проектов (e-CNY, цифровой евро, цифровой рубль, mBridge, Project Dunbar) и авторский фреймворк «суверенного платёжного стека» (SPS).

Результаты исследования. Выявлено, что 73% ЦВЦБ-проектов реализуют двухуровневую архитектуру; лидирующую позицию занимает Китай (e-CNY: 22,6 млрд CNY-транзакций в 2024 году). Россия (SPS=7,6/10) сохраняет высокий потенциал, однако отстаёт от Китая по технологическому суверенитету. Установлено, что цифровой рубль способен стать инструментом «мягкой» дедолларизации и укрепления финансового суверенитета в условиях санкций.

Обсуждение и заключения. Предложены пять стратегических рекомендаций: ускоренное масштабирование пилота, интеграция в mBridge, внедрение офлайн-режима, развитие открытого API и формирование БРИКС-альянса цифровых валют. Результаты исследования вносят вклад в теорию монетарного суверенитета и имеют практическую значимость для регуляторов и финансовых институтов.

Ключевые слова: цифровые валюты центральных банков, цифровой рубль, финансовый суверенитет, дедолларизация, mBridge.

Для цитирования. Вовченко Н.Г., Садченкова Д.Ю., Грибенюк Г.Р. Цифровые валюты центральных банков в мировой финансовой системе: перспективы цифрового рубля. *Учет и статистика*. 2026;3(23):32-43. doi: 10.54220/1994-0874.2026.39.25.004.

JEL: E42 Research article

Central Bank Digital Currencies in the Global Financial System: Prospects for the Digital Ruble

Vovchenko N.G.[1], Sadchenkova D.Yu.[1] ✉, Gribenyuk G.R.[1]
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

✉ nauka.dar@gmail.com

Abstract

Introduction. From 2017 to 2024, the number of central banks developing digital currencies (CBDCs) grew from 35 to 134, covering 98% of global GDP. This article provides a

systemic analysis of global CBDC experience from the perspective of financial sovereignty and the prospects for the digital ruble. The study aims to assess Russia's position in the global CBDC architecture and to formulate recommendations for the digital ruble's development.

Materials and Methods. The methodology combines comparative institutional analysis of 134 jurisdictions, case studies of five projects (e-CNY, digital euro, digital ruble, mBridge, Project Dunbar), and the authors' proprietary Sovereign Payment Stack (SPS) framework.

Results. It is found that 73% of CBDC projects adopt a two-tier architecture; China holds a leading position (e-CNY: 22.6 billion CNY transactions in 2024). Russia (SPS=7.6/10) retains strong potential but lags behind China in technological sovereignty. The digital ruble is identified as a viable tool for "soft" de-dollarisation and strengthening financial sovereignty under sanctions.

Discussion and Conclusions. Five strategic recommendations are proposed: accelerated pilot scaling, integration into mBridge, offline-mode implementation, development of an open API, and the formation of a BRICS digital-currency alliance. The findings contribute to the theory of monetary sovereignty and offer practical value for regulators and financial institutions.

Keywords: central bank digital currencies, digital ruble, monetary sovereignty, de-dollarisation, mBridge.

For citation. Vovchenko N.G., Sadchenkova D.Yu., Gribenyuk G.R. Central Bank Digital Currencies in the Global Financial System: Prospects for the Digital Ruble. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):32-43. doi: 10.54220/1994-0874.2026.39.25.004.

Введение. Глобальная монетарная архитектура переживает системную трансформацию: к 2024 году 134 центральных банка (98% мирового ВВП) ведут разработку ЦВЦБ [27]. Д.А. Кочергин первым в отечественной науке систематизировал эту трансформацию, показав, что программируемость – ключевой атрибут ЦВЦБ, отличающий их от традиционных форм денег [6; 7]. Для России императив ЦВЦБ носит геополитический характер: санкционное отключение от SWIFT в 2022 году обнажило уязвимость трансграничных расчётов. Принятие ФЗ-339 [1] создало правовую основу «третьей формы» национальных денег; Концепция закрепила двухуровневую платформенную архитектуру, а дорожная карта – этапы масштабирования. М.В. Ершов и А.В. Навой обосновали потенциал цифрового рубля как инструмента «мягкой» дедолларизации [5; 11].

В отечественной науке В.Л. Достов и П.М. Шуст провели первый сравнительный анализ международного опыта ЦВЦБ [4]; С.Р. Моисеев исследовал макроэкономические эффекты эмиссии [10]; Г.А. Тосунян обосновал правовую природу цифрового рубля [12]; В.А. Гамза и С.А. Андрюшин выявили риски дисинтермедиации [3; 2]; С.В. Криворучко и В.А. Лопатин – регуляторные пробелы [8]. По итогам пилота проведено более 500 тыс. операций, однако системного сравнения с мировыми аналогами с позиций суверенитета в литературе недостаточно. Цель настоящей статьи – оценить место России в глобальной ЦВЦБ-архитектуре и разработать рекомендации по развитию цифрового рубля.

Материалы и методы. Исследование строится на принципе методологической триангуляции. Сравнительный институциональный анализ охватывает 134 юрисдикции по базам BIS [27; 28], IMF [13] и Atlantic Council [26]. Кейс-стади по Дж. Сивайту и Дж. Гирингу [24] реализован на пяти проектах: e-CNY, цифровой евро, цифровой рубль, mBridge, Project Dunbar. Авторский фреймворк «суверенного платёжного стека» (SPS) агрегирует пять критериев,

таких как правовая база, технологический суверенитет, инфраструктура, регламентация, кросс-бордерное взаимодействие, в единую метрику (0–10). Информационную базу составляют публикации международных финансовых организаций [26–30], отечественные академические источники [2–12] и Стратегия НПС.

ЦВЦБ – цифровое обязательство центрального банка, объединяющее ликвидность наличных денег и программируемость блокчейн-систем. Д.А. Кочергин [6] разграничивает три архитектурных типа: прямую (центральный банк ведёт розничные счета напрямую), косвенную (через посредников-дистрибьюторов) и гибридную (двухуровневая) модели. С.Р. Моисеев [10] показывает, что двухуровневая обеспечивает оптимальный баланс монетарного суверенитета и финансовой стабильности – её выбирают 73% действующих проектов. М.К. Брюннермайер и Д. Ниепельт [20] формализовали равенство Брюннермайера: при правильной архитектуре ЦВЦБ не вытесняет банковские депозиты, а дополняет их.

Финансовый суверенитет в цифровую эпоху определяется не только монопольным правом эмиссии, но и контролем над платёжной инфраструктурой. Г. Фаррелл и А. Ньюман [23] показали, что долларовые клиринговые сети превратились в инструменты геополитического принуждения. М.В. Ершов [5] обосновал: ЦВЦБ на собственной технологической платформе разрывают эту зависимость. В.В. Масленников, М.А. Федотова и А.Б. Сорокин [9] подчёркивают: без суверенных платёжных рельсов монетарная политика теряет эффективность независимо от качества решений центрального банка. Фреймворк SPS операционализирует финансовый суверенитет через пять равновзвешенных критериев (по 20%, шкала 0–10 баллов каждый), приведённых в таблице 1.

Таблица 1 – Критерии фреймворка SPS и их содержание /
Table 1 – SPS Framework Criteria and Their Content

Критерий / Criterion	**Содержание / Description**	**Индикаторы / Indicators**	**Вес / Weight**
1. Правовая база	Наличие законодательства, закрепляющего статус ЦВЦБ как законного платёжного средства	Принятый закон о ЦВЦБ; нормативные акты ЦБ; судебная практика	20%
2. Технологический суверенитет	Степень использования отечественных технологий: ПО, железо, криптография	Доля импортных компонентов; наличие нац. криптостандартов (ГОСТ); открытый код	20%
3. Инфраструктурная независимость	Автономность платёжных рельсов от внешних систем (SWIFT, Visa/MC, иностр. облака)	Собственная платёжная сеть; резервирование; офлайн-режим	20%
4. Регламентация	Полнота регуляторной базы: KYC/AML, смарт-контракты, защита данных, надзор	Число регуляторных актов; охват сценариев использования; санкции за нарушения	20%
5. Кросс-бордерное взаимодействие	Способность к трансграничным расчётам в ЦВЦБ без посредничества третьих валют	Двусторонние соглашения; участие в многосторонних ЦВЦБ-платформах (mBridge и др.)	20%

Источник: составлена авторами.

Итоговый балл SPS рассчитывается как среднее арифметическое пяти критериев. Интерпретация: SPS ≥ 8,0 – высокий суверенитет; 7,0–7,9 – средний (зависимость от внешних элементов сохраняется, но управляема); < 7,0 – низкий (критическая уязвимость перед внешним давлением). Россия (SPS=7,6) находится в средней группе: институциональный и регуляторный фундамент сформирован, однако технологический суверенитет и кросс-бордерные возможности остаются недостаточными.

Результаты исследования. По данным BIS [27] и Auer, Cornelli, Frost [18], к 2024 году 19 стран запустили ЦВЦБ; 66 – в стадии пилотирования; 49 – на этапе исследований (рис. 1). Динамика отражает нелинейный рост: 2020–2022 гг. – ускорение под влиянием пандемии и роста крипторынка; 2022–2024 гг. – институционализация под влиянием геополитических шоков. Санкционная волна 2022 года придала развитию ЦВЦБ статус стратегического приоритета: число стран в стадии пилота за 2022–2024 гг. выросло с 36 до 66, что свидетельствует о переходе от концептуальных исследований к реальному внедрению.

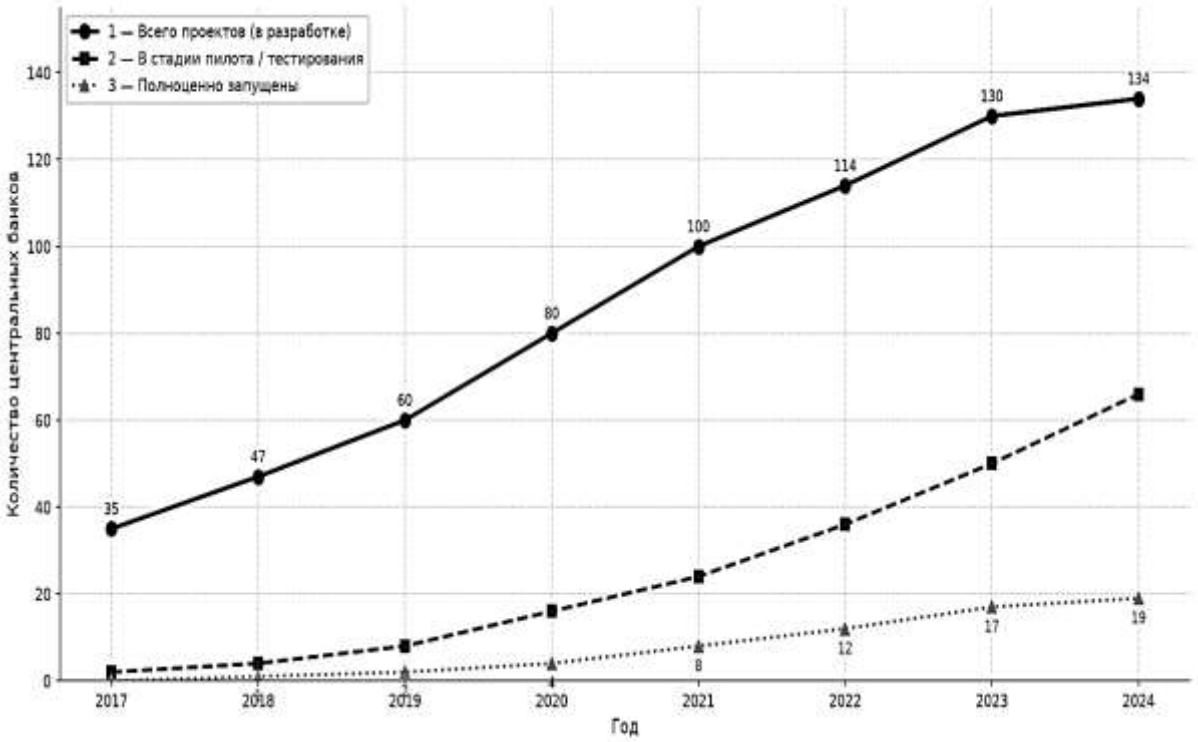

Рисунок 1 – Динамика ЦВЦБ-проектов центральных банков, 2017–2024 гг. /
Figure 1 – Dynamics of Central Bank Digital Currency Projects, 2017–2024

Источник: составлен авторами по данным BIS [27]; Auer, Cornelli, Frost [18]; Atlantic Council [26].

Таблица 2 систематизирует ключевые характеристики пяти ведущих ЦВЦБ-проектов. Китайский e-CNY лидирует по охвату (объём транзакций достиг 22,6 млрд CNY в 2024 году; рисунок 2), использует государственную блокчейн-инфраструктуру НБК и реализует «программируемые субсидии» через смарт-контракты [30]. Цифровой евро [29] ориентирован на конфиденциальность и совместимость с действующей платёжной системой ЕС. Цифровой рубль отличается высоким регуляторным стандартом и интеграционным потенциалом в рамках БРИКС.

Таблица 2 – Сравнительные характеристики ведущих ЦВЦБ-проектов /
Table 2 – Comparative Characteristics of Leading Central Bank Digital Currency Projects

Проект / Project	**Архитектура / Architecture**	**Технология / Technology**	**Статус 2024 / Status 2024**	**SPS**
e-CNY (Китай)	Двухуровневая	Собств. блокчейн НБК	19 млн кош.	9,2
Цифровой евро	Двухуровневая	Eurosystem DLT	Пилот (2023)	8,1
Цифровой рубль	Двухуровневая	Платформа Банка России	500 тыс. оп.	7,6
mBridge	Многостор.	mBridge Ledger	MVP (2024)	8,4
eNaira (Нигерия)	Прямая	Hyperledger Fabric	Запущена	5,8

Источник: составлена авторами по данным PBC White Paper [30].

Авторская методика SPS позволяет количественно сравнить степень суверенизации платёжных систем шести ведущих проектов (табл. 3; рис. 3). Россия (SPS=7,6) уступает Китаю (9,2) прежде всего по критерию технологического суверенитета (8 vs 9), что отражает зависимость от зарубежных компонентов аппаратно-программного обеспечения. Г.А. Тосунян [9] и А.В. Навой [11] указывают: именно устранение этого отставания является ключевым условием превращения цифрового рубля в полноценный инструмент суверенной платёжной политики. По итогам SPS-анализа Россия занимает 4-е место среди шести анализируемых юрисдикций; переход на отечественную элементную базу и криптографические стандарты ГОСТ способен поднять общий балл до 8,5–9,0.

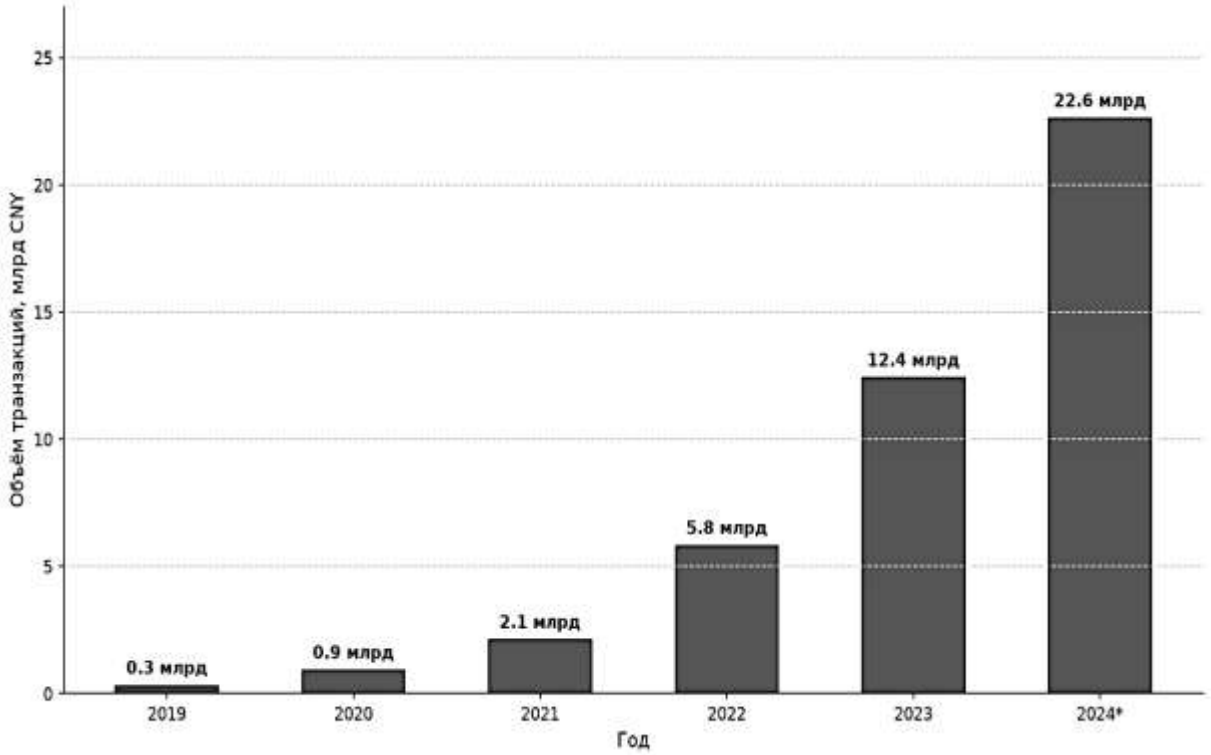

Рисунок 2 – Объём транзакций e-CNY, 2019–2024 гг. /
Figure 2 – e-CNY Transaction Volume, 2019–2024
Источник: составлен авторами по данным BIS mBridge [28]; Atlantic Council [26].

Таблица 3 – SPS-оценка ЦВЦБ-проектов по критериям суверенитета /
Table 3 – SPS-evaluation of CVCB projects based on the criteria of sovereignty

Страна / проект	Правов.	Техн.	Инфр.	Реглам.	Кросс-б.	Итого
Китай (e-CNY)	9	9	8	8	9	9,2
mBridge	8	8	8	9	9	8,4
ЕС (цифровой евро)	8	9	7	9	7	8,1
Россия (цифровой рубль)	8	8	8	8	6	7,6
Таиланд	7	7	6	7	7	6,8
Нигерия (eNaira)	6	5	5	7	5	5,6

Источник: рассчитана авторами по данным BIS [27; 28]; ECB [29]; Кочергин Д.А. [6; 7].

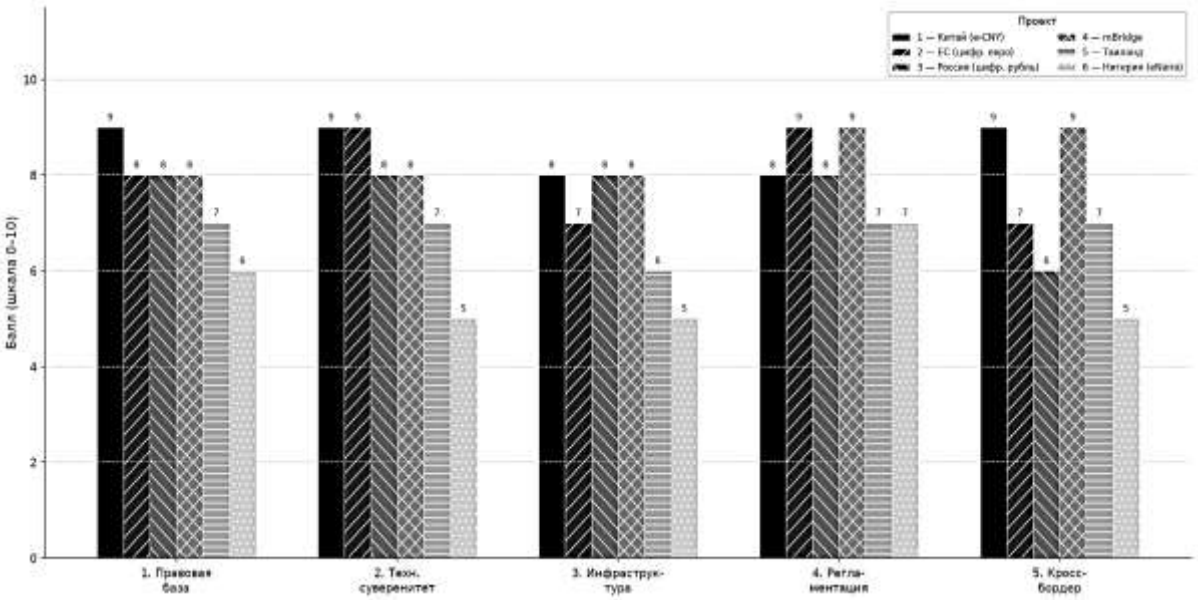

Рисунок 3 – SPS-оценка шести ЦВЦБ-проектов по пяти критериям суверенитета /
Figure 3 – SPS-evaluation of six CVCB projects based on five criteria of sovereignty

Источник: рассчитан авторами по данным BIS [27; 28]; ECB [29]; PBC [30]; Навой А.В. [11].

Масштабное внедрение ЦВЦБ порождает риски дисинтермедиации банков (табл. 4). Т. Адриан и Т. Манчини-Гриффоли [14] оценивают возможный отток средств из коммерческих банков в 5–20% депозитной базы при введении ЦВЦБ без лимитов на хранение. В.А. Гамза [3] и С.А. Андрюшин совместно с В.В. Кузнецовой [2] применительно к российскому контексту фиксируют аналогичный риск и предлагают лимиты в 300 000–500 000 руб. на кошелёк.

Обсуждение и заключения. Отечественная научная дискуссия о ЦВЦБ концентрируется вокруг трёх проблемных полей. Первое – монетарный суверенитет: С.Р. Моисеев [10] и М.В. Ершов [5] рассматривают цифровой рубль как инструмент реализации суверенной монетарной политики в условиях санкций; В.А. Гамза [3] предупреждает об угрозе дисинтермедиации. Второе – правовая природа: Г.А. Тосунян [12] квалифицирует цифровой рубль как обязательство Банка России «с ограни-

ченной ликвидационной массой»; С.В. Криворучко и В.А. Лопатин [8] выявляют пробелы в регулировании смарт-контрактов. Третье – международная интеграция: А.В. Навой [11] обосновывает потенциал цифрового рубля в БРИКС-расчётах; В.В. Масленников, М.А. Федотова и А.Б. Сорокин [9] указывают на необходимость суверенной технологической платформы как предпосылки полноценной дедолларизации.

Таблица 4 – Риски и ограничения: сравнение ЦВЦБ с банковскими депозитами / Table 4 – Risks and Limitations: Comparison of Central Bank Deposits with Bank Deposits

Параметр / Parameter	**ЦВЦБ / CBDC (Central Bank Digital Currency)**	**Банк. депозит / Bank deposit**	**Наличные / Cash**
Риск дефолта эмитента	Нет (ЦБ)	Есть (кред. риск)	Нет (ЦБ)
Программируемость	Высокая	Ограниченная	Нет
Конфиденциальность	Частичная	Частичная	Полная
Офлайн-режим	В разработке	Нет	Да
Кросс-бордерность	Потенциальная	Ограниченная	Ограниченная

Источник: составлена авторами.

На основе SPS-анализа и сравнительного кейс-стади сформулированы пять стратегических рекомендаций для развития цифрового рубля. Первая – ускоренное масштабирование: расширение числа участников пилота до 50 банков к 2026 году, введение лимита кошелька 500 000 руб. в соответствии с рекомендациями В.А. Гамзы [3] по минимизации риска дисинтермедиации. Вторая – интеграция в mBridge: вступление Банка России в консорциум BIS-mBridge для обеспечения трансграничных БРИКС-расчётов согласно интеграционному сценарию, описанному А.В. Навоем [11]. Третья – офлайн-режим: разработка защищённых NFC-чипов на базе отечественных микроконтроллеров серий «Эльбрус» и «Байкал», что устранит критический разрыв в технологическом суверенитете. Четвёртая – открытый API: стандартизированный протокол взаимодействия платформы цифрового рубля с FinTech-экосистемой; правовое урегулирование смарт-контрактов предполагает внесение поправок в ГК РФ и ФЗ о национальной платёжной системе для устранения пробелов, выявленных С.В. Криворучко и В.А. Лопатиным [8]. Пятая – БРИКС-альянс ЦВЦБ: многостороннее соглашение об интероперабельности цифровых валют как долгосрочный ответ на санкционные риски – институциональная основа для альтернативной SWIFT платёжной архитектуры, теоретически обоснованной В.В. Масленниковым, М.А. Федотовой и А.Б. Сорокиным [9].

Проведённое исследование позволяет рассматривать распространение цифровых валют центральных банков не как локальный технологический тренд, а как институциональную фазу трансформации денежного суверенитета. Увеличение числа ЦВЦБ-проектов с 35 в 2017 г. до 134 в 2024 г. свидетельствует о переходе центральных банков от экспериментальной повестки к проектированию цифровой платёжной инфраструктуры, встроенной в контуры национальной и трансграничной финансовой безопасности.

Авторский фреймворк SPS показал, что конкурентоспособность ЦВЦБ определяется не только фактом эмиссии цифровой формы национальной валю-

ты, но и качеством правового режима, глубиной технологической автономии, устойчивостью платёжных рельсов, полнотой регламентации и способностью к межъюрисдикционной совместимости. В этой логике цифровой рубль занимает промежуточную, но потенциально сильную позицию: значение SPS=7,6/10 отражает сформированный институциональный контур при сохранении ограничений в части элементной базы, офлайн-функциональности и трансграничной интеграции.

Научная новизна исследования состоит в переносе анализа цифрового рубля из узкотехнологической плоскости в пространство монетарного суверенитета. Полученные результаты показывают, что цифровая валюта центрального банка становится не дополнительным платёжным инструментом, а инфраструктурной формой защиты национальной финансовой системы. Для России её значение усиливается тем, что цифровой рубль может одновременно выполнять функции внутренней модернизации платёжной среды, снижения зависимости от внешних расчётных контуров и формирования новых механизмов расчётов с дружественными юрисдикциями.

Практическая реализация этого потенциала требует перехода от пилотной модели к целостной стратегии масштабирования. Приоритетными направлениями выступают расширение участия банков и бизнеса, нормативное закрепление смарт-контрактов, обеспечение конфиденциальности операций, создание работоспособного офлайн-режима, развитие открытого API и участие в многосторонних платформах ЦВЦБ. Особое значение приобретает не столько скорость запуска отдельных сервисов, сколько согласованность технологических, правовых и внешнеэкономических решений.

Таким образом, цифровой рубль способен стать одним из элементов новой архитектуры финансового суверенитета России при условии, что его развитие будет ориентировано на отечественную технологическую базу, международную интероперабельность и доверие пользователей. Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой воздействия цифрового рубля на денежный мультипликатор, банковскую ликвидность, процентный канал денежно-кредитной политики и трансграничные потоки капитала, а также с построением формальных моделей взаимодействия национальных ЦВЦБ в рамках БРИКС.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровом рубле) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Андрюшин С.А., Кузнецова В.В. Цифровые валюты центральных банков: угрозы финансовой стабильности // Вопросы экономики. – 2023. – № 2. – С. 44-59.

3. Гамза В.А. Риски дисинтермедиации при введении ЦВЦБ // Банковское дело. – 2022. – № 4. – С. 14-20.

4. Достов В.Л., Шуст П.М. Международный опыт розничных ЦВЦБ: уроки для России // Деньги и кредит. – 2020. – Т. 79. – № 2. – С. 20-35.

5. Ершов М.В. Цифровой рубль как инструмент финансового суверенитета // Вопросы экономики. – 2022. – № 5. – С. 12-28.

6. Кочергин Д.А. Цифровые валюты центральных банков: сущность и ключевые характеристики // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 3. – С. 68-76.

7. Кочергин Д.А., Янгирова А.И. Типология цифровых валют центральных банков // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27. – № 8. – С. 1694-1714.

8. Криворучко С.В., Лопатин В.А. Регуляторные пробелы цифрового рубля //

Финансовый журнал. – 2022. – № 5. – С. 8-25.

9. Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Б. Цифровые финансовые активы: правовая и экономическая природа // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – № 6. – С. 14-23.

10. Моисеев С.Р. Цифровые деньги: теория и практика. – М.: КноРус, 2021. – 248 с.

11. Навой А.В. Цифровой рубль в международных расчётах БРИКС // Деньги и кредит. – 2022. – Т. 81. – № 3. – С. 3-20.

12. Тосунян Г.А. Правовая природа цифрового рубля // Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 5-14.

13. Adrian T., Mancini-Griffoli T. The Rise of Digital Money // IMF Fintech Notes. – 2019. – No. 19/001.

14. Adrian T., Mancini-Griffoli T. A new era of digital money // IMF Finance & Development. – 2021. – Vol. 58 (2). – Pp. 4-8.

15. Agur I., Ari A., Dell'Ariccia G. Designing central bank digital currencies // Journal of Monetary Economics. – 2022. – Vol. 125. – Pp. 62-79.

16. Allen F. et al. Design choices for central bank digital currency: Policy and technical considerations // NBER Working Paper. – 2020. – No. 27634.

17. Auer R., Böhme R. The technology of retail central bank digital currency // BIS Quarterly Review. – 2020. – March. – Pp. 85-100.

18. Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the central bank digital currencies // BIS Working Papers. – 2020. – No. 880.

19. Brunnermeier M.K., James H., Landau J.-P. The digitalization of money // NBER Working Paper. – 2019. – No. 26300.

20. Brunnermeier M.K., Niepelt D. On the equivalence of private and public money // Journal of Monetary Economics. – 2019. – Vol. 106. – Pp. 27-41.

21. Eichengreen B. Sanctions, SWIFT, and China's cross-border interbank payments system // CSIS Report. – 2022.

22. Farrell H., Newman A. Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion // International Security. – 2019. – Vol. 44 (1). – Pp. 42-79.

23. Mancini-Griffoli T. et al. Casting light on central bank digital currencies // IMF Staff Discussion Note. – 2018. – No. 18/08.

24. Seawright J., Gerring J. Case selection techniques in case study research // Political Research Quarterly. – 2008. – Vol. 61 (2). – Pp. 294-308.

25. Zhao Y. Cross-border CBDC interoperability: a framework analysis // Journal of International Money and Finance. – 2023. – Vol. 130.

26. Atlantic Council. CBDC Tracker. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/ (дата обращения: 01.06.2026).

27. Bank for International Settlements. Central bank digital currencies: foundational principles and core features // BIS Papers. – 2020. – No. 123 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bis.org/publ/othp33.pdf (Accessed: 01.06.2026).

28. Bank for International Settlements. Project mBridge: Connecting economies through CBDC. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bis.org/publ/work1289.pdf (Accessed: 01.06.2026).

29. European Central Bank. A digital euro. – Frankfurt, 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ecb.europa.eu/paym/digital_euro/html/index.en.html (Accessed: 01.06.2026).

30. People's Bank of China. White Paper on the R&D Progress of E-CNY in China. – Beijing, 2021 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf (Accessed: 01.06.2026).

References

1. Federal Law No. 339-FZ of July 24, 2023 "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two, and Arti-

cles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" (on the digital ruble) // ConsultantPlus legal reference system.

2. Andryushin S.A., Kuznetsova V.V. Central bank digital currencies: threats to financial stability // Voprosy Ekonomiki. – 2023. – No. 2. – Pp. 44-59.

3. Gamza V.A. Disintermediation risks in CBDC introduction // Bankovskoe Delo. – 2022. – No. 4. – Pp. 14-20.

4. Dostov V.L., Shust, P.M. International experience of retail CBDCs: lessons for Russia // Dengi i Kredit.– 2020. – Vol. 79. – No. 2. – Pp. 20-35.

5. Ershov M.V. The digital ruble as a tool of financial sovereignty // Voprosy Ekonomiki. – 2022. – No. 5. – Pp. 12-28.

6. Kochergin D.A. Central bank digital currencies: essence and key characteristics // World Economy and International Relations. – 2021. – Vol. 65. – No. 3. – Pp. 68-76.

7. Kochergin D.A., Yangirova A.I. Typology of central bank digital currencies // Finansy i Kredit. – 2021. – Vol. 27. – No. 8. – Pp. 1694-1714.

8. Krivoruchko S.V., Lopatin V.A. Regulatory gaps of the digital ruble // Finansovy Zhurnal. – 2022. – No. 5. – Pp. 8-25.

9. Maslenniko V.V., Fedotova M.A., Sorokin A.B. Digital financial assets: legal and economic nature // Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2017. – No. 6. – Pp. 14-23.

10. Moiseev S.R. Digital Money: Theory and Practice. – M.: KnoRus, 2021.

11. Navoy A.V. The digital ruble in BRICS international settlements // Dengi i Kredit. – 2022. – Vol. 81. – No. 3. – Pp. 3-20.

12. Tosunyan G.A. The legal nature of the digital ruble // Gosudarstvo i Pravo. – 2023. – No. 1. – Pp. 5-14.

13. Adrian T., Mancini-Griffoli T. The Rise of Digital Money // IMF Fintech Notes. – 2019. – No. 19/001.

14. Adrian T., Mancini-Griffoli T. A new era of digital money // IMF Finance & Development. – 2021. – Vol. 58 (2). – Pp. 4-8.

15. Agur I., Ari A., Dell'Ariccia G. Designing central bank digital currencies // Journal of Monetary Economics. – 2022. – Vol. 125. – Pp. 62-79.

16. Allen F. et al. Design choices for central bank digital currency: Policy and technical considerations // NBER Working Paper. – 2020. – No. 27634.

17. Auer R., Böhme R. The technology of retail central bank digital currency // BIS Quarterly Review. – 2020. – March. – Pp. 85-100.

18. Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the central bank digital currencies // BIS Working Papers. – 2020. – No. 880.

19. Brunnermeier M.K., James H., Landau J.-P. The digitalization of money // NBER Working Paper. – 2019. – No. 26300.

20. Brunnermeier M.K., Niepelt D. On the equivalence of private and public money // Journal of Monetary Economics. – 2019. – Vol. 106. – Pp. 27-41.

21. Eichengreen B. Sanctions, SWIFT, and China's cross-border interbank payments system // CSIS Report. – 2022.

22. Farrell H., Newman A. Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion // International Security. – 2019. – Vol. 44 (1). – Pp. 42-79.

23. Mancini-Griffoli T. et al. Casting light on central bank digital currencies // IMF Staff Discussion Note. – 2018. – No. 18/08.

24. Seawright J., Gerring J. Case selection techniques in case study research // Political Research Quarterly. – 2008. – Vol. 61 (2). – Pp. 294-308.

25. Zhao Y. Cross-border CBDC interoperability: a framework analysis // Journal of International Money and Finance. – 2023. – Vol. 130.

26. Atlantic Council. CBDC Tracker. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/ (Accessed: 01.06.2026).

27. Bank for International Settlements. Central bank digital currencies: foundational principles and core features // BIS Papers. – 2020. – No. 123 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bis.org/publ/othp33.pdf (Accessed: 01.06.2026).

28. Bank for International Settlements. Project mBridge: Connecting economies through CBDC. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bis.org/publ/work1289.pdf (Accessed: 01.06.2026).

29. European Central Bank. A digital euro. – Frankfurt, 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ecb.europa.eu/paym/digital_euro/html/index.en.html (Accessed: 01.06.2026).

30. People's Bank of China. White Paper on the R&D Progress of E-CNY in China. – Beijing, 2021 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf (Accessed: 01.06.2026).

Об авторах:

Вовченко Наталья Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям, заведующий кафедрой финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Садченкова Дарья Юрьевна, старший преподаватель кафедры финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Грибенюк Григорий Романович, аспирант кафедры финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Вовченко Н.Г., Садченкова Д.Ю., Грибенюк Г.Р.

About the Authors:

Natalia G Vovchenko, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Head of Finance department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)» (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Darya Yu Sadchenkova, Senior Lecturer at the Department of Finance department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)» (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Grigory R Gribenyuk, postgraduate student of the Department of Finance of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)» (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 24.06.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 N. Vovchenko, D. Sadchenkova, G. Gribenyuk

УДК 336.1 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.68.90.005

Анализ региональных практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации

Андреева О.В.[1], Герасимова К.А.[1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

k.a.gerasimova@list.ru

Аннотация

Введение. Инициативное бюджетирование (ИБ) выступает ключевым инструментом вовлечения граждан в управление публичными финансами, способствуя повышению эффективности бюджетных расходов и развитию локальной инфраструктуры. В Российской Федерации ИБ охватывает 81 регион, однако многообразие региональных практик требует систематизации и компаративного анализа для выявления факторов успеха и направлений совершенствования.

Материалы и методы. Исследование базируется на официальных данных Министерства финансов РФ, ежегодных докладах НИФИ Минфина России, отраслевой статистике и региональных отчетах (Оренбургская, Ростовская, Свердловская области, Ставропольский и Алтайский края) за 2019–2025 гг. Применены методы дескриптивной статистики, сравнительного и структурного анализа.

Результаты исследования. Установлено, что в 2024 году реализовано 37 тыс. проектов ИБ на сумму более 60 млрд руб. с участием примерно 10 млн граждан. Лидерами по числу практик являются Центральный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа. Выявлены приоритетные направления проектов: ремонт дорог (13,5%), благоустройство (12,1%), детские площадки (7,8%). Детально проанализирован кейс Ростовской области (проект «Сделаем вместе»): за 2019–2025 гг. реализовано более 1 000 проектов, объем финансирования в 2025 г. составил 500 млн руб., максимальная субсидия увеличена до 3 млн руб. на проект.

Обсуждение и заключения. Главными факторами успеха региональных практик являются институциональная обеспеченность, стабильное софинансирование и высокая гражданская активность. Среди барьеров – дефицит единого федерального закона, низкая платежеспособность населения в отдельных территориях и административная нагрузка на муниципалитеты. Перспективными направлениями признаны развитие целевых практик (школьное, студенческое ИБ), цифровизация процессов и создание единой федеральной платформы мониторинга. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность ИБ как инструмента и механизма участия граждан в бюджетном процессе.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, бюджетный процесс, софинансирование, проекты местных инициатив, бюджетная эффективность.

Для цитирования. Андреева О.В., Герасимова К.А. Анализ региональных практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации. *Учет и статистика.* 2026;3(23):44-55. doi: 10.54220/1994-0874.2026.68.90.005.

JEL: H72 Research article

Analysis of Regional Practices of Initiative Budgeting in the Russian Federation

Andreeva O.V.[1], Gerasimova K.A.[1]
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

k.a.gerasimova@list.ru

Abstract

Introduction. Participatory budgeting (PB) is a key tool for engaging citizens in public finance management, contributing to increased budget expenditure efficiency and the development of local infrastructure. PB covers 81 regions in the Russian Federation, but the diversity of regional practices requires systematization and comparative analysis to identify success factors and areas for improvement.

Materials and Methods. The study is based on official data from the Russian Ministry of Finance, annual reports from the Research Institute of Financial Research of the Russian Ministry of Finance, industry statistics, and regional reports (Orenburg, Rostov, and Sverdlovsk Oblasts, Stavropol, and Altai Krais) for 2019–2025. Descriptive statistics, comparative and structural analysis.

Results. It was established that 37,000 information security projects worth over 60 billion rubles were implemented in 2024, involving approximately 10 million citizens. The Central, Volga, and Northwestern Federal Districts lead in the number of projects. Priority project areas were identified: road repairs (13.5%), landscaping (12.1%), and playgrounds (7.8%). The case of the Rostov Region (the "Let's Do It Together" project) was analyzed in detail: over 1,000 projects were implemented from 2019 to 2025, funding in 2025 amounted to 500 million rubles, and the maximum subsidy was increased to 3 million rubles per project.

Discussion and Conclusions. Key factors for the success of regional practices include institutional support, stable co-financing, and high civic engagement. Barriers include the lack of a unified federal law, low solvency in some regions, and the administrative burden on municipalities. Promising areas include the development of targeted practices (school and student information security), digitalization of processes, and the creation of a unified federal monitoring platform. Implementation of the proposed measures will improve the effectiveness of information security as a mechanism for regional socioeconomic development.

Keywords: participatory budgeting, regional practices, statistical analysis, co-financing, local initiative projects, budget efficiency.

For citation. Andreeva O.V., Gerasimova K.A. Analysis of Regional Practices of Initiative Budgeting in the Russian Federation. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):44-55. doi: 10.54220/1994-0874.2026.68.90.005.

Введение. Инициативное бюджетирование представляет собой один из наиболее действенных механизмов вовлечения граждан в процесс управления публичными финансами. Его сущность заключается в прямом участии населения в выдвижении, отборе и контроле реализации проектов, финансируемых за счет бюджетных средств. За последнее десятилетие ИБ в России превратилось из единичных пилотных проектов в масштабное социально-экономическое явление, охватывающее практически все регионы страны. По данным Минфина России, инициативное бюджетирование на сегодняшний день стало одним из наиболее распространенных подходов к вовлечению граждан в про-

цесс государственного и муниципального управления.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации обширного массива региональных практик ИБ, выявления факторов их успешности и определения направлений дальнейшего совершенствования инструментов бюджетного участия граждан. Тема приобретает особую значимость в контексте роста числа реализуемых проектов и расширения их географии.

Материалы и методы. Исследование опирается на теоретические разработки российских ученых, представленных в научных трудах. Для выполнения задач, поставленных в настоящей работе, разработан комплекс измеримых статистических индикаторов. Благодаря ему становится возможным всесторонне проанализировать, насколько широко применяются практики инициативного бюджетирования в регионах и насколько они результативны. В комплекс включены следующие группы показателей:

- масштаба реализации (общее количество реализованных проектов в регионе; количество муниципальных образований, участвующих в ИБ; динамика роста числа проектов за последние годы);

- эффективности вовлечения граждан (общая численность инициаторов и выборщиков проектов, степень охвата населения региона механизмами ИБ (в расчёте на тысячу жителей) и массовость участия в слушаниях совместно с итоговым голосованием);

- финансирования (объем средств регионального бюджета, направленных на реализацию проектов ИБ; объем инициативных платежей населения; объем софинансирования из местных бюджетов; объем вклада юридических лиц и спонсоров);

- результативности (количество реализованных проектов по отраслевым направлениям; средняя стоимость одного проекта; доля проектов, завершенных в установленные сроки).

В работе использованы методы дескриптивной статистики, сравнительного и структурного анализа. Информационную базу исследования составили официальные данные Министерства финансов Российской Федерации, ежегодные доклады НИФИ Минфина России о лучших практиках развития инициативного бюджетирования [6], данные официальных сайтов региональных органов власти и территориальных органов Федеральной службы государственной статистики.

При проведении исследования принималось во внимание следующее обстоятельство: начиная с 2024 года процесс аккумуляции данных о региональных практиках инициативного бюджетирования реализуется через цифровой мониторинг с использованием портала «Моифинансы.рф» [16], что повышает достоверность и оперативность данных.

Результаты исследования. Партисипаторное (от англ. participate – принимать участие) бюджетирование представляет собой формализованный, многократно повторяющийся процесс, в рамках которого население напрямую определяет приоритеты расходования части публичных бюджетных средств и осуществляет контроль за эффективностью их использования [11]. В российской практике сложилась устоявшаяся терминологическая традиция: наряду с понятием «партисипаторное бюджетирование» широко используются термины «инициативное бюджетирование», «народный бюджет» или «бюджет для граждан».

Значение инициативного бюджетирования для бюджетного процесса проявляется по нескольким ключевым направлениям:

- децентрализация и повышение эффективности решений, поскольку граждане, являясь конечными потреби-

телями общественных благ, обладают уникальной информацией о локальных потребностях, поэтому передача им права голоса в принятии бюджетных решений способствует более рациональному и адресному использованию бюджетных ресурсов;

- привлечение внебюджетных средств в рамках софинансирования проектов, что позволяет решать задачи, на которые недостаточно только бюджетных средств;

- прозрачность, контроль и противодействие коррупции; механизмы ИБ обеспечивают беспрецедентную прозрачность бюджетного процесса и создают институты общественного контроля за реализацией проектов, что ведет к снижению коррупционных рисков и повышению доверия к органам власти.

Инициативное бюджетирование занимает особое место и в системе межбюджетных отношений, выступая инструментом софинансирования, объединяющим средства бюджетов разных уровней, населения и бизнеса. В действующих российских условиях структура финансового обеспечения проектов инициативного бюджетирования обычно является комбинированной и опирается на несколько каналов поступления средств: региональную субсидию, муниципальные ассигнования, добровольные взносы граждан, а также деньги юридических лиц и благотворительные поступления [1]. Применение подобной полисубъектной схемы позволяет не только рассредоточить финансовое бремя между разными участниками, но и воспитать у каждого из них чувство личной вовлечённости и ответственности за итоговый результат.

По состоянию на 2025 год инициативное бюджетирование охватывает 81 регион Российской Федерации. В 2024 году общее количество реализованных проектов составило 37 тыс., а их общий объем финансирования превысил 60 млрд рублей. В выдвижении и выборе инициатив приняли участие почти 10 млн человек, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности населения в бюджетный процесс на местах (табл. 1).

Таблица 1 – Ключевые показатели развития инициативного бюджетирования в РФ / Table 1 – Key indicators of the development of initiative budgeting in the Russian Federation

Показатель / Indicator	**Значение / Meaning**
Количество регионов-участников (2025 г.)	81
Количество реализованных проектов (2024 г.)	37 тыс.
Общий объем финансирования проектов (2024 г.)	> 60 млрд руб.
Количество граждан-участников (2024 г.)	~ 10 млн чел.
Количество реализованных проектов за 10 лет	> 217 тыс.
Общий объем финансирования за 10 лет	> 300 млрд руб.
Общее количество практик ИБ	705

Источник: [6].

В российской практике отсчёт применения подходов инициативного бюджетирования ведётся с момента появления соответствующего термина, и с тех пор минуло десять лет. За это время было профинансировано на сумму свыше 300 миллиардов рублей более 217 тысяч локальных проектов. Аналитики утверждают, что благоприятный результат от этих мероприятий ощутил на себе фактически каждый третий житель РФ. С. Романов (директор департамента бюджетной методологии Минфина России) отмечает, что инициативное бюджетирование стало инструментом, позволяющим вовлекать население в управленческие процессы на местах. Оно содействует развитию финансовой культуры и даёт возможность решать действительно актуальные задачи граждан [3; 15].

В 2024 году распределение практик инициативного бюджетирования по федеральным округам (рис. 1) выглядело следующим образом: первое место занял Центральный ФО (38), второе – Приволжский (30), третье – Северо-Западный (29). Муниципальный уровень демонстрирует особенно активную динамику: здесь показатель подскочил на 79 практик по сравнению с предыдущим годовым периодом, составив 471. Если же принимать во внимание ещё и региональные инициативы вместе с практиками образовательных учреждений, итоговая цифра поднимается до 705.

Рисунок 1 – Распределение практик инициативного бюджетирования по федеральным округам-лидерам в 2024 году (ед.) /
Figure 1 – Distribution of participatory budgeting practices among leading federal districts in 2024 (units) [6]

Анализ отраслевой структуры реализованных проектов показывает устойчивые приоритеты населения. Наиболее востребованными направлениями являются [6]: ремонт дорог и обустройство тротуаров – 13,5%; благоустройство общественных пространств – 12,1%; создание детских игровых площадок – 7,8%; образование – 6,3%; культура – 6,1%; спорт – 5,9%.

Одной из важнейших тенденций последних лет выступает формирование специализированных практик инициативного бюджетирования, ориентированных на различные социальные и возрастные категории населения. В сфере общего образования механизмы школьного ИБ внедрены в 28 регионах страны; в рамках этого направления реализовано 1705 проектов, общий объём финансирования которых составил 868,5 млн рублей. Студенческое инициативное бюджетирование также демонстрирует устойчивый рост как в университетах, так и в учреждениях среднего профессионального образования, для которых подготовлены особые методические указания. Параллельно возникают новые проекты, нацеленные на развитие предпринимательского сектора, туристической отрасли, поддержку социально уязвимых групп населения и людей с инвалидностью. В то же время традиционные направления, такие как проекты по водоснабжению и наружному освещению, постепенно теряют свою актуальность [2].

На основе анализа официальных данных Минфина России можно сделать вывод, что в тройку регионов – лидеров по количеству реализованных проектов инициативного бюджетирования в 2024–2025 гг. входят Оренбургская область, Краснодарский край и Самарская область [6].

По результатам работы за 2024 год Министерство финансов Российской Федерации определило перечень регионов, демонстрирующих наиболее успешные практики в сфере инициативного бюджетирования. В данный список вошли 13 субъектов РФ: Санкт-Петербург, Ульяновская, Воронежская, Вологодская, Тверская области, Алтайский и Хабаровский края, Республика Крым, Республика Коми, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Саха (Якутия), а также Ямало-Ненецкий автономный округ.

В 2025 году был проведен уже IX Всероссийский конкурс проектов инициативного бюджетирования, организованный НИФИ Минфина России [15]. На участие в конкурсе было подано 1,2 тыс. заявок, победителями были признаны 18 проектов в шести номинациях. Конкурс способствует выявлению и тиражированию лучших региональных и муниципальных практик, а также формированию единого методического пространства в сфере ИБ.

Ростовская область представляет собой один из наиболее показательных регионов с точки зрения динамичного развития инициативного бюджетирования. В регионе с 2019 года реализуется губернаторский проект поддержки местных инициатив «Сделаем вместе» (табл. 2). Основной целью проекта является вовлечение жителей и бизнеса в решение вопросов местного значения, развитие общественной инфраструктуры.

Статистика инициативного бюджетирования в Ростовской области по состоянию на середину 2025 года выглядит следующим образом: свыше 1000 реализованных жителями проектов при общем финансировании из областного бюджета примерно 1,4 млрд рублей. В 2025 году регион направил на эти цели почти 500 млн рублей, а максимально возможная субсидия на один проект была увеличена до 3 млн руб., что позволило перейти к более масштабным мероприятиям.

Динамика за два года показывает рост активности. В 2024 году конкурсной комиссией было обработано 423 предложения, из которых 222 признаны победителями (47 муниципальных образований). В 2025 году количество поданных заявок достигло 459, что говорит о повышении интереса со стороны как муниципалитетов, так и рядовых граждан.

Таблица 2 – Основные показатели реализации проекта «Сделаем вместе» в Ростовской области /
Table 2 – Key performance indicators for the "Let's Do It Together" project in the Rostov Region

Показатель / Indicator	**Значение / Meaning**
Год начала реализации проекта	2019
Количество реализованных проектов за весь период	> 1000
Количество реализованных проектов в 2025 г. (планируется)	> 200
Объем финансирования из областного бюджета в 2025 г.	500 млн руб.
Объем финансирования из областного бюджета за весь период	~ 1,4 млрд руб.
Максимальный размер субсидии на один проект (с 2025 г.)	3 млн руб.
Количество заявок на конкурс (2025 г.)	459
Количество проектов-победителей (2025 г.)	222
Количество муниципалитетов-победителей (2024 г.)	47

Источник: [4].

Наиболее дорогим проектом-победителем 2025 года стали приобретение, доставка и монтаж скейт-парка в городе Шахты – более 15 млн рублей. Также выделяется проект по обустройству спортивной площадки в селе Михайловка Целинского района стоимостью более 7 млн рублей (табл. 3).

Таблица 3 – Примеры крупных инициативных проектов в Ростовской области (2025 г.) / Table 3 – Examples of large-scale initiative projects in the Rostov region (2025)

Проект / Project	**Муниципалитет / Municipality**	**Ориентировочная стоимость / Estimated cost**	**Софинансирование (типовые доли) / Co-financing (typical shares)**
Строительство скейт-парка	г. Шахты	> 15 млн руб.	Областной бюджет (~70%), местный бюджет (~20%), спонсоры / жители (~10%)
Обустройство спортивной площадки	с. Михайловка, Целинский район	> 7 млн руб.	Областной бюджет (~60–70%), местный бюджет (~20%), ТОС / жители (~10–20%)
Строительство детской игровой площадки	сл. Криворожье, Миллеровский район	~ 2 млн руб.	Областной бюджет (~50–70%), местный бюджет (~15–20%), инициативный платёж населения (~10–30%)
Благоустройство детской площадки	х. Путь Правды, Зерноградский район	~ 0,3 млн руб.	Местный бюджет

Источник: [4].

Среди проектов-победителей 2025 года – строительство детской игровой площадки в слободе Криворожье Миллеровского района, инициированное местными жителями при поддержке районных депутатов и администрации. В Калач-Куртлакском сельском поселении Советского района жители в 2022 году получили субсидию на благоустройство кладбища; в 2023 году с помощью областного бюджета была отремонтирована кровля клуба в хуторе Наумов, приобретены музыкальные инструменты; в 2026 году запланирован ремонт библиотеки в слободе Петрово.

В регионе реализуются не только инфраструктурные проекты, но и проекты социальной направленности. К их числу относится приобретение развивающего оборудования для детей с ограниченными возможностями здоровья в детском саду «Тополек» станицы Обливской, а также проект «Точка опоры» по закупке средств реабилитации для инвалидов.

На основе проведенного анализа нами выделены следующие группы факторов, определяющих развитие региональных практик инициативного бюджетирования (рис. 2).

Как отмечается в отчетах Минфина России, инициативное бюджетирование «способствует более активному вовлечению граждан в систему государственного и муниципального управления, в принятие решений, затрагивающих вопросы регионального и местного значения, а также повышению открытости и эффективности бюджетных расходов» [11].

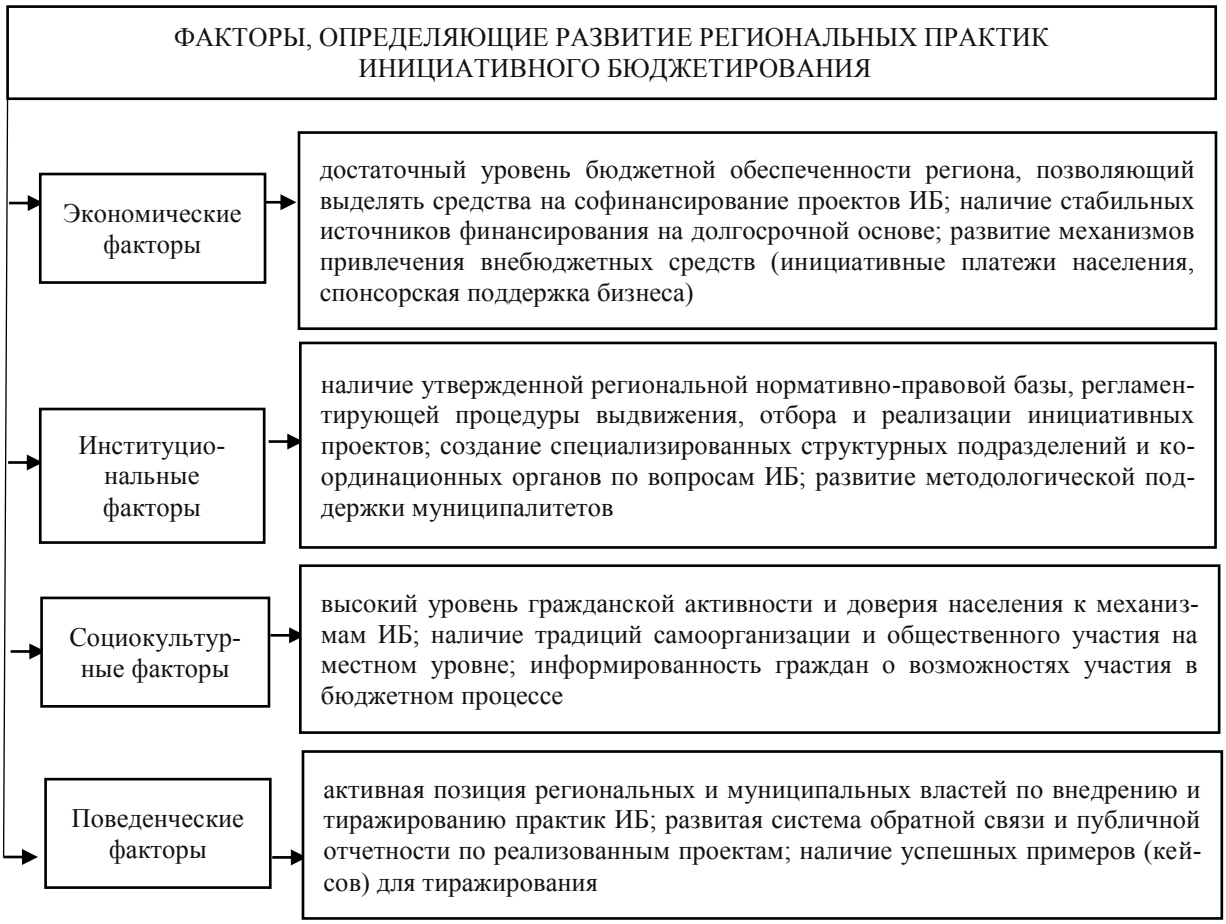

Рисунок 2 – Факторы, определяющие развитие региональных практик инициативного бюджетирования /
Figure 2 – Factors determining the success the development of regional practices of proactive budgeting

Обсуждение и заключения. Несмотря на значительные успехи в развитии инициативного бюджетирования, сохраняются проблемы, сдерживающие его дальнейшее распространение и повышение эффективности, которые представлены на рисунке 3.

Анализ лучших региональных практик позволяет выделить ряд перспективных направлений развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации.

1. Распространение специализированных практик ИБ. Опыт регионов-лидеров показывает высокую эффективность целевых практик: школьного, студенческого, молодежного ИБ. В Оренбургской области успешно реализуются «Детский бюджет» и «Молодежный бюджет», в Волгоградской области из 520 реализованных проектов 136 были предложены школьниками. Развитие таких практик способствует формированию финансовой грамотности и гражданской активности с раннего возраста.

2. Развитие цифровых платформ. В 2023 году 20 регионов России располагали собственными интернет-порталами, через которые граждане могли участвовать в инициативном бюджетировании. Общий показатель охвата регионов цифровыми решениями в сфере ИБ вырос с 10% (2020 год) до 21% (2023 год). Вектор дальнейшего развития цифровых инструментов должен быть ориентирован на разработку и внедрение единой федеральной плат-

формы. Такая платформа призвана охватывать все этапы ИБ, начиная с приёма инициатив и заканчивая общественным контролем за исполнением проектов.

3. Укрепление системы мониторинга и оценки. Важным направлением является внедрение единой системы показателей для оценки эффективности проектов ИБ как на региональном, так и на муниципальном уровне. С 2024 года сбор информации осуществляется в форме цифрового мониторинга практик инициативного бюджетирования на портале «Моифинансы.рф», что является важным шагом в этом направлении.

4. Создание сети «Академий ШкИБ». Для распространения успешного опыта школьного инициативного бюджетирования создается сеть «Академий ШкИБ», что позволит системно обучать организаторов и участников данного направления.

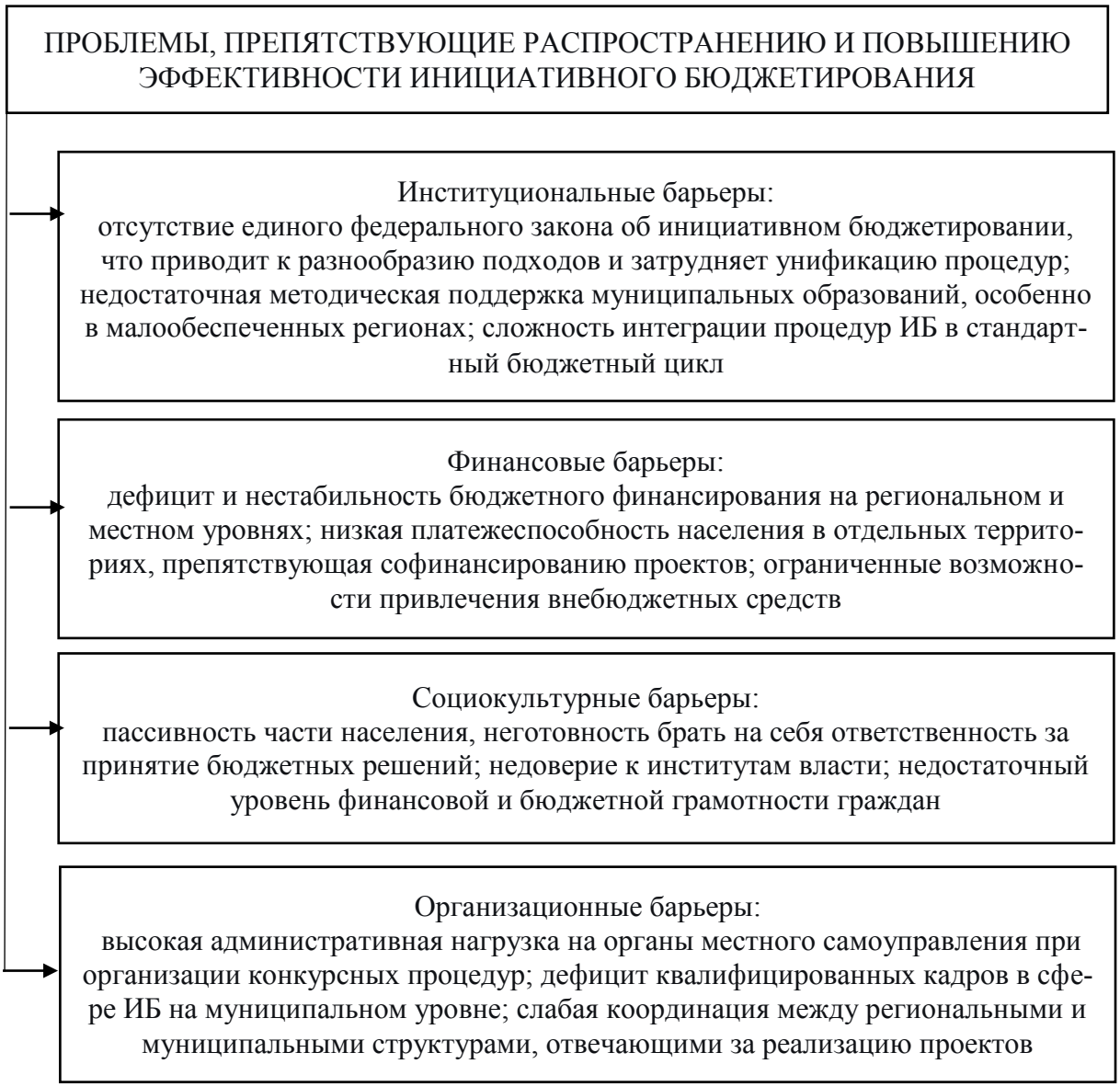

Рисунок 3 – Проблемы, препятствующие распространению и повышению эффективности инициативного бюджетирования /
Figure 3 – Problems hindering the dissemination and improvement of the effectiveness of proactive budgeting

На основе проведенного анализа могут быть предложены следующие практические рекомендации:

- разработать единую федеральную нормативно-правовую базу, регламентирующую процедуры инициативного бюджетирования на всех уровнях бюджетной системы;
- расширить практику внедрения целевых механизмов ИБ для различных социальных групп (школьное, студенческое, молодежное ИБ);
- обеспечить дальнейшее развитие цифровой инфраструктуры ИБ, включая создание единой федеральной платформы.

Реализация указанных мер будет способствовать дальнейшему повышению эффективности инициативного бюджетирования как ключевого инструмента вовлечения граждан в управление публичными финансами и социально-экономическое развитие территорий.

Список литературы

1. Вагин В.В., Шатохин Д.А., Петрова И.В. Цифровые решения в инициативном бюджетировании: состояние, тренды и барьеры // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.– 2024.– № 3 (147).– С. 63-68. – EDN SSLCIA.
2. Карпова Е.М., Вагин В.В., Куприянов Б.В. Культурный трансфер школьного партисипаторного бюджетирования и советская традиция воспитания // Science for Education Today. – 2023. – Т. 13. – № 6.– С. 209-232.– DOI: 10.15293/2658-6762.2306.10. – EDN IXIUZE.
3. Вагина В.В. Центр инициативного бюджетирования: путь в 10 лет // Журнал Бюджет. – 2024. – № 5(257). – С. 32-35. – EDN XCCQRG.
4. Губернаторский проект поддержки местных инициатив «Сделаем вместе» [Электронный ресурс]. – URL: https://vmeste.donland.ru/.
5. Десятилетие инициативного бюджетирования. Итоги и вызовы // Бюджет. – 2024. – № 10 (262). – С. 74-77. – EDN MNEMOW.
6. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, Москва, 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2025/Doklad_o_luchshikh_praktikakh-2025.pdf.
7. Институциональное обеспечение инициативного бюджетирования / Ю.В. Коречков и др. // Финансовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 34-39. – EDN DIAKRF.
8. Итоги IX Всероссийского конкурса проектов инициативного бюджетирования [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/itogi-ix-vserossiyskogo-konkursa-proektov-initsiativnogo-byudzhetirovaniya/.
9. Федосов В.А. Предпосылки развития и классификация практик молодежного инициативного бюджетирования // Финансовая экономика. – 2022. – № 4. – С. 331-333. – EDN EOSJAI.
10. Федосов В.А. Современные тренды инициативного бюджетирования в России // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 2 (61). – С. 545-551. – EDN BQTIBB.
11. Шатохин Д.А., Титов Э.А., Паксиваткина В.А. Модели цифровизации инициативного (партисипаторного) бюджетирования // Финансовый журнал. – 2025. – Т. 17. – № 2. – С. 12-24. – DOI: 10.31107/2075-1990-2025-2-12-24. – EDN EVPSUS.
12. Шикалов Е.Н., Гребеник В.В. Инициативное бюджетирование на муниципальном уровне: тенденции развития и лучшая практика // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – № 5. – EDN GJFJHH.
13. Официальный сайт Законодательного собрания Ростовской области [Электронный ресурс]. – URL: https://www.zsro.ru/.
14. Официальный сайт Администрации Ростовской области [Электрон-

ный ресурс]. – URL: https://www.donland.ru/.

15. Инициативное бюджетирование: итоги 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: https://russiasmartcity.ru.

16. Официальный просветительский ресурс «Мои финансы» [Электронный ресурс]. – URL: https://мои финансы.рф.

References

1. Vagin V.V., Shatokhin D.A., Petrova I.V. Digital Solutions in Participatory Budgeting: Status, Trends, and Barriers // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. – 2024. – No. 3 (147). – Pp. 63-68. – EDN SSLCIA.

2. Karpova E.M., Vagin V.V., Kupriyanov B.V. Cultural Transfer of School Participatory Budgeting and the Soviet Tradition of Education // Science for Education Today. – 2023. – Vol. 13. – No. 6. – Pp. 209-232. – DOI: 10.15293/2658-6762.2306.10. – EDN IXIUZE.

3. Vagina V.V. Center for Participatory Budgeting: A 10-Year Journey // Budget Magazine. – 2024. – No. 5 (257). – Pp. 32-35. – EDN XCCQRG.

4. The Governor's Project to Support Local Initiatives "Let's Do It Together" [Electronic resource]. – Access mode: https://vmeste.donland.ru/.

5. A Decade of Participatory Budgeting. Results and Challenges // Budget Magazine. – 2024. – No. 10 (262). – Pp. 74-77. – EDN MNEMOW.

6. Report on Best Practices for the Development of Participatory Budgeting in the Subjects of the Russian Federation and Municipalities, Moscow, 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2025/Doklad_o_luchshikh_praktikakh-2025.pdf.

7. Institutional support for participatory budgeting / Yu.V. Korechkov et al. // Financial life. – 2023. – No. 1. – Pp. 34-39. – EDN DIAKRF.

8. Results of the IX All-Russian competition of participatory budgeting projects [Electronic resource]. – Access mode: https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/itogi-ix-vserossiyskogo-konkursa-proektov-initsiativnogo-byudzhetirovaniya/.

9. Fedosov V.A. Prerequisites for the Development and Classification of Youth Participatory Budgeting Practices // Financial Economics. – 2022. – No. 4. – Pp. 331-333. – EDN EOSJAI.

10. Fedosov V.A. Modern Trends of Participatory Budgeting in Russia // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2024. – No. 2 (61). – Pp. 545-551. – EDN BQTIBB.

11. Shatokhin D.A., Titov E.A., Paksivatkina V.A. Models of digitalization of participatory budgeting // Financial Journal. – 2025. – Vol. 17. – No. 2. – Pp. 12-24. – DOI: 10.31107/2075-1990-2025-2-12-24. – EDN EVPSUS.

12. Shikalov E.N., Grebenik V.V. Participatory budgeting at the municipal level: development trends and best practices // Bulletin of Eurasian Science. – 2022. – Vol. 14. – No. 5. – EDN GJFJHH.

13. Official website of the Legislative Assembly of the Rostov Region [Electronic resource]. – Access mode: https://www.zsro.ru/.

14. Official website of the Rostov Region Administration [Electronic resource]. – Access mode: https://www.donland.ru/.

15. Participatory budgeting: results of 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://russiasmartcity.ru.

16. Official educational resource "My Finances" [Electronic resource]. – Access mode: https://моифинансы.рф.

Об авторах:

Андреева Ольга Валентиновна, доктор экономических наук, доцент, декан учетно-экономического факультета, доцент кафедры финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Герасимова Кристина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Андреева О.В., Герасимова К.А.

About the Authors:

Olga V Andreeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Accounting and Economics, Associate Professor of the Finance Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Kristina A Gerasimova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Finance Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 12.05.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 O. Andreeva, K. Gerasimova

УДК 332.146 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.95.40.006

Исследование роли местного сообщества в осуществлении устойчивого развития территории (на примере г. Хэби, Китайская Народная Республика)

Бондаренко В.А.[1,2,3] ✉, **Гаспарян А.В.**[2], **Гузенко Н.В.**[3], **У Яньхуа**[3,4]

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

[2] Государственный университет управления, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский проспект, 99

[3] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

4 Политехнический университет Хэнань, КНР, г. Цзяоцзо, Проспект Сенчури, 2001

✉ bondarenko_va@pfur.ru

Аннотация

Введение. В современных условиях устойчивое развитие территории все в большей степени связано не только с действиями органов власти и бизнеса, но и с вовлеченностью местного сообщества в экологические, социальные и экономические преобразования. Особую значимость данный вопрос приобретает для индустриально ориентированных территорий, где устойчивое развитие сопряжено с формированием общественного доверия, поддержкой ответственного поведения предприятий и развитием регионального бренда. Цель исследования состоит в выявлении роли местного сообщества в реализации стратегии устойчивого развития территории на примере г. Хэби Китайской Народной Республики.

Материалы и методы. В исследовании использованы подходы, основанные на интерпретации мотивации предприятий и граждан к ответственному поведению, а также инструментарий анкетного опроса и группового интервью. Эмпирическая база сформирована по результатам обследования 500 респондентов в г. Хэби. В состав выборки вошли государственные служащие, сотрудники предприятий, студенты, преподаватели, сотрудники научных организаций и жители местных сообществ. Обработка результатов позволила сопоставить отношение различных социальных групп к экологической, социальной и экономической ответственности предприятий, их участию в развитии территории и значению соответствующих практик для восприятия бренда.

Результаты. Установлено, что большинство респондентов положительно оценивают значимость снижения производственных выбросов, ресурсосбережения, инвестиций предприятий в экологическое благополучие, соблюдения социальных обязательств перед сотрудниками, участия в создании рабочих мест и развитии территории. Выявлено, что ответственное поведение предприятий рассматривается населением как фактор доверия к бренду и как условие формирования положительного отношения к территории. Определено, что в стратегии устойчивого развития местное сообщество перестает выступать исключительно пассивным получателем услуг и трансформируется в активного участника территориального развития, совместного формирования бренда и распространения устойчивых практик.

Обсуждение и заключения. Полученные результаты позволяют обосновать необходимость усиления участия местного сообщества в механизме реализации стратегии бренда устойчиво развивающейся территории. Практическое значение исследова-

ния состоит в уточнении сравнительной роли местного сообщества в традиционной региональной стратегии и в стратегии устойчивого развития, а также в разработке механизма реализации регионального бренда на основе доверия, совместного создания ценности и стимулирования устойчивого поведения населения. Сделан вывод о том, что повышение вовлеченности местного сообщества формирует дополнительные условия для укрепления общественного доверия, поддержки ответственных брендов и достижения долгосрочного устойчивого развития территории.

Ключевые слова: местное сообщество, устойчивое развитие, территория, региональный бренд, стратегия, ответственное поведение, доверие.

Для цитирования: Бондаренко В.А., Гаспарян А.В., Гузенко Н.В., У Яньхуа Исследование роли местного сообщества в осуществлении устойчивого развития территории (на примере г. Хэби, Китайская Народная Республика). *Учет и статистика*. 2026;3(23):56-73. doi: 10.54220/1994-0874.2026.95.40.006.

JEL: Q18, R11 Research article

The Role of the Local Community in Sustainable Territorial Development (a Case Study of Hebi, People's Republic of China)

Bondarenko V.A.[1] [3], Gasparyan A.V.[2], Guzenko N.V.[3], Wu Yanhua[3,4]

1 RUDN University, Russian Federation, Moscow, 6 Miklukho-Maklaya St.

2 State University of Management, Russian Federation, Moscow, 99 Ryazansky Prospekt

3 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

4 Henan Polytechnic University, China, Jiaozuo, No. 2001 Century Road

bondarenko_va@pfur.ru

Abstract

Introduction. Under current conditions, sustainable territorial development is increasingly associated not only with the actions of public authorities and business, but also with the involvement of local communities in environmental, social, and economic transformation. This issue is especially important for industrially oriented territories, where sustainable development is linked with public trust, support for responsible corporate behavior, and the development of a regional brand. The purpose of the study is to identify the role of the local community in implementing a strategy of sustainable territorial development using the case of Hebi, People's Republic of China.

Materials and Methods. The study employs approaches based on the interpretation of the motivation of enterprises and citizens toward responsible behavior, as well as a questionnaire survey and group interview tools. The empirical basis was formed from a survey of 500 respondents in Hebi. The sample included public servants, enterprise employees, students, teachers, researchers, and residents of local communities. The processing of the results made it possible to compare the attitudes of different social groups toward the environmental, social, and economic responsibility of enterprises, their participation in territorial development, and the significance of these practices for brand perception.

Results. It was found that the majority of respondents positively assess the importance of reducing industrial emissions, resource saving, corporate investment in environmental well-being, fulfillment of social obligations to employees, participation in job creation, and contribution to territorial development. It was revealed that responsible corporate behavior is perceived by the population as a factor of brand trust and as a condition for forming a positive attitude toward the territory. It was determined that within a sustainable development strategy the local community ceases to be only a passive recipient of services and is transformed into

an active participant in territorial development, co-creation of the brand, and dissemination of sustainable practices.

Discussion and Conclusions. The results obtained make it possible to substantiate the need to strengthen the participation of the local community in the mechanism for implementing the brand strategy of a sustainably developing territory. The practical significance of the study lies in clarifying the comparative role of the local community in a traditional regional strategy and in a sustainable development strategy, as well as in developing a mechanism for implementing a regional brand based on trust, shared value creation, and stimulation of sustainable behavior. It is concluded that increasing local community involvement creates additional conditions for strengthening public trust, supporting responsible brands, and achieving long-term sustainable territorial development.

Keywords: local community, sustainable development, territory, regional brand, strategy, responsible behavior, trust.

For citation. Bondarenko V.A., Gasparyan A.V., Guzenko N.V., Wu Yanhua. The Role of the Local Community in Sustainable Territorial Development (a Case Study of Hebi, People's Republic of China). *Accounting and Statistics*. 2026;3(23):56-73. doi: 10.54220/1994-0874.2026.95.40.006.

Введение. В текущий период вопросы формирования стратегии устойчивого социально-экономического развития территории и непосредственно осуществления положительного эволюционирования региональной экономики являются в высокой степени актуализированными. Например, ряд исследователей, чью позицию мы разделяем, отмечают, что проблематика следования ESG-повестке в долгосрочных программах социально-экономического развития в последнее время превалирует [3; 8].

Важным обстоятельством, также изучаемым в профильной литературе, выступает сам процесс трансформации территориального маркетинга в регионах (анализируемого на примере регионов России) под влиянием ESG-повестки, в рамках которого фиксируется переход «от ресурсно-инвестиционной модели с превалированием ориентированного на внешний контур позиционирования к устойчивой модели пространственного развития» [2; 9]. Российскими специалистами также исследуется роль местного сообщества в формировании маркетинговой стратегии развития территории, построении регионального бренда [3; 4].

В связке с территориальным маркетингом рассматриваются и вопросы формирования бренда производственных предприятий [7], что представляется вполне обоснованным, поскольку в современных условиях предприятия не только вовлечены в следование ESG-принципам, но и функционируют в пределах конкретной территории, вследствие чего их бренд-стратегии способны работать в русле общих задач устойчивого развития региональной экономики. Данный аспект приобретает особую значимость для Китайской Народной Республики, которая на протяжении последних десятилетий последовательно укрепляла позиции одного из крупнейших мировых производственных центров. В новых условиях перед страной стоит задача перехода от экстенсивного индустриального роста к инновационной модели развития, предполагающей укрепление национальных брендов, формирование устойчивых конкурентных преимуществ на внешних рынках и достижение сопряженности между промышленной модернизацией, цифровизацией и целями устойчивого развития.

В таком контексте формирование бренда производственного предприятия не может рассматриваться лишь как ин-

струментальный процесс получения рыночных преимуществ за счет экологической трансформации, социальной ответственности и цифровизации. Оно выступает как процесс, встроенный в устойчивое развитие региона, выявление потребностей местного сообщества и реализацию принимаемых предприятием корпоративных обязательств. Соответственно, сама стратегия формирования устойчивого регионального бренда должна включать механизмы, обеспечивающие формирование у местного населения ощущения благополучия, признание легитимности бренда и укрепление общественного доверия к нему.

Существует достаточно широкий круг исследований, посвященных доверию населения к промышленным брендам, оценке их участия в территориальном развитии и вопросам маркетинга территории [1; 5; 6], однако применительно к местному сообществу в Китае данный аспект пока остается недостаточно изученным. Это существенно повышает актуальность его специального рассмотрения, поскольку в условиях перехода к устойчивой модели развития именно локальное сообщество становится одним из ключевых субъектов, влияющих на общественное доверие, поддержку ответственных брендов и устойчивость территориальных преобразований.

Материалы и методы. В настоящем исследовании в качестве методической основы использованы шесть измерений мотивации ответственного поведения, выделенные М. Портером и М. Крамером применительно к деятельности предприятий, включая снижение экологических и социальных рисков, а также создание совместной стоимости в местной отрасли и обществе [10], и П. Стерном применительно к поведению граждан, включая экологические ценности, моральную ответственность и осведомленность об экологических рисках [11; 12]. На этой основе был разработан анкетный опрос, включающий 19 вопросов, дополненный групповым интервью, использованным для уточнения и интерпретации полученных результатов.

Эмпирическое исследование проводилось в г. Хэби Китайской Народной Республики в форме анкетирования и интервью. При формировании выборки применялся комбинированный подход, сочетающий случайный отбор и стратифицированный охват. В результате было получено и обработано 500 валидных анкет. В структуру выборки вошли 50 государственных служащих, 200 сотрудников предприятий, 100 студентов высших учебных заведений, 25 преподавателей, 25 сотрудников научных организаций и 100 жителей местных сообществ. Сбор эмпирических данных осуществлялся как посредством бумажных анкет, так и с использованием онлайн-форм.

Результаты исследования. Полученные результаты позволяют утверждать, что восприятие местным сообществом устойчивого развития территории формируется не вокруг одного отдельного параметра деятельности предприятий, а вокруг совокупности экологических, социальных, производственных и коммуникационных характеристик, через которые население оценивает реальный вклад бизнеса в качество жизни, безопасность среды, стабильность занятости и перспективы локального развития. В этом смысле проведенное исследование показывает, что поддержка бренда предприятия со стороны местного сообщества возникает не как следствие абстрактной лояльности, а как результат оценки его участия в снижении экологических и социальных рисков, в создании совместной ценности и в формировании условий для устойчивого развития территории.

Прежде всего был рассмотрен вопрос, связанный с мнением респонден-

тов о значимости мер по сокращению производственных выбросов в контексте территориального развития. Полученные данные показали, что более 80% опрошенных поддерживают принятие строгих мер по сокращению выбросов загрязняющих веществ в производственном процессе. Полученные данные показывают, что население в целом связывает устойчивое развитие территории с экологической и социальной ответственностью производственных предприятий и воспринимает сокращение выбросов как значимую составляющую их допустимого и общественно оправданного поведения. Такая оценка отражает не только принятие экологических ориентиров, но и наличие у жителей достаточно выраженного представления о связи между хозяйственной деятельностью предприятий, состоянием окружающей среды и качеством жизни на территории.

Сходным образом респонденты оценивают и вопросы ресурсосбережения и энергопотребления предприятий. Порядка 16% опрошенных заняли нейтральную позицию, около 36% охарактеризовали данный аспект как значимый, а 48% признали его критически важным. Среди преподавателей и сотрудников научных организаций доля тех, кто отметил критически высокую значимость данного вопроса, составила около 60%. Это указывает на то, что группы с более высоким уровнем образования в большей степени связывают оценку деятельности предприятий с параметрами управленческой упорядоченности, информационной открытости и последовательности в выполнении долгосрочных обязательств.

Особое место в исследовании занял вопрос доверия к бренду промышленного предприятия, поскольку именно он позволяет проследить, каким образом ответственное поведение бизнеса трансформируется в общественное признание. Распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено на рисунке 1.

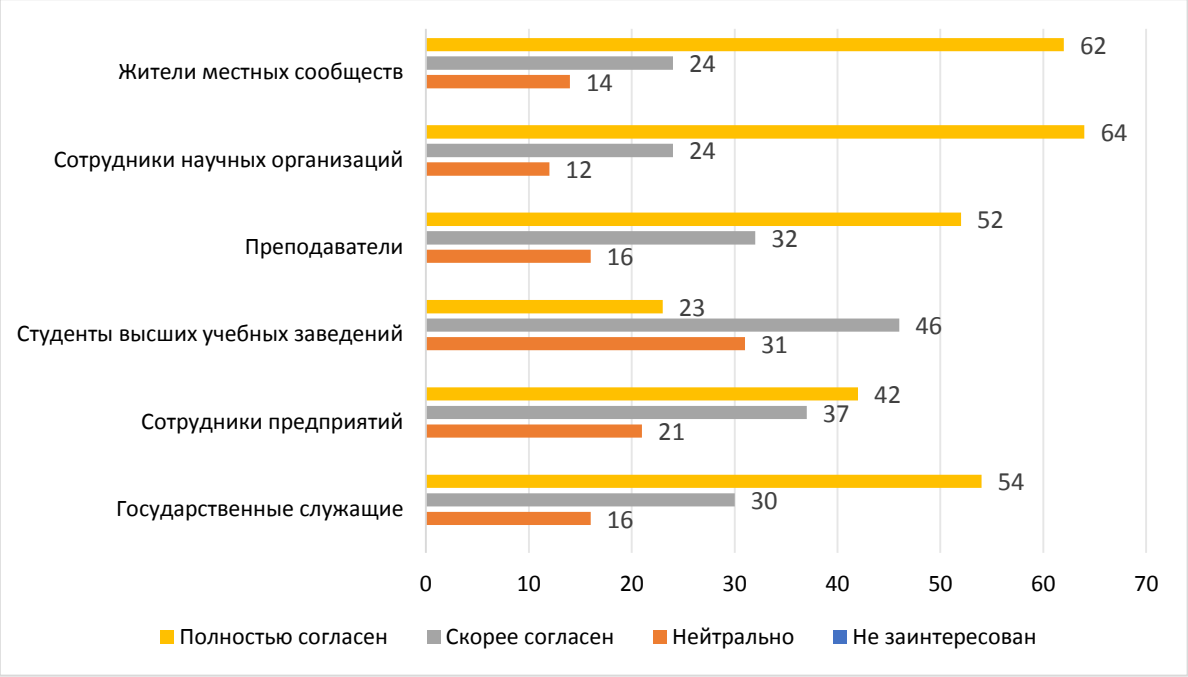

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос о согласии со значимостью доверия к бренду предприятия, % /
Figure 1 – Distribution of respondents' answers regarding their agreement with the importance of trust in the enterprise brand, %
Источник: составлен по результатам исследования.

По результатам исследования, респонденты в целом демонстрируют выраженную позитивную оценку ответственного поведения предприятий. Среди государственных служащих, преподавателей, сотрудников научных организаций и жителей местных сообществ уровень признания ответственной деятельности предприятий, а следовательно, и уровень доверия к бренду выше. Студенты, напротив, более сдержанны в своих оценках. Данный результат целесообразно учитывать при планировании коммуникаций с молодежной аудиторией в отношении реализуемых устойчивых практик производственных предприятий, поскольку именно эта группа, признавая значимость обсуждаемых вопросов, вместе с тем демонстрирует большую осторожность в формировании устойчивого доверия.

Важным элементом оценки ответственного поведения предприятий выступил вопрос о значимости их инвестиций в экологическое благополучие. Полученные результаты приведены на рисунке 2.

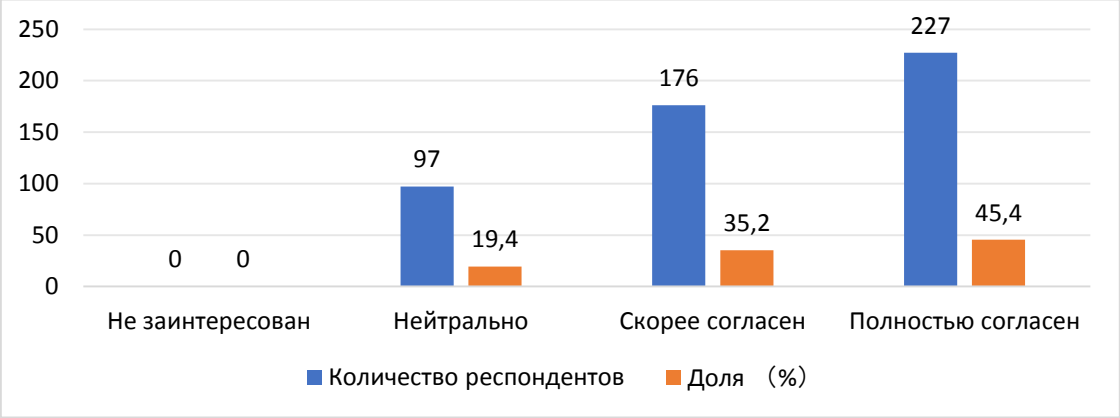

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке значимости инвестиций предприятий в экологическое благополучие, чел., % /
Figure 2 – Distribution of respondents' answers regarding the assessment of the importance of enterprises' investments in environmental well-being, persons, %
Источник: составлен по результатам исследования.

Более 80% опрошенных считают, что инвестиции предприятий в экологические практики и экологическое благополучие являются критически значимыми. Это позволяет заключить, что ответственное поведение предприятий в части подобных инициатив воспринимается населением как необходимое условие положительной оценки их хозяйственной деятельности. Вместе с тем почти 20% опрошенных дали нейтральную оценку такой активности, что предполагает необходимость дальнейшей работы с населением в части разъяснения роли подобных деловых практик в устойчивом развитии территории, в том числе через более наглядное раскрытие того, каким образом экологические инвестиции предприятий связаны с повышением качества жизни местного сообщества.

В продолжение данного блока был рассмотрен вопрос о значимости действий предприятий по снижению экологических рисков. Установлено, что 46% респондентов оценивают значимость таких действий как высокую, почти 36% характеризуют ее как важную, тогда как остальные сохраняют нейтральную позицию. Наличие более 18% респондентов, нейтрально воспринимающих данный показатель, актуализирует целесообразность информационной работы, направленной на повышение вовлеченности населения в вопросы экологической ответственности предприятий.

Иными словами, при достаточно высокой общей поддержке природоохранной активности бизнеса часть населения еще не связывает в полной мере снижение экологических рисков с практикой устойчивого развития территории.

Не менее важным оказался вопрос, касающийся уверенности респондентов в качестве продукции предприятия и оценки ее безопасности. Все категории опрошенных в целом считают значимость данного фактора высокой, однако в наибольшей степени такие оценки характерны для государственных служащих и сотрудников научных организаций. Это позволяет говорить о том, что именно группы, в большей степени ориентированные на институциональные критерии оценки, более последовательно связывают устойчивое развитие с безопасностью продукции и ответственностью производителя перед обществом. В отношении остальных категорий респондентов сохраняется необходимость дальнейшей информационно-разъяснительной работы, направленной на популяризацию вопросов устойчивого развития уже не только в экологическом, но и в потребительском измерении, то есть через уверенность в качестве продукции и ее безопасности.

Существенное значение имел и вопрос, связанный с социальными обязательствами предприятий по обеспечению прав работников и безопасности труда. Показательно, что все категории опрошенных оценивают данный критерий как чрезвычайно значимый, за исключением самих работников предприятий. В ходе интервьюирования было уточнено, что данное различие обусловлено тем, что сотрудники в целом считают усилия по соблюдению их прав и обеспечению безопасных условий труда вполне достаточными. Такое расхождение внешней и внутренней оценки представляется принципиально значимым: местное сообщество формулирует к социальному поведению предприятий более высокие требования, тогда как сами работники, опираясь на повседневный опыт взаимодействия с работодателем, склонны оценивать сложившуюся практику как в целом достаточную.

Одновременно представлялось необходимым уточнить, насколько значимым для респондентов является отслеживание проблем в сфере социальной ответственности предприятий. Полученные результаты показали, что более 80% опрошенных считают данный вопрос чрезвычайно значимым. В ходе группового интервью было дополнительно установлено, что, по мнению респондентов, явные проблемы в социально ответственном поведении бизнеса снижают популярность производимой им продукции. Принципиально важно, что респонденты фиксируют и противоположную зависимость: если проблемы в сфере социальной ответственности снижают популярность продукции, то ее усиление, напротив, становится фактором роста интереса к компании и ее продукции.

С этим напрямую соотносится и оценка значимости роста социальной ответственности компании для признания бренда потребителями. Респонденты достаточно последовательно связывают усиление социальной ответственности с более позитивным восприятием бренда. Иными словами, чем в большей степени предприятие снижает социальные риски и демонстрирует ответственное поведение, тем выше уровень его общественного признания и тем благоприятнее воспринимается его бренд потребителями.

Таким образом, в блоке вопросов, объединяющих экологическое благополучие, снижение экологических рисков, качество и безопасность продукции, выполнение обязательств перед сотрудниками и восприятие социальной ответственности бизнеса, выявляется единая закономерность. Для местного сообще-

ства ответственное поведение предприятия приобретает значение не в абстрактной нормативной плоскости, а как совокупность конкретных практик, через которые оцениваются надежность производителя, степень его включенности в территориальное развитие и обоснованность доверия к его бренду. Именно поэтому экологические и социальные аспекты деятельности предприятия в восприятии населения соединяются в общий механизм формирования его общественной легитимности.

Если в предыдущих вопросах социальная ответственность предприятия раскрывалась через снижение рисков и выполнение обязательств, то в данном случае она получает более осязаемое выражение – через создание рабочих мест на территории локализации предприятия. Распределение ответов респондентов на данный вопрос приведено на рисунке 3.

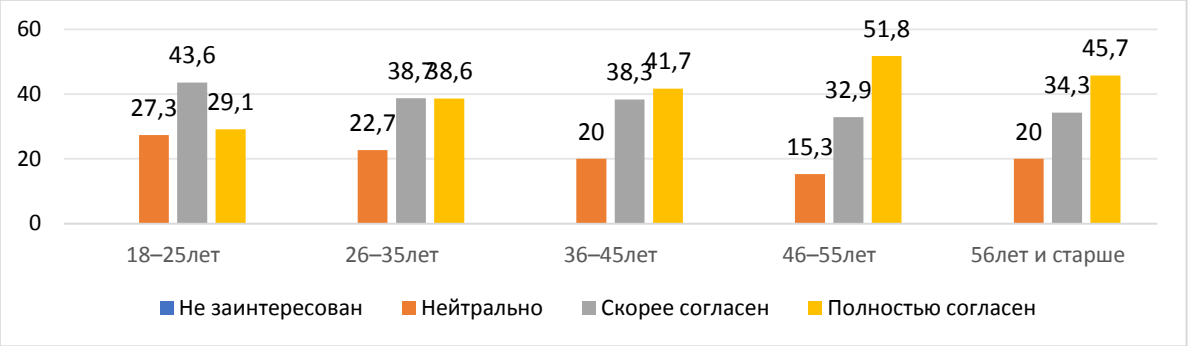

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос относительно степени их согласия со значимостью фактора создания предприятиями рабочих мест, % /
Figure 3 – Distribution of respondents' answers regarding their agreement with the importance of job creation by enterprises, %
Источник: составлен по результатам исследования.

Результаты исследования показывают, что респонденты разных возрастных групп в целом признают роль предприятий в создании совместной ценности для местной промышленности и общества, интерпретируя ее прежде всего через формирование привлекательных рабочих мест. Кроме того, респонденты старших возрастных групп в рамках уточнения своей позиции отмечали, что предприятия создают рабочие места и потому обязаны вносить вклад в развитие местной промышленности и общества. Это позволяет утверждать, что занятость воспринимается местным сообществом не только как экономический результат деятельности предприятия, но и как одна из наиболее очевидных форм его социальной ответственности перед территорией.

Далее в исследовании был рассмотрен вопрос значимости вклада предприятий в развитие территории, включая участие в поддержке образования, благотворительных инициативах и мероприятиях, ориентированных на местное сообщество. Полученные результаты показывают, что большинство респондентов признают значимость данного фактора, что позволяет говорить о его прямом влиянии на формирование благоприятного отношения к бренду. Для опрошенных участие предприятий в благотворительных акциях, поддержка местного образования и инвестиции в развитие сообщества не только демонстрируют их социальную ответственность, но и воспринимаются как реальная и устойчивая связь между предприятием и местным обществом. Именно наличие такой связи позволяет бренду предприятия выйти за пределы исключительно коммерческого символа и получить дополнительную эмоцио-

нальную и социальную позитивную оценку. Вместе с тем часть респондентов полагает, что, хотя деятельность в сфере благотворительности, образования и развития сообщества и способствует улучшению отношения к бренду, ее эффект не всегда оказывается сильным. Причина состоит в том, что формы участия некоторых предприятий в местной благотворительности пока носят краткосрочный, символический или преимущественно рекламный характер и не в полной мере трансформируются в реальные выгоды, воспринимаемые местным обществом.

Следующий блок был связан с восприятием значимости роли предприятий в модернизации местной промышленности. Порядка 76% респондентов согласны с тем, что содействие предприятия в модернизации местной промышленности повышает их готовность поддерживать его бренд. Для большинства опрошенных оценка бренда связана с реальным вкладом предприятия в развитие местной промышленности: оно воспринимается не только как участник рыночной конкуренции, но и как значимый фактор обновления промышленной структуры и модернизации региональной экономики. Поддержка и признание бренда оказываются выше в тех случаях, когда предприятие участвует в технологических инновациях, развитии производственной цепочки, создании рабочих мест и промышленной кооперации. Тем самым участие в модернизации промышленности воспринимается местным сообществом не только как проявление способности предприятия создавать совместную ценность, но и как основание для более благоприятного отношения к его бренду. Для стратегии регионального бренда устойчивого развития это имеет принципиальное значение, поскольку показывает, что общественная поддержка бренда предприятия формируется не только на уровне оценки его продукции или услуг, но и через восприятие его вклада в качественное развитие территории. Материалы групповых интервью дополнительно подтвердили, что предприятие, способное содействовать местному развитию, учитывать локальные потребности и участвовать в социальной кооперации, воспринимается как более устойчивое, надежное и ответственное.

В этой связи особое значение приобретает вопрос совместного создания ценности. В профессиональном разрезе большинство респондентов признают, что создание совместной ценности предприятиями на местах является важной частью регионального устойчивого развития. Наиболее высокая доля согласия зафиксирована у сотрудников научных организаций, жителей местных сообществ и государственных служащих – 52, 49 и 48% соответственно. Такая структура ответов показывает, что именно данные группы в большей степени склонны оценивать значение создания совместной ценности с позиции целостности территориального развития и согласованности управленческих усилий.

В то же время сотрудники предприятий и студенты высших учебных заведений, несмотря на общую позитивную позицию, более осторожно подходят к оценке связи между созданием совместной ценности предприятиями и устойчивым развитием региона. В целом можно заключить, что понимание значимости такой деятельности у различных социальных субъектов не совпадает полностью, однако большинство респондентов уже способны связать вклад предприятий в региональное развитие и признание формируемого бренда. Это позволяет рассматривать создание совместной ценности не только как проявление социальной ответственности, но и как одно из оснований стратегии регионального устойчивого развития, элементом которой становится целостный бренд территории.

Существенное место в полученных результатах занимает и экологический блок. При оценке роли предприятий в экологических преобразованиях и охране окружающей среды установлено, что порядка 73,0% респондентов в целом признают, что охрана окружающей среды и устойчивое зеленое развитие имеют важное значение. Это свидетельствует о наличии у местного сообщества достаточно сформированной ценностной и образовательной базы в части экологических установок. Соответственно, можно предположить, что реализуемая в Китае популяризация концепции устойчивого развития уже дала определенные результаты, однако для перехода населения от общего понимания к более устойчивой ценностной идентификации по-прежнему требуется совместная поддержка социальных норм, государственного регулирования и практики ответственного отношения предприятий.

В тесной связи с этим был рассмотрен вопрос о степени согласия респондентов со значимостью экологически ответственного потребления. Полученные результаты показывают, что большинство опрошенных согласны с тем, что охрана окружающей среды является вопросом, который должен волновать каждого гражданина. При этом наиболее высокая доля согласия наблюдается у сотрудников научных организаций, государственных служащих и жителей местного сообщества – 44, 32 и 37% соответственно. Это позволяет заключить, что интеллектуальные и институциональные субъекты, а также местные жители, имеющие непосредственный жизненный опыт, легче осознают важность охраны окружающей среды с точки зрения общественных интересов, социальной ответственности и реального качества окружающей среды. В целом охрана окружающей среды уже заняла устойчивое место в системе общественно значимых тем и получила достаточно широкое понимание в местном сообществе, однако между представителями различных профессиональных групп сохраняются различия в степени осознанности и глубине личного принятия соответствующей ответственности. Это означает, что экологическая проблематика в целом признается значимой, но уровень ее внутреннего освоения и готовности соотносить ее с собственным поведением остается неодинаковым.

В том же ряду рассматривается и вопрос о готовности к покупке энергосберегающей и экологически чистой продукции. Ответы респондентов показывают достаточно рациональный характер такого выбора: 26% полностью согласны с тем, что готовы серьезно рассматривать приобретение подобной продукции даже при более высокой цене, а более 40% скорее согласны с этим. Такая структура ответов позволяет говорить о сформированной положительной установке на экологически ответственное потребление, которая, однако, в поведенческом плане все еще зависит от практических обстоятельств. Именно этим объясняется и оценка значения экологически чистой продукции и ответственных брендов для улучшения социальной среды на территории.

Представители всех групп подтвердили значение ответственных брендов для улучшения социальной среды, то есть осознают связь между ответственным потреблением, ответственными брендами и устойчивым социально-экономическим развитием территории. Принципиально важно и то, что респонденты рассматривают покупательское поведение не только как сферу личных предпочтений, но и как элемент улучшения окружающей среды посредством повседневного выбора. Вместе с тем высокая доля нейтральных оценок показывает, что подобное признание пока во многих случаях остается на уровне ценностных суждений и еще не полностью

переходит в устойчивую поведенческую тенденцию. Иными словами, респонденты в целом признают значение экологического потребления, однако в реальности их выбор в значительной степени определяется ценой, удобством, прозрачностью информации и доступностью продукции.

Близкие по смыслу результаты получены и при оценке значимости поддержки экологически ответственных предприятий. Большинство респондентов демонстрируют в целом позитивную позицию по данному вопросу. Более высокая доля ответов «полностью согласен» характерна для государственных служащих, сотрудников научных учреждений и жителей местных сообществ, что свидетельствует о более выраженной готовности именно этих групп поддерживать экологически ответственные предприятия, исходя из общественных интересов, социального улучшения и реальных изменений окружающей среды. У сотрудников предприятий и студентов доля ответов «затрудняюсь ответить» и «согласен» выше. Это показывает, что, несмотря на общую позитивную позицию, их осознание в большей степени остается на уровне принципиального признания или умеренной интенсивности согласия и еще не полностью перешло в более устойчивую ценностную поддержку. Следовательно, при реализации бренд-стратегии регионального устойчивого развития необходимо учитывать различия в восприятии и практических интересах социальных групп, а также с помощью более адресного информирования о социальной ответственности и механизмов участия способствовать переходу ценностного признания в устойчивое поддерживающее поведение.

Завершающий значимый блок исследования был связан с оценкой роли цифровых технологий в осуществлении мероприятий по охране окружающей среды. Полученные результаты приведены на рисунке 4.

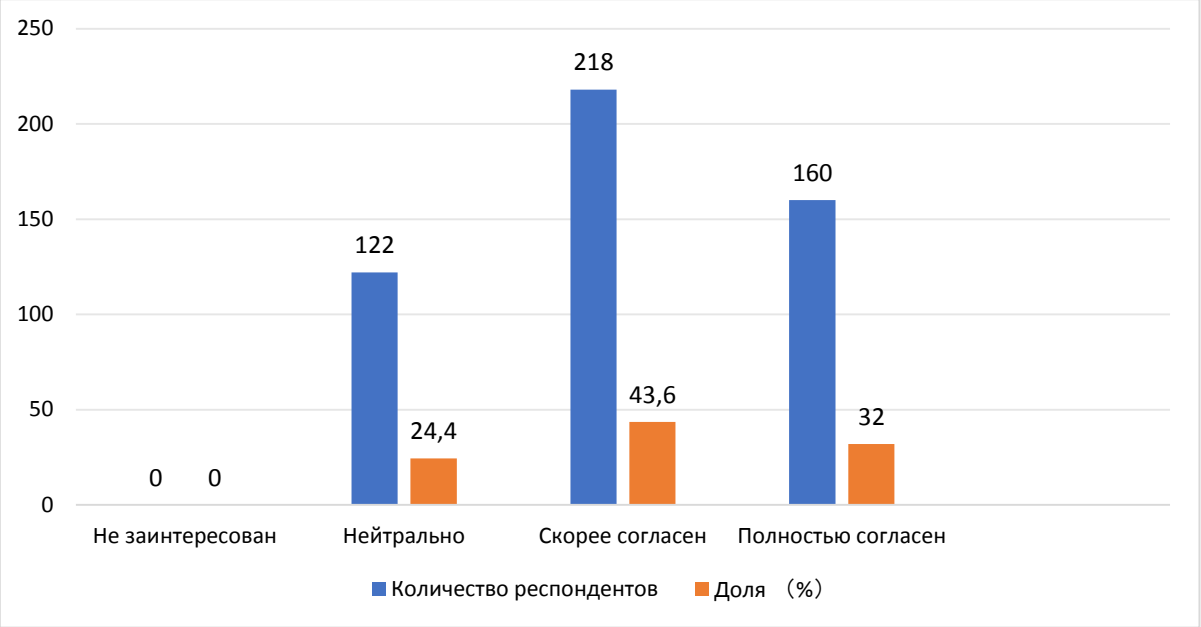

Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос о согласии с утверждением о значимости цифровых платформ или приложений для процесса охраны окружающей среды, чел., % /
Figure 4 – Distribution of respondents' answers regarding their agreement with the importance of digital platforms or applications in environmental protection, persons, %
Источник: составлен по результатам исследования.

Как показывают результаты, респонденты в целом признают возможность участия в экологических проектах с использованием цифровых платформ или приложений. Суммарная доля ответивших «согласен» и «полностью согласен» составляет почти 76%, что свидетельствует о положительной оценке роли цифровых платформ в участии в охране окружающей среды. Это означает, что современные информационные решения не только расширяют каналы участия жителей в экологических проектах, но и формируют дополнительный механизм активизации устойчивого поведения в местных сообществах. Вместе с тем доля ответов «затрудняюсь ответить» сохраняется на уровне 24,4%, что указывает на наличие определенного разрыва между потенциальной готовностью к цифровому участию и его фактической устойчивостью. Иначе говоря, при наличии достаточно хорошей базы восприимчивости к таким форматам дальнейшее превращение цифрового участия в устойчивую практику требует совершенствования функций платформ, повышения их понятности и укрепления доверия к их прикладной результативности.

В целом итоги данного блока показывают, что местное сообщество воспринимает устойчивое развитие территории через совокупность конкретных проявлений ответственности предприятий: от участия в создании рабочих мест, поддержке образования, благотворительности и модернизации местной промышленности до экологических инициатив, формирования культуры ответственного потребления и внедрения современных информационных решений в природоохранную деятельность. Именно такая совокупность действий формирует общественное доверие, влияет на признание бренда предприятия и определяет степень готовности населения поддерживать устойчивые практики на территории. Следовательно, роль местного сообщества в обеспечении устойчивого развития региона не сводится к пассивному восприятию результатов деятельности предприятий, а проявляется в оценке, поддержке и воспроизводстве тех форм корпоративного поведения, которые воспринимаются как реально значимые для качества жизни, социальной стабильности и долгосрочного развития территории.

Зафиксированные в ходе исследования оценки показывают, что местное сообщество воспринимает предприятие не только как хозяйствующий субъект, но и как участника экологических, социальных и экономических преобразований на территории. Это означает, что в условиях устойчивого развития меняется и сама модель участия местного сообщества в региональных процессах: от позиции преимущественного получателя результатов развития оно переходит к более активной роли в оценке, поддержке и воспроизводстве ответственных практик. Результаты проведенного исследования позволяют на этой основе провести сравнительное разграничение традиционной роли местного сообщества в социально-экономическом развитии региона и его роли в стратегии, ориентированной на устойчивое развитие и формирование соответствующей бренд-стратегии (табл. 1).

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что местное сообщество трансформируется из традиционной роли пассивного получателя в активного участника территориального развития, а из объекта социального управления – в совместного создателя бренда. Иначе говоря, выявленные оценки фиксируют не только поддержку отдельных инициатив предприятий, но и смещение самой модели взаимодействия между бизнесом, территорией и местным сообществом в сторону активизации устойчивого поведения.

Таблица 1 – Сравнение роли местного сообщества
в традиционной региональной стратегии и в стратегии устойчивого развития /
Table 1 – Comparison of the role of the local community
in the traditional regional strategy and in the sustainable development strategy

Показатель сравнения / Comparison indicator	**Местное сообщество в традиционной региональной стратегии / The local community in the traditional regional strategy**	**Местное сообщество в стратегии устойчивого развития на базе усиления бренда / The local community in the strategy of sustainable development based on brand strengthening**
Основная позиция	Получатель услуг (пассивная позиция)	Участие в создании бренда, участие в территориальном развитии (активная позиция)
Основные функции	Поддержание социальной стабильности, обратная связь по общественным потребностям	Поддержка устойчивого потребления, продвижение распространения бренда
Отношения с предприятиями	Преобладание косвенных связей	Прямые связи через трудоустройство, потребление, доверие и сарафанное радио
Формы участия	Выражение удовлетворенности, участие в общественных делах	Поддержка бренда, экологическое поведение, распространение в сообществе его приоритетов, контроль и обратная связь
Влияние на бренд	Косвенное влияние на региональный бренд	Прямое влияние на совместное формирование регионального бренда и бренда предприятия

Выявленная трансформация роли местного сообщества требует перехода от описательного сравнения к представлению последовательности тех связей, через которые участие населения в устойчивых практиках начинает работать на укрепление доверия, поддержку бренда и развитие территории. В этом контексте механизм реализации бренд-стратегии регионального устойчивого развития с учетом повышения участия местного сообщества может быть представлен следующим образом (рис. 5).

По нашему мнению, поведенческий выбор, готовность к участию и образ жизни представителей бизнес-сообществ, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также местных жителей напрямую определяют качество региональной экологической среды, уровень социальной культуры и репутацию бренда. Активизация устойчивого поведения местного сообщества выступает не только необходимым условием продвижения зеленого низкоуглеродного перехода, но и значимым фактором укрепления внутреннего потенциала регионального бренда и обеспечения долгосрочного развития территории.

Механизм реализации бренда регионального устойчивого развития на основе привлечения местных сообществ к устойчивому поведению через общую ценность
Этап 1. Стратегическое выявление и предварительное планирование. Цель – определить приоритеты регионального устойчивого развития, ключевые потребности местных сообществ и направления формирования бренда.
Анализ текущего состояния регионального развития: промышленная база, экологические ограничения, цифровая инфраструктура, условия управления.
Идентификация потребностей местных сообществ: занятость, доходы, окружающая среда, общественные услуги, готовность к участию.
Оценка брендовых ресурсов и рисков: база корпоративной социальной ответственности, уровень общественного доверия, точки негативных рисков.
Этап 2. Интеграция общей ценности и разработка брендовой стратегии. Цель – сочетать создание общей ценности предприятиями с целями бренда регионального устойчивого развития.
Переопределение местного рынка и потребностей: экологически чистые продукты, ответственное потребление, сценарии сообщества, предоставление общественных услуг.
Повышение социальной эффективности цепочки создания стоимости: права сотрудников, экологическое управление, безопасное производство, общественное участие и т.д.
Содействие синергии местных промышленных кластеров: взаимодействие предприятий, государства, сообществ, вузов и научно-
Этап 3. Активизация устойчивого поведения местных сообществ.
Экономическая удовлетворенность: улучшение занятости, рост доходов, увеличение промышленных возможностей.
Социальная и экологическая удовлетворенность: улучшение окружающей среды, оптимизация общественных услуг, повышение качества жизни в сообществе.
Эмоциональная идентификация и формирование доверия: положительная оценка брендов предприятий и регионального брен-
Этап 4. Распространение участия сообщества
Цель – преобразовать активность населения в устойчивое поведение, ответственное потребление и поддержку бренда.
Зеленое потребление и ответственные покупки: выбор ответственных брендов, поддержка экологически чистых продуктов.
Участие в экологических проектах и общественных инициативах: низкоуглеродные практики, волонтерская деятельность.
Цифровое взаимодействие и распространение: онлайн-отзывы, продвижение в сети, взаимодействие с брендом.
Этап 5. Платформенное координационное внедрение и организационное обеспечение
Цель – обеспечить устойчивое функционирование стратегии за счет институтов, платформ и координации многосторонних субъектов.
Государственное институциональное руководство: стимулирующая политика, нормативные стандарты, распределение ресурсов, контроль и оценка.
Поддержка корпоративной социальной ответственности: управление ESG, проекты общей ценности, благотворительные вложения, коммуникация с сообществом.
Координация цифровых платформ: раскрытие информации, обратная связь данных, демонстрация проектов, интерактивное участие.

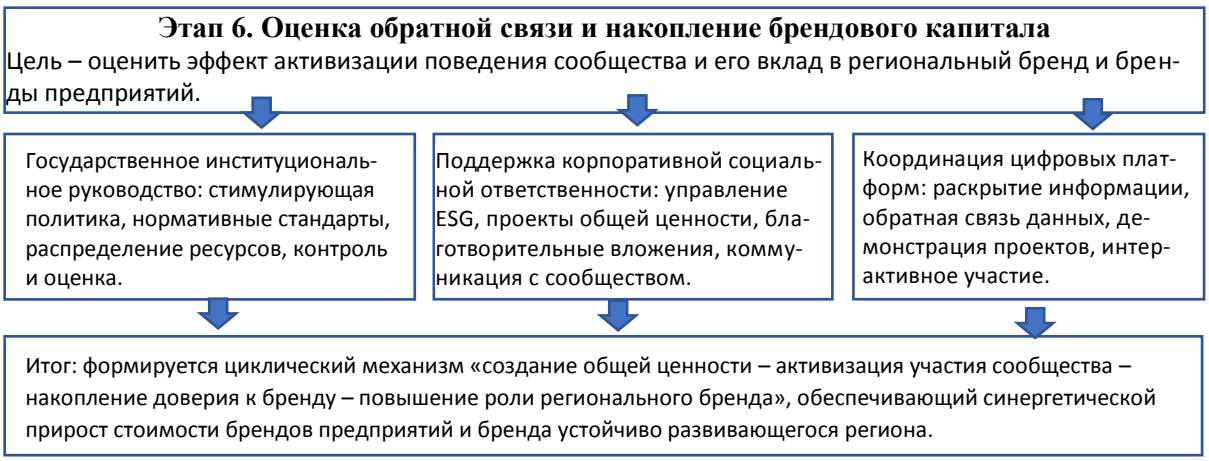

Рисунок 5 – Механизм реализации стратегии бренда
для устойчиво развивающегося региона /
Figure 5 – Mechanism for implementing the brand strategy
for a sustainably developing region

Источник: составлен по результатам исследования.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование показало, что устойчивое развитие территории в рассматриваемом случае определяется не разрозненными действиями предприятий, а совокупностью трех взаимосвязанных факторов: общественного доверия к ответственному бренду, активного участия местного сообщества и расширения цифровых каналов вовлечения населения в устойчивые практики. В повседневной жизни могут использоваться различные формы закрепления устойчивых ценностей и развития соответствующих поведенческих установок у населения. К их числу относятся общественное информирование в сообществах, школьное образование, волонтерские акции, демонстрация успешных практик и иные способы распространения знаний в области зеленого низкоуглеродного развития, сортировки отходов, переработки ресурсов и охраны окружающей среды. Это повышает у жителей чувство ответственности за региональный устойчивый бренд, обеспечивая внутреннее усвоение экологических ценностей и превращение их в осознанное поведение.

Считаем, что в китайском обществе в сфере позитивного стимулирования и регулирования могут использоваться такие механизмы, как накопление баллов с возможностью обмена, поощрение и награждение, кредитное стимулирование, субсидии на экологическое потребление. Они направлены на поддержку сортировки отходов, низкоуглеродного транспорта, сбора вторичного сырья и других форм ответственного поведения. Одновременно предусматривается умеренное регулирование в отношении действий, наносящих ущерб окружающей среде и приводящих к расточительному использованию ресурсов.

По части создания условий для устойчивого образа жизни необходимо обеспечивать наличие более удобных и практичных инфраструктурных объектов. К ним относятся пункты сортировки бытовых отходов, точки сбора отработанных аккумуляторов и электронного мусора, общественные зеленые зоны, система медленного транспорта и другие объекты материальной инфраструктуры.

В области механизмов участия сообщества в управлении рекомендуется вовлекать жителей, управляющие компании, общественные организации и предприятия в совместное решение вопросов экологического управления со-

обществом, формирования бренда и общественных дел. Это предполагает создание специализированных платформ для участия населения, мотивации к активному взаимодействию. Кроме того, в условиях всеобщего проникновения цифровых технологий в экономическую и социальную жизнь на основе цифровизации, сетевого взаимодействия и интеллектуализации стимулируется участие общественности, местных сообществ, вузов, научных организаций в совместных проектах по созданию ценности. Это закладывает прочный фундамент для устойчивого развития региона в экологической, социальной и управленческой сферах на основе повышения вовлеченности населения и предприятий, локализованных в регионе.

Список литературы

1. Антонова Н.В., Степаненко В.Г. Лояльность к бренду и экономический национализм российских потребителей // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 198-213.
2. Бондаренко В.А., Дадаян Н.А., Румянцев Н.Г. Маркетинг территории: эволюция, особенности теоретического обоснования и сложности практического воплощения в регионах России // Практический маркетинг. – 2021. – № 9 (295). – С. 25-29.
3. Лукина Е.В., Князева О.М. Маркетинг территории как инструмент социально-экономического развития региона // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2022. – № 20. – С. 59-61.
4. Рыбалко М.А. Маркетинг территории: подходы к оценке вовлеченности университета в территориальное развитие // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2025. – № 3 (91). – С. 157-169. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2025.91.3.014.
5. Серикпаева А.М. Особенности построения бренда в B2B-сегменте: доверие как конкурентное преимущество // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). – Т. 1. – С. 125-131.
6. Симонович Н.Н., Щиголева Д.Ю. Коммуникационные стратегии российских брендов одежды премиум-класса: анализ потребительского восприятия и формирование доверия аудитории // Вопросы медиабизнеса. – 2024. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnye-strategii-rossiyskih-brendov-odezhdy-premium-klassa-analiz-potrebitelskogo-vospriyatiya-i-formirovanie-doveriya (дата обращения: 11.04.2026).
7. У Яньхуа Актуализация бренда промышленного предприятия (на примере Китая) // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2026. – № 3 (ч. 4). – С. 337-341.
8. Фомина К.Р. Вопросы актуализации ESG-повестки в маркетинге территории // Экономика устойчивого развития. – 2024. – № 2 (58). – С. 270-272.
9. Хусейн Р. Эль, Бондаренко В.А. Территориальный маркетинг российских регионов в условиях ESG-перехода // Практический маркетинг. – 2026. – № 3 (345). – С. 59-63.
10. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. – 2006. – Vol. 84. – No. 12. – Pp. 78-92.
11. Stern P.C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior // Journal of Consumer Policy. – 1999. – Vol. 22. – No. 2. – Pp. 461-478.
12. Stern P.C. Understanding individuals' environmentally significant behavior // Environmental Law Reporter: News and Analysis. – 2005. – Vol. 35. – No. 5. – Pp. 10785-10790.

References

1. Antonova N.V., Stepanenko V.G. Brand loyalty and economic nationalism of Russian consumers // Social Psychology

and Society. – 2020. – Vol. 11. – No. 4. – Pp. 198-213.

2. Bondarenko V.A., Dadayan N.A., Rumyantsev N.G. Territorial marketing: evolution, features of theoretical substantiation and difficulties of practical implementation in Russian regions // Practical Marketing. – 2021. – No. 9 (295). – Pp. 25-29.

3. Lukina E.V., Knyazeva O.M. Territorial marketing as a tool for socio-economic development of a region // Altai Bulletin of State and Municipal Service. – 2022. – No. 20. – Pp. 59-61.

4. Rybalko M.A. Territorial marketing: approaches to assessing university involvement in territorial development // Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH). – 2025. – No. 3 (91). – Pp. 157-169. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2025.91.3.014.

5. Serikpaeva A.M. Features of brand building in the B2B segment: trust as a competitive advantage // Vestnik Nauki. – 2025. – No. 5 (86). – Vol. 1. – Pp. 125-131 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.вестник-науки.рф/article/22688 (Accessed: 06.04.2026).

6. Simonovich N.N., Shchigoleva D.Yu. Communication strategies of Russian premium clothing brands: analysis of consumer perception and formation of audience trust // Media Business Issues. – 2024. – No. 3 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnye-strategii-rossiyskih-brendov-odezhdy-premium-klassa-analiz-potrebitelskogo-vospriyatiya-i-formirovanie-doveriya (Accessed: 06.04.2026).

7. Wu Yanhua. Actualization of the brand of an industrial enterprise: the case of China // Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology. – 2026. – No. 3 (Part 4). – Pp. 337-341.

8. Fomina K.R. Issues of actualizing the ESG agenda in territorial marketing // Economics of Sustainable Development. – 2024. – No. 2 (58). – Pp. 270-272.

9. Khussein R. El., Bondarenko V.A. Territorial marketing of Russian regions under the ESG transition // Practical Marketing. – 2026. – No. 3 (345). – Pp. 59-63.

10. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. – 2006. – Vol. 84. – No. 12. – Pp. 78-92.

11. Stern P.C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior // Journal of Consumer Policy. – 1999. – Vol. 22. – No. 2. – Pp. 461-468.

12. Stern P.C. Understanding individuals' environmentally significant behavior // Environmental Law Reporter: News and Analysis. – 2005. – Vol. 35. – No. 5. – Pp. 10785-10790.

Об авторах:

Бондаренко Виктория Андреевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); профессор кафедры маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), профессор кафедры маркетинга услуг и бренд-менеджмента ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (г. Москва, Рязанский проспект, 99);

Гаспарян Артур Вардгесович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга услуг и бренд-менеджмента ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (г. Москва, Рязанский проспект, 99);

Гузенко Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры коммерции и логистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая д. 69);

У Яньхуа, декан факультета экономики и управления Политехнического университета Хэнань (г. Цзяоцзо, КНР); аспирант кафедры маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Бондаренко В.А., Гаспарян А.В., Гузенко Н.В., У Яньхуа

About the Authors:

Victoria A Bondarenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Marketing, RUDN University (Moscow, 6 Miklukho-Maklaya St.); Professor of the Department of Marketing and Advertising of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Artur V Gasparyan, PhD in Economics, Associate Professor Associate Professor of the Department of Services Marketing and Brand Management, State University of Management (Moscow, Ryazansky Prospekt, 99);

Natalia V Guzenko, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Commerce and Logistics of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Wu Yanhua, Dean of the Faculty of Economics and Management, Henan Polytechnic University (No. 2001 Century Road, Jiaozuo, China); Postgraduate Student of the Department of Marketing and Advertising of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 13.04.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 V. Bondarenko, A. Gasparyan, N. Guzenko, Wu Yanhua

УДК 332.1 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.88.10.007

Моделирование затрат на строительство социальных объектов с учетом региональных экономических циклов (Республика Татарстан)

Добролежа Е.В.[1] ✉, **Бирюков В.С.**[2]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
2 Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Российская Федерация, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58

✉ dobroleja.elena@yandex.ru

Аннотация

Введение. Точность прогнозной оценки затрат на строительство социальных объектов имеет прикладное значение для регионального бюджетного планирования, однако традиционные сметные расчёты, опирающиеся на базовые индексы и нормативы, не учитывают фазовых колебаний строительной активности. В Республике Татарстан, где реализуются масштабные программы возведения школ, поликлиник и других объектов социальной инфраструктуры, недоучёт циклических удорожаний ресурсов и контрактных рисков приводит к систематическим отклонениям фактической стоимости от плановой. Цель исследования – обоснование подхода к прогнозированию затрат на строительство социальных объектов, включающего индикатор регионального экономического цикла в качестве корректирующего фактора.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют действующая Федеральная сметно-нормативная база (далее – ФСНБ) ценообразования в строительстве, приказы Минстроя, данные Федеральной государственной информационной системы ценообразования в строительстве (далее – ФГИС ЦС) и региональные индексы цен строительных ресурсов. Для выделения циклической составляющей применяется фильтр Ходрика – Прескотта к рядам объёмов строительных работ в сопоставимых ценах; разрыв (gap) трактуется как отклонение фактической строительной активности от тренда. Эконометрическая спецификация построена как динамическая регрессия с лагами, где зависимая переменная – темп изменения сметной стоимости, а регрессоры включают официальные индексы, инфляцию материалов, динамику оплаты труда и gap-индикатор.

Результаты исследования. Предложена трёхкомпонентная модель затрат: базовая смета, умноженная на индекс изменения стоимости и экспоненту от циклической поправки. Для типового объекта (школа/поликлиника) выполнены сценарные расчёты, показывающие, что в фазе перегрева удорожание может достигать 15–22% против 8–13% при замедлении. Разработан алгоритм калибровки параметра чувствительности γ по историческим данным и порядок интеграции модели в расчёт начальной максимальной цены контракта. Область применения – корректировка региональных инвестиционных программ, управление закупочными процедурами и формирование резервов на непредвиденные расходы.

Обсуждение и заключения. Введение циклического компонента переводит детерминированную сметную оценку в вероятностный интервал, что повышает обоснованность бюджетных решений. Ограничения метода связаны с зависимостью оценок разрыва от выбора фильтра и длины выборки, а также со спецификой уникального оборудования, слабо коррелирующего с общими индексами. Перспективы развития модели видятся в переходе к панельной оценке по типам объектов и использовании режимно-сменных спецификаций для учёта структурных сдвигов.

Ключевые слова: социальные объекты, сметная стоимость, ФГИС ЦС, индексы, региональный экономический цикл, Татарстан, прогнозирование затрат, эконометрическая модель.

Для цитирования. Добролежа Е.В., Бирюков В.С. Моделирование затрат на строительство социальных объектов с учетом региональных экономических циклов (Республика Татарстан). *Учет и статистика*. 2026;3(23):74-85. doi: 10.54220/1994-0874.2026.88.10.007.

JEL: R12, R31 Research article

Cost Modelling for Social Infrastructure Construction with Regional Business Cycles (Republic of Tatarstan)

Dobrolezha E.V.[1] ✉, **Biryukov V.S.**[2]

1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

2 Kazan Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation, Russian Federation, Kazan, 58 N. Yershova St.

✉ dobroleja.elena@yandex.ru

Abstract

Introduction. The accuracy of the projected cost estimates for the construction of social facilities is of practical importance for regional budget planning, however, traditional estimates based on basic indexes and standards do not take into account the phase fluctuations of construction activity. In the Republic of Tatarstan, where large-scale programs for the construction of schools, clinics and other social infrastructure facilities are being implemented, underestimation of cyclical resource cost increases and contractual risks leads to systematic deviations of the actual cost from the planned one. The purpose of the study is to substantiate an approach to forecasting the costs of building social facilities, including an indicator of the regional economic cycle as a corrective factor.

Materials and Methods. The methodological basis of the study is the current Federal Budget and Regulatory Framework (hereinafter referred to as the FSNB) for Pricing in construction, orders of the Ministry of Construction), data from the Federal State Information System for Pricing in Construction (hereinafter referred to as the FGIS CA) and regional price indices for building resources. To isolate the cyclical component, the Hodrick – Prescott filter is applied to the series of construction volumes at comparable prices; gap is interpreted as a deviation of actual construction activity from the trend. The econometric specification is constructed as a dynamic regression with lags, where the dependent variable is the rate of change in the estimated cost, and regressors include official indices, material inflation, wage dynamics, and the gap indicator.

Results. A three-component cost model is proposed: a basic estimate multiplied by the cost change index and the exponent of the cyclical correction. Scenario calculations were performed for a typical facility (school/clinic), showing that in the overheating phase, the increase in price can reach 15–22% versus 8–13% with deceleration. An algorithm has been developed for calibrating the sensitivity parameter γ based on historical data and the procedure for integrating the model into the calculation of the initial maximum contract price. The scope of application is the adjustment of regional investment programs, the management of procurement procedures and the formation of reserves for unforeseen expenses.

Discussion and Conclusions. The introduction of a cyclical component translates the deterministic estimate into a probabilistic interval, which increases the validity of budget decisions. The limitations of the method are related to the dependence of the gap estimates on the choice of filter and sample length, as well as the specifics of the unique equipment, which weakly correlates with the general indices. The prospects for the development of the model are seen in the transition to a panel assessment by type of objects and the use of shift specifications to account for structural shifts.

Keywords: social infrastructure, construction cost, FGIS CS, indices, regional business cycle, Tatarstan, cost forecasting, econometric model.

For citation. Dobrolezha E.V., Biryukov V.S. Cost Modelling for Social Infrastructure Construction with Regional Business Cycles (Republic of Tatarstan). *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):74-85. doi: 10.54220/1994-0874.2026.88.10.007.

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью более точной прогнозной оценки затрат на строительство социальных объектов, поскольку фактическая стоимость таких проектов зависит не только от базовой сметы и официальных индексов, но и от состояния регионального строительного рынка. Для Республики Татарстан этот вопрос имеет прикладное значение в связи с реализацией программ строительства школ, поликлиник, детских садов и иных объектов социальной инфраструктуры, где колебания цен на материалы, стоимости труда и сроков поставок напрямую влияют на бюджетное планирование. В периоды высокой деловой активности сметная стоимость становится более чувствительной к удорожанию ресурсов и рискам исполнения контрактов, тогда как при замедлении роста увеличивается неопределенность, связанная с поставками и финансированием [11]. В связи с этим цель исследования состоит в обосновании подхода к прогнозированию затрат на строительство социальных объектов в Республике Татарстан с учетом региональной циклической динамики строительной активности.

Материалы и методы. В основу работы положены общенаучные методы системного и сравнительного анализа, а также приёмы статистической обработки данных, обобщения и систематизации информации. Информационную базу составили федеральные сметные нормативы и приказы Минстроя России, сведения из ФГИС ЦС и региональных публикаций индексов цен на строительные ресурсы, а также аналитические обзоры Банка России и отчётные материалы Министерства экономики Республики Татарстан.

Результаты исследования. Реализация проектов социальной сферы в Татарстане осуществляется посредством программ федерального и регионального уровней; одновременно в официальных аналитических обзорах и отчетах органов власти систематически фиксируются тенденции объемов инвестиционных вложений и приоритеты бюджетной политики региона [7]. В основе сметных механизмов ценообразования лежат нормативная база федерального уровня и набор цифровых систем для мониторинга цен; ФГИС ЦС относится к указанным системам; региональные органы отвечают за сбор и проверку соответствующих данных [4; 8]. На базе полученной комбинации создается модель, где публикуемые официально показатели и учетные цены ресурсов образуют основу, а локальный циклический профиль региона вносит корректирующие коэффициенты, задающие скорость удорожания и профиль рисков.

Приказ Минстроя России от 30.12.2021 № 1046/пр (с последующими изменениями) закрепил федеральные сметные нормативы, являющиеся основой при расчете базового уровня смет-

ной стоимости объектов, финансируемых с участием бюджетных средств [1]. В основу расчета исходных величин сметной стоимости положены ФСНБ-2022 и действующие методики расчета сметных цен и индексов. Параллельно порядок установления сметных цен на материалы, изделия, конструкции и оборудование закреплен Методикой, утвержденной приказом Минстроя России от 26.10.2022 № 904/пр [2]. Уточнения в порядок расчета индексов изменения сметной стоимости были внесены приказом Минстроя России от 10.06.2025 № 349/пр в 2025 году [3].

Для практического моделирования требуется объединить два уровня данных, официальные индексы изменения сметной стоимости и индексы-дефляторы, используемые в бюджетном планировании, и фактические цены на ресурсы и трудовые затраты в регионе. В Татарстане региональные публикации содержат значения индексов, указанные для конкретных периодов [4; 5], а местные учреждения загружают ценовые данные в ФГИС ЦС и разъясняют порядок создания ресурсной базы, в частности способы сопоставления региональных сборников цен с данными ФГИС ЦС [8].

Сведения об объеме строительной деятельности, о тенденциях инвестиций, уровне инфляции и состоянии занятости, собранные в отчетах по регионам, вместе с аналитическими материалами Банка России, посвященными конъюнктуре регионов, используются в качестве базы для макроэкономической оценки [7; 5; 6]. При оценке цикличности роль играет не уровень индикатора, а величина отклонения от трендовой траектории (разрыв), что позволяет соотнести фазы нарастания и ослабления активности. Методологические исследования указывают на ограничения методов выделения тренда, в том числе HP-фильтра, и подчеркивают потребность в проверке надежности оценок цикла [10].

Предлагается рассматривать прогнозируемые совокупные затраты проекта как произведение (или сумма в логарифмах) трех следующих компонент:

1) базовая смета в уровне цен даты составления (S0);

2) индекс изменения сметной стоимости (I_t), отражающий общероссийскую и отраслевую инфляцию в строительстве;

3) региональная поправка, зависящая от фазы экономического цикла в Татарстане (C_t) и отражающая «перегрев/охлаждение» регионального рынка ресурсов.

В простейшем виде:

$$S_t = S0 \times I_t \times \exp(\gamma \cdot gap_t) \times R_t,$$

где γ – параметр чувствительности затрат к циклу; gap_t – показатель циклического отклонения от тренда (разрыв), измеряющий фазу экономической конъюнктуры: положительные значения соответствуют «перегреву», отрицательные – «охлаждению»; R_t – поправка на риски исполнения контракта (логистические, кадровые, изменение проектных решений).

Различаются два типа разрыва:

1) макроэкономический разрыв выпуска (output gap) – отклонение реального ВРП Татарстана от потенциального уровня;

2) отраслевой строительный разрыв – отклонение показателей строительной активности (СМР/инвестиции в строительство) от их тренда.

Эти величины не являются синонимами: строительный разрыв отражает перегруженность рынка ресурсов и мощностей, тогда как разрыв выпуска характеризует общую фазу регионального цикла.

Для целей прогнозирования удорожания социальных объектов в качестве базового регрессора предпочтителен отраслевой строительный разрыв. При необходимости можно использовать взвешенную комбинацию:

$$gap_t = w \cdot gap^{buildt} + (1-w) \cdot gap^{grp}{}_t,$$

где w выбирается по точности прогноза на исторических данных.

Такая форма удобна тем, что официальные индексы и нормативы остаются центральным элементом расчета, а региональная специфика включается через ограниченное число параметров.

R_t следует формировать из измеримых прокси:

а) частота и доля корректировок ПД/изменений контракта (по Единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС) и допсоглашениям);

б) средняя задержка поставок ключевых материалов/оборудования (по журналам поставок или опросным индексам логистики);

в) дефицит кадров (вакансии/зарплата в строительстве);

г) доля уникальных позиций (медицинское оборудование, системы жизнеобеспечения), для которых индексный метод применим ограниченно.

В интересах Республики Татарстан целесообразно создать цикл-индикатор на основе рядов с месячной и квартальной периодичностью, характеризующихся высокой оперативностью обновления; входными показателями служат метрики, отражающие состояние строительного рынка: объемы работ в сфере строительства, индекс промышленного производства, изменение реальной заработной платы, показатель зарегистрированной безработицы, инфляция и финансовые условия. Для выявления фазы экономического цикла в роли измерителя используется отклонение от тренда (gap).

Практический алгоритм:

1) выбрать базовый ряд y_t (например, логарифм объема строительных работ в сопоставимых ценах);

2) оценить тренд y^*_t (HP−фильтр, фильтр Кальмана или скользящая средняя);

3) вычислить разрыв $gap_t = y_t - y^*_t$;

4) при необходимости сформировать композитный индекс как средневзвешенную сумму разрывов нескольких рядов.

Базовый ряд для gap^{build}_t рекомендуется брать из официальной статистики Росстата по инвестициям в основной капитал по виду деятельности «Строительство» (ОКВЭД 41–43) либо по объему выполненных строительных работ в сопоставимых ценах (при наличии сопоставимого ряда для региона). Частота (месяц/квартал) выбирается исходя из доступности и задержек публикации: для оперативного мониторинга допускается месячный ряд, для оценивания модели – квартальный.

При применении фильтра Ходрика – Прескотта параметр сглаживания λ выбирается по частоте данных: для квартальных рядов λ=1600, для месячных λ=14400. Во избежание искажений на концах выборки рекомендуется рассчитывать разрыв на расширенной выборке и проверять устойчивость на альтернативных методах выделения тренда (линейный тренд, Baxter – King, Christiano – Fitzgerald), сопоставляя знак и амплитуду разрыва.

Устойчивость gap дополнительно оценивается по стабильности коэффициента γ в регрессии и по качеству прогноза (RMSE/MAE) на отложенной выборке.

При использовании HP-фильтра нужно учитывать, что метод не располагает прямым экономическим обоснованием и способен искажать оценку вблизи концов выборки; для проверки надежности выявленных разрывов применяют альтернативные подходы [10].

Зависимая переменная модели может задаваться как темп изменения затрат (или индекса затрат) по социальным объектам – $\Delta\ln(S_t)$. В качестве объясняющих переменных используются официальные индексы (I_t), региональный разрыв gap_t, инфляция/строительные материалы (π_t), показатели рынка труда (w_t), а также лаги зависимой переменной для учета инерционности. Подобные регрессионные кон-

струкции применяются и в региональных исследованиях по моделированию стоимости строительства в Татарстане, что подтверждает применимость подхода к местным данным [9].

Одна из удобных спецификаций (ARIMAX/динамическая регрессия):

$$\Delta\ln(S_t)=\alpha + \beta\cdot\Delta\ln(I_t) + \gamma\cdot gap_t + \delta\cdot\Delta\pi_t + \theta\cdot\Delta\ln(w_t) + \phi\cdot\Delta\ln(S_{\{t-1\}}) + \varepsilon_t,$$

где β отражает «передачу» официального индекса в фактические затраты проекта; γ – циклическую чувствительность; δ и θ – влияние цен и трудовых условий в регионе.

Если доступны данные по нескольким типам объектов (школы, поликлиники, ФОК), модель расширяется до панельной с фиксированными эффектами типа объекта.

Ожидаемые направления влияния переменных на темп изменения сметной стоимости приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Переменные модели и ожидаемые эффекты / Table 1 – Model Variables and Expected Effects

Переменная / Variable	**Содержание/источник / Description/source**	**Ожидаемый знак влияния на Δln(St) / Expected sign of effect on Δln(S_t)**
$\Delta\ln(I_t)$	Индексы изменения сметной стоимости / дефляторы (Минстрой, региональные публикации)	+
gap_t	Разрыв региональной строительной активности (отклонение от тренда)	+ при перегреве
$\Delta\pi_t$	Инфляция / рост цен на стройматериалы в регионе	+
$\Delta\ln(w_t)$	Динамика оплаты труда / дефицита кадров в строительстве	+
$risk_t$	Прокси риска: частота корректировок ПД/претензий, сроки поставок	+

Описанное ожидаемое направление влияния переменных на темп изменения сметной стоимости свидетельствует, что все регрессоры демонстрируют ожидаемое положительное воздействие на удорожание, при этом для risk_t требуется дополнительная проверка на основе статистической значимости в конкретных региональных условиях.

При оперативном моделировании данные по отдельным факторам не всегда доступны с требуемой периодичностью. В таких случаях целесообразно применять композитный регрессор, включающий индикатор цикла gap_t и общий индекс I_t, а влияние остальных переменных учитывать через сценарные коэффициенты, например корректировки на прогнозируемый рост цен материалов и фонда оплаты труда. Отдельное внимание уделяется параметру γ: его значение выводят из ретроспективных данных по портфелю завершённых объектов либо устанавливают экспертным путём с последующей корректировкой по мере поступления новых наблюдений.

В качестве примера рассматривается гипотетический объект – строительство школы общего образования или поликлиники с плановым сроком ввода в эксплуатацию 18 месяцев. Исходный набор сведений содержит базовую сметную величину S0 в ценах даты составления, официально установленные индексы на прогнозный период и квартальные данные по ценам ресурсов (ФГИС ЦС/региональные индексы) [4; 5; 8]. Параллельно оценка текущей фазы экономического цикла Татарстана опирается на статистические и аналитические материалы Банка России [5; 6].

Сценарное моделирование выстроено по двум осям:

1) макроусловия, умеренный рост, перегрев, замедление;

2) управляющие характеристики проекта (сохраняющаяся ПД / повторяющиеся изменения в ПД, поставки без перерывов / нарушение логистической цепочки).

Результаты сценарного моделирования для типового объекта обобщены в таблице 2.

Таблица 2 – Пример сценарной оценки удорожания проекта (относительно S0) / Table 2 – Scenario-Based Cost Increase Assessment for the Project (Relative to S0)

Сценарий / Scenario	**Фаза цикла (gap_t) / Cycle phase (gap_t)**	**Ключевые допущения / Key assumptions**	**Оценка удорожания, % / Estimated cost increase, %**
Базовый	близко к тренду	Индексы по графику, без существенных корректировок ПД	10–14
Перегрев	$gap_t > 0$	Дефицит кадров, рост цен материалов, ускорение индексов	15–22
Замедление	$gap_t < 0$	Снижение темпов роста цен, но риск задержек финансирования/поставок	8–13
Шок поставок	любая	Разрыв логистики / импортозамещение, рост отдельных ресурсов	20–30

Сценарные оценки подтверждают, что диапазон возможного удорожания существенно расширяется при переходе от базового сценария к фазам перегрева или логистических сбоев. Это требует отражения в бюджетных расчётах не точечного значения, а интервала (P10–P90), получаемого из распределения ошибок ε_t модели и вариативности gap_t.

Агрегация исходных наборов данных в единой конфигурации создает параметры проектной сметы (S0), официальные индексы и квартальные сведения о стоимости ресурсов (ФГИС ЦС и публикации на региональном уровне) [4; 5; 8]. Органы регионального уровня, ведущие наблюдение за ценами и загружающие сведения в ФГИС ЦС, могут использовать выводы модели как вспомогательный индикатор для обнаружения отклонений в показателях стоимости ресурсов [8].

При внедрении повторяющегося цикла в систему плановых мероприятий необходимо предусмотреть различные ответные меры с учетом характера выявленного разрыва. При фиксируемом положительном разрыве, именуемом перегревом, оправданно наращивание фонда для компенсации роста затрат и ужесточение процедуры проверки ценовых заявок со стороны контрагентов. Наоборот, при появлении отрицательного разрыва приоритет необходимо сместить в сторону синхронизации календарных графиков и управления ликвидностью во избежание кассового дефицита.

Во время периодической перекалибровки значения γ и β пересматриваются ежеквартально после поступления новых данных. Оценка обновляется синхронно с публикацией статистики и аналитических материалов Банка России [5; 6].

Интеграция в программное обеспечение для расчета начальной максимальной цены контракта предлагается модуль, который автоматически: а) подтягивает официальные индексы и данные ФГИС ЦС; б) рассчитывает gap^{build}_t; в) применяет оцененные коэффициенты (β, γ) для формирования точечного прогноза и интервала P10–P90; г) формирует отчет-обоснование для закупочной документации (ЕИС / региональная система закупок).

Алгоритм перекалибровки для региональных органов без доступа к полной статистике:

1) ежеквартально обновлять gap^{build}_t и индексы Минстроя;

2) дополнять базу завершенных проектов новыми объектами (минимум +5–10 наблюдений в год);

3) переоценивать γ по скользящему окну (например, последние 12–20 кварталов) или по расширяющейся выборке;

4) фиксировать контрольный показатель ошибки прогноза (MAE/RMSE) и ограничение на допустимую ошибку для бюджетного планирования;

5) при ухудшении качества пересматривать состав прокси R_t и спецификацию.

Предложенный подход ориентирован на практические расчеты и использует доступные публичные индикаторы, но обладает ограничениями. Во-первых, официальные индексы и сметные цены отражают средние по субъекту значения и не всегда учитывают локальную специфику (удаленность площадки, особые требования к инженерной инфраструктуре, сезонность земляных работ). Во-вторых, оценка разрыва (gap) зависит от выбора метода выделения тренда и длины выборки; при резких структурных сдвигах (изменение цепочек поставок, импортозамещение) стандартные фильтры требуют осторожной интерпретации [10].

В-третьих, социальные объекты в большинстве случаев обладают специфическими проектными решениями и высокой долей уникальных позиций сметы (медицинское оборудование, специализированные инженерные системы), из-за чего перенос общих индексов на конкретный проект затруднен. На практике используют комбинированный подход, индексная часть рассчитана на стандартные виды работ, а уникальные ресурсы оценивают с помощью конъюнктурного исследования и отдельных сценарных коэффициентов риска ($risk_t$).

В зарубежной практике прогнозирование стоимости строительства опирается на специализированные базы и индексы (например, BCIS в Великобритании) и учитывает фазу рынка через индикаторы спроса и загрузки мощностей. Для сопоставимости следует кратко описать аналогии: официальный индекс Минстроя ↔ строительные индексы, gap^{build}_t ↔ индикаторы цикла/загрузки, R_t ↔ риск-поправки по контрактному исполнению.

Поскольку структура затрат различается между школами, поликлиниками и спортивными объектами, рекомендуется оценивать γ раздельно. Практическая процедура:

1) собрать структуру затрат по укрупненным статьям (СМР, инженерные системы, оборудование и т.п.);

2) выполнить кластеризацию объектов по долям статей;

3) оценить γ по каждой группе однородных объектов и применять соответствующий коэффициент в расчетах.

При недостатке данных допускается упрощение: общий γ для всех объектов + поправки по типу через взаимодействие $gap^{build}_t \times$Type (или фиксированные эффекты).

Перспективные направления развития модели для Республики Татарстан основаны на:

1) переходе к интегрированной временной базе наблюдений по совокупности объектов с категоризацией по функциональным классам (школы, поликлиники, ФОК); это позволит получить надежную оценку γ и выявить типичные факторы, влияющие на рост стоимости;

2) использование для анализа модели с режимной сменой, например пороговую регрессию и Markov switching – в данных моделях параметры перестраиваются согласно текущей фазе цикла;

3) интеграции показателей контрактной дисциплины (срывы сроков,

претензионная работа) в качестве прямых прокси R_t повышает качество прогнозов и облегчает управление инвестиционными программами.

Обсуждение и заключения. Предложенная в работе методика представляет собой не просто модификацию сметного расчёта, а переход от детерминированной оценки к вероятностному инструменту, учитывающему реальную динамику регионального строительного рынка. В отличие от стандартных подходов, где удорожание задаётся исключительно официальными индексами, в модель введён циклический компонент – разрыв между текущей и трендовой строительной активностью. Это позволяет улавливать эффекты перегрева (дефицит кадров, ускоренный рост цен материалов) и охлаждения (риски задержек финансирования и поставок), которые официальные индексы сглаживают или не отражают вовсе.

Дальнейшее развитие методики видится в трёх следующих направлениях: переход к панельной оценке по типам объектов (школы, поликлиники, ФОК) для уточнения γ по каждой группе; использование моделей с режимной сменой для автоматической подстройки параметров под фазу цикла; включение прямых прокси контрактной дисциплины (срывы сроков, претензионная работа) в состав риск-поправки R_t. Реализация этих шагов позволит повысить точность прогнозов и сделать модель полноценным элементом системы управления региональными инвестиционными программами.

Список литературы

1. Минстрой России. Приказ от 30.12.2021 № 1046/пр «Об утверждении сметных нормативов» (ред. от 27.12.2022, с изм. от 19.05.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop_norm_update_01022025/gesnm_81-03-07-2022_smetnye_normy_na_montazh_oborudovaniya/0/prikaz_minstroya_rossii_ot_30_12_2021_N_1046_pr_red_ot_27_12.html (дата обращения: 24.12.2025).

2. Минстрой России. Приказ от 26.10.2022 № 904/пр «Об утверждении Методики определения сметных цен на материалы, изделия, конструкции и оборудование» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220008 (дата обращения: 24.12.2025).

3. Минстрой России. Приказ от 10.06.2025 № 349/пр «О внесении изменений в Методику расчета индексов изменения сметной стоимости строительства, утвержденную приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 5 июня 2019 г. № 326/пр» // Официальный интернет‑портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509300013 (дата обращения: 24.12.2025).

4. Госэкспертиза Республики Татарстан. Госэкспертиза РТ приступила к загрузке информации во ФГИС ЦС на IV квартал 2024 года (новость от 15.07.2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://gosekspertiza-rt.ru/press-center/news/gosekspertiza-rt-pristupila-k-zagruzke-informatsii-vo-fgis-tss-na-iv-kvartal-2024-goda/ (дата обращения: 24.12.2025).

5. Банк России. Что происходило в экономике Татарстана в конце 2024 – начале 2025 года (новость от 01.04.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/press/regevent/?id=56217 (дата обращения: 24.12.2025).

6. Банк России. Региональная экономика: комментарии ГУ Банка России. – № 40. – Декабрь 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59476/1225.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

7. Министерство экономики Республики Татарстан. Об итогах деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2024 год. – Ка-

зань, 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://mert.tatarstan.ru/file/mert/File/%D0%9E%D0%B1%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A0%D0%A2%20%D0%B7%D0%B0%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%282%29.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

8. Счетная палата Республики Татарстан. Отчет о результатах контрольного мероприятия в отношении ГАУ «Управление государственной экспертизы и ценообразования Республики Татарстан по строительству и архитектуре» (2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://sprt.tatar/files/Otchet_UGEC_2024.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

9. Моделирование стоимости строительства жилья на примере Республики Татарстан // Мир науки. Экономика и управление. – 2022. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: https://esj.today/PDF/46ECVN222.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

10. Банк России. Оценка бюджетного импульса и его неоднородное влияние на экономическую активность в регионах России: рабочий доклад. – 2023. – № 118 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/154817/wp_118.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

11. Добролежа Е.В. Ресурсное обеспечение территорий в разных фазах экономического цикла: связь тенденций глобализации и регионализации // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2009. – № 6 (32). – С. 45-51.

References

1. Ministry of Construction of Russia. Order No. 1046/pr of December 30, 2021 "On Approval of Estimated Standards" (as amended on December 27, 2022, with amendments of May 19, 2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://meganorm.ru/mega_doc/dop_norm_update_01022025/gesnm_81-03-07-2022_smetnye_normy_na_montazh_oborudovaniya/0/prikaz_minstroya_rossii_ot_30_12_2021_N_1046_pr_red_ot_27_12.html (Accessed: 24.12.2025).

2. Ministry of Construction of Russia. Order No. 904/pr of October 26, 2022 "On Approval of the Methodology for Determining Estimated Prices for Materials, Products, Structures and Equipment" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – Access mode: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220008 (Accessed: 24.12.2025).

3. Ministry of Construction of Russia. Order No. 349/pr of June 10, 2025 "On Amendments to the Methodology for Calculating Indices of Changes in the Estimated Cost of Construction, Approved by Order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation No. 326/pr of June 5, 2019" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – Access mode: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509300013 (accessed: 24.12.2025).

4. State Expertise of the Republic of Tatarstan. State Expertise of the Republic of Tatarstan started uploading information to the Federal State Information System for Pricing in Construction for the fourth quarter of 2024 (news of 15.07.2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://gosekspertiza-rt.ru/press-center/news/gosekspertiza-rt-pristupila-k-zagruzke-informatsii-vo-fgis-tss-na-iv-kvartal-2024-goda/ (Accessed: 24.12.2025).

5. Bank of Russia. What was happening in the economy of Tatarstan in late 2024 – early 2025 (news of 01.04.2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.cbr.ru/press/regevent/?id=56217 (Accessed: 24.12.2025).

6. Bank of Russia. Regional economy: comments of the Bank of Russia Main Directorate. – No. 40. – December 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59476/1225.pdf (Accessed: 24.12.2025).

7. Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan. On the results of the activities of the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan for 2024. – Kazan, 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://mert.tatarstan.ru/file/mert/File/%D0%9E%D0%B1%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A0%D0%A2%20%D0%B7%D0%B0%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%282%29.pdf (Accessed: 24.12.2025).

8. Accounts Chamber of the Republic of Tatarstan. Report on the results of the control measure in respect of the State Institution "Department of State Expertise and Pricing in Construction and Architecture of the Republic of Tatarstan" (2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://sprt.tatar/files/Otchet_UGEC_2024.pdf (Accessed: 24.12.2025).

9. Modelling the cost of housing construction on the example of the Republic of Tatarstan // World of Science. Economics and Management. – 2022. – No. 2 [Electronic resource]. – Access mode: https://esj.today/PDF/46ECVN222.pdf (accessed: 24.12.2025).

10. Bank of Russia. Assessment of the fiscal impulse and its heterogeneous impact on economic activity in Russian regions: working paper. – 2023. – No. 118 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.cbr.ru/statichtml/file/154817/wp_118.pdf (Accessed: 24.12.2025).

11. Dobrolezha E.V. Resource provision of territories in different phases of the economic cycle: the relationship between globalization and regionalization trends // Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. – 2009. – No. 6 (32). – Pp. 45-51.

Об авторах:

Добролежа Елена Валерьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры банковского дела ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Бирюков Владислав Сергеевич, аспирант Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (г. Казань, ул. Н. Ершова, 58).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Добролежа Е.В., Бирюков В.С.

About the Authors:

Elena V Dobrolezha, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Banking of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Vladislav S Biryukov, Postgraduate student at the Kazan Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation (Kazan, 58 N. Yershova St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 06.07.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 E. Dobrolezha, V. Biryukov

УДК 336.76:338.45 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.76.67.008

Механизмы и пути влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие китайской промышленности

Ли Вэйвэй[1], Матегорин В.В.[1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

306172000@qq.com

Аннотация

Введение. В условиях ориентации Китая на высококачественное развитие обрабатывающая промышленность как ядро национальной экономики сталкивается с задачами перехода от экстенсивного роста к инновационному и зелёному развитию. Зелёное финансирование как инновационный финансовый инструментарий играет решающую роль в обеспечении финансирования и снижении рисков для трансформации промышленности, являясь важным драйвером её устойчивого прогресса. Новизна исследования заключается в комплексном выявлении четырёх ключевых механизмов влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие промышленности и эмпирическом подтверждении их эффективности на основе данных 2021–2025 гг. с углублённым анализом региональной неоднородности и разработкой количественно обоснованных оптимизационных путей.

Материалы и методы. Исследование базируется на теориях устойчивого развития, внешних эффектов и оптимизации промышленной структуры. В работе использованы методы литературного обзора, качественного анализа механизмов и количественного анализа статистических данных за 2021–2025 гг., включая индикаторы зелёного финансирования (кредиты, облигации, фонды) и высококачественного развития обрабатывающей промышленности (инновации, энергоэффективность, структура отрасли) в Китае, полученных из статистических ежегодников, баз данных Народного банка Китая и WIND. Проведён сравнительный региональный анализ по трём макрорегионам (восток, центр, запад).

Результаты. Исследование выявило четыре механизма влияния: направление капитала (к 2025 г. объём зелёных кредитов в промышленности превысил 10,5 трлн юаней, более 65% направлено на проекты интеграции цифровых и экологических технологий); инновации в зелёных технологиях (среднегодовой темп роста заявок на зелёные патенты в промышленности достиг 28,3%); модернизацию промышленной структуры (доля высокотехнологичной промышленности достигла 18,7%); снижение рисков (доходы от страхования экологической ответственности превысили 12 млрд юаней). Выявлена существенная региональная неоднородность: индекс зелёного финансирования в восточных провинциях в 2,3–3,5 раза выше, чем в западных регионах. Объём дефицита финансирования зелёной трансформации промышленности превышает 3 трлн юаней.

Обсуждение и заключения. На основе аналитических данных разработаны количественно обоснованные оптимизационные пути: создание национальной платформы обмена зелёной информацией с полным охватом крупных предприятий к 2026 г.; увеличение объёма углеродного финансирования до 500 млрд юаней; формирование регионального фонда зелёного финансирования объёмом 500 млрд юаней для поддержки центральных и западных регионов; обеспечение доли межрегиональных зелёных кредитов на уровне 15% к 2026 г. Рекомендации могут служить ориентиром для прави-

тельства и финансовых организаций при формировании политики поддержки высококачественного развития обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: зелёные финансы, обрабатывающая промышленность, высококачественное развитие, механизмы и пути, региональная неоднородность, трансформация отрасли.

Для цитирования. Ли Вэйвэй, Матегорин В.В. Механизмы и пути влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие китайской промышленности. *Учет и статистика*. 2026;3(23):86-98. doi: 10.54220/1994-0874.2026.76.67.008.

JEL: G21, L60, Q56 Research article

Mechanisms and Paths of Green Finance's Impact on High-Quality Development of China's Manufacturing Industry

Li Weiwei[1], Mategorin V.V.[1]
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

306172000@qq.com

Abstract

Introduction. Amid China's economic transformation towards high-quality development, the manufacturing industry, as the core of the national economy, faces the challenge of transitioning from extensive growth to innovative and green development. Green financing, as an innovative financial instrument, plays a decisive role in providing funding and mitigating risks for industrial transformation, acting as a key driver of its sustainable progress. The novelty of this study lies in comprehensively identifying four key mechanisms through which green financing influences the high-quality development of industry, empirically confirming their effectiveness based on data from 2021–2025, and providing an in-depth analysis of regional heterogeneity, along with the formulation of quantitatively substantiated optimization pathways.

Materials and Methods. The research is based on theories of sustainable development, externalities, and industrial structure optimization. The study employs methods of literature review, qualitative mechanism analysis, and quantitative analysis of statistical data for 2021–2025, including indicators of green financing development (loans, bonds, funds) and high-quality manufacturing development (innovation, energy efficiency, industrial structure) in China, sourced from statistical yearbooks, databases of the People's Bank of China, and WIND. A comparative regional analysis was conducted across three macro-regions (East, Central, West).

Results. The study identified four mechanisms of influence: the capital direction mechanism (by 2025, the volume of green loans in the industry exceeded 10.5 trillion yuan, with over 65% directed towards projects integrating digital and environmental technologies); the green technology innovation mechanism (the average annual growth rate of green patent applications in the industry reached 28.3%); the industrial structure upgrading mechanism (the share of high-tech industry reached 18.7%); and the risk mitigation mechanism (revenues from environmental liability insurance exceeded 12 billion yuan). Significant regional heterogeneity was revealed: the green financing index in the eastern provinces is 2.3–3.5 times higher than in the western regions. The green transformation financing deficit in the industry exceeds 3 trillion yuan.

Discussion and Conclusions. Based on the analytical data, quantitatively substantiated optimization pathways have been developed: the creation of a national green information ex-

change platform with full coverage of large enterprises by 2026; an increase in the volume of carbon financing to 500 billion yuan; the formation of a regional green financing fund with a volume of 500 billion yuan to support the central and western regions; and ensuring the share of interregional green loans reaches 15% by 2026. The recommendations can serve as a guide for the government and financial organizations when formulating policies to support the high-quality development of the manufacturing industry.

Keywords: green finance, manufacturing industry, high-quality development, mechanisms and pathways, regional heterogeneity, industrial transformation.

For citation. Li Weiwei, Mategorin V.V. Mechanisms and Paths of Green Finance's Impact on High-Quality Development of China's Manufacturing Industry. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):86-98. doi: 10.54220/1994-0874.2026.76.67.008.

Введение. Производственная сфера, являясь ключевым опорным элементом национальной экономики, лежит в основе создания государства и укрепления страны. Её высококачественное развитие играет ключевую роль в трансформации и модернизации экономики, а также в обеспечении устойчивого роста. С начала политики реформ и открытости китайская промышленность благодаря преимуществу низких затрат на производственные факторы достигла стремительного расширения масштабов: к 2025 году добавленная стоимость превысила 38,6 триллиона юаней, что составляет 26,9% от ВВП, и Китай продолжает занимать первое место в мире по объёмам производства. Однако в течение длительного времени отрасль развивалась по экстенсивной модели с высокими затратами, энергопотреблением и уровнем загрязнения. Доля импорта высокотехнологичных комплектующих, в том числе чипов и ключевых элементов, по-прежнему превышает 30%, а традиционные энергоёмкие отрасли занимают более 40% в добавленной стоимости промышленности, поэтому давление при переходе к экологически чистому развитию остаётся весьма значительным.

Зелёные финансы являются важнейшим связующим звеном между финансовой сферой и экологически чистым низкоуглеродным развитием. Они направляют финансовые ресурсы в экологические отрасли, а именно: охрану окружающей среды, энергосбережение и возобновляемые источники энергии, с помощью кредитов, облигаций, фондов и страхования, тем самым выступая ключевым фактором промышленной трансформации. К концу 2025 года объём зелёных кредитов достиг 37,8 трлн юаней, объём эмиссии зелёных облигаций составил 1,32 трлн юаней, а объём зелёных промышленных фондов превысил 2,8 трлн юаней. Эти показатели обеспечили устойчивую финансовую поддержку зелёной трансформации китайской промышленности.

Новизна данного исследования заключается в следующих аспектах. Во-первых, в отличие от предыдущих работ, фокусировавшихся на общем анализе взаимосвязи зелёного финансирования и промышленного развития, данное исследование впервые комплексно выявляет и систематизирует четыре ключевых механизма влияния: направление капитала, технологические инновации, модернизацию отраслевой структуры и снижение рисков. Во-вторых, на основе эмпирических данных за 2021–2025 гг. проведён количественный анализ эффективности каждого механизма с расчётом конкретных показателей. В-третьих, впервые выполнен углублённый сравнительный анализ региональной неоднородности влияния зелёного финансирования по трём макрорегионам (восток, центр, запад) с количественной оценкой различий. В-четвёртых, разработаны конкретные, количественно

обоснованные оптимизационные пути, включая создание национальной платформы данных по углеродному следу, целевые показатели по объёму углеродного финансирования и механизмы межрегионального перераспределения ресурсов.

Материалы и методы. Исследование базируется на трёх фундаментальных экономических теориях. Теория устойчивого развития подчёркивает необходимость синергии между экономическим ростом и охраной экологии: зелёные финансы направляют капитал в экологически чистые отрасли, ограничивают финансирование проектов с высоким уровнем загрязнения и способствуют переходу промышленности от экстенсивного к низкоуглеродному развитию [1]. Теория внешних эффектов обосновывает необходимость интернализации экологических издержек: загрязнение, вызываемое промышленностью, имеет отрицательный внешний эффект, а зелёные финансы учитывают экологические издержки за счёт дифференцированного ценообразования, устраняя искажения в распределении ресурсов [2]. Теория оптимизации промышленной структуры отмечает, что зелёные финансы поддерживают развитие высокотехнологичных и энергоэффективных отраслей, ускоряют вывод устаревших производственных мощностей из эксплуатации и способствуют переходу промышленности на более высокий технологический уровень.

В работе использованы актуальные статистические данные за 2021–2025 годы о состоянии развития зелёного финансирования и обрабатывающей промышленности в Китае. Основные показатели включают: остаток зелёных кредитов, объём выпуска зелёных облигаций, объём зелёных промышленных фондов, инвестиции в НИОКР в промышленном секторе, величину добавленной стоимости промышленности, долю высокотехнологичной промышленности, интенсивность энергопотребления, количество заявок на зелёные патенты и другие ключевые индикаторы. Данные собраны из открытых источников: Государственного статистического управления КНР, Народного банка Китая, базы данных WIND и соответствующих статистических ежегодников. Для анализа региональной неоднородности данные агрегированы по трём макрорегионам: восточный регион (11 провинций и городов центрального подчинения, включая Пекин, Шанхай, Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян), центральный регион (8 провинций, включая Хэнань, Хубэй, Хунань), западный регион (11 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, включая Сычуань, Чунцин, Шэньси, Синьцзян).

В процессе исследования реализован комплексный подход, сочетающий несколько методов научного анализа. На первом этапе проведён систематический обзор научной литературы, который позволил раскрыть сущность зелёного финансирования, существующие методы его оценки и влияние на экономическое развитие, определить ключевые направления и факторы высококачественного развития обрабатывающей промышленности, выявить пробелы в ранее проведённых исследованиях (недостаточную систематичность анализа механизмов взаимодействия, поверхностное изучение региональной неоднородности, слабое внимание к цифровым технологиям и углеродному рынку) [3].

На втором этапе проведён качественный анализ внутренних механизмов влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие обрабатывающей промышленности по четырём следующим основным направлениям: формирование потоков финансовых ресурсов, стимулирование технологических инноваций, модернизация промышленной структуры и снижение экономических рисков. На третьем этапе

выполнен количественный анализ статистических данных с их последующей систематизацией, обработкой и интерпретацией, включая расчёт среднегодовых темпов роста, сравнительный региональный анализ и оценку эффективности каждого механизма.

Результаты исследования. В результате теоретического и эмпирического анализа выявлены четыре ключевых механизма влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие обрабатывающей промышленности.

Механизм направления капитала. Зелёные финансы с помощью льготных кредитов и выпуска облигаций направляют средства из энергоёмких отраслей в сферу экологически чистого производства. К концу 2025 года объём зелёных кредитов в промышленности превысил 10,5 триллиона юаней, что составляет 27,8% от общего объёма зелёных кредитов. Более 65% из них направлено на проекты по интеграции цифровых и экологических технологий, что эффективно снижает финансовую нагрузку на переход предприятий к новой модели развития. Дифференцированное ценообразование позволяет предоставлять льготные ставки (на 0,8–1,5 процентных пункта ниже рыночных) для проектов с подтверждённым экологическим эффектом.

Механизм инноваций в зелёных технологиях. Зелёные финансы обеспечивают долгосрочное финансирование разработки низкоуглеродных технологий и создания цифровых систем управления углеродным следом, одновременно стимулируя инновации на предприятиях с высоким уровнем загрязнения через механизмы условного кредитования [4]. В период с 2021 по 2025 год среднегодовой темп роста заявок на зелёные патенты в промышленности достиг 28,3%, а общее количество выданных патентов девятый год подряд занимает первое место в мире. Инвестиции в НИОКР в промышленности к 2025 году достигли 2,9 трлн юаней, увеличившись на 52,6% по сравнению с 2020 годом. Технологические инновации стали ключевым связующим звеном между зелёным финансированием и промышленным развитием.

Механизм модернизации промышленной структуры. Со стороны предложения зелёное финансирование поддерживает развитие высокотехнологичного производства: к 2025 году доля добавленной стоимости высокотехнологичной промышленности в промышленности с учётом крупных предприятий достигла 18,7%, что на 5,2 процентных пункта выше показателя 2020 года. Со стороны спроса зелёное финансирование стимулирует экологически чистое потребление через дифференцированные кредитные ставки для покупателей зелёной продукции, что вынуждает компании корректировать структуру продукции и способствует переходу производства на высокий уровень цепочки создания стоимости. Доля зелёной продукции в общем объёме промышленного производства увеличилась с 12,3% в 2021 году до 18,7% в 2025 году.

Механизм снижения рисков. К 2025 году доходы от страховых премий по страхованию ответственности за загрязнение окружающей среды превысили 12 миллиардов юаней, что обеспечило предприятиям надёжную защиту от соответствующих рисков. Инструменты углеродного финансирования (кредиты под залог квот на выбросы углерода, операции обратного РЕПО с углеродными квотами) стимулируют активное использование углеродных активов, а система оценки ESG эффективно выявляет случаи зелёного отмывания (greenwashing), повышая тем самым безопасность распределения капитала. Уровень просроченной задолженности по зелёным кредитам составляет 0,39%, что значительно ниже среднего уровня по всем кредитам (1,74%).

Современное состояние и динамика развития зелёного финансирования в Китае. Китайский рынок зелёного финансирования продолжает динамично расширяться, формируя модель, в центре которой находятся зелёные кредиты при синергетическом развитии других финансовых инструментов [5]. В период 2021–2025 годов среднегодовой темп прироста остатка зелёных кредитов шести крупнейших государственных банков превысил 26,8%, а за пять лет объём эмиссии зелёных облигаций увеличился более чем вдвое (с 0,45 трлн юаней в 2021 году до 1,32 трлн юаней в 2025 году). Политическая система становится всё более совершенной, сформировав многоплановую структуру «национальный уровень + региональные пилотные проекты». Годовой объём торгов национального углеродного рынка превысил 500 миллионов тонн, а средняя цена углеродных квот выросла с 45 юаней за тонну в 2021 году до 82 юаней за тонну в 2025 году.

При этом сохраняется выраженная региональная неравномерность развития (табл. 1). К 2025 году индекс зелёного финансирования (рассчитанный по пяти ключевым показателям: объёму зелёных кредитов на душу населения, объёму эмиссии зелёных облигаций на душу населения, доле зелёных кредитов в общем объёме кредитов, количеству зелёных финансовых учреждений, охвату зелёным страхованием) в восточных провинциях и городах (Шанхай, Пекин, Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян) значительно выше, а именно в 2,3–3,5 раза, чем в западных регионах (Внутренняя Монголия, Синьцзян, Ганьсу, Нинся, Цинхай). Это неравномерное распределение финансовых ресурсов создаёт финансовые барьеры для промышленной трансформации центральных и западных регионов [6].

Таблица 1 – Региональная дифференциация индекса зелёного финансирования в 2025 году /
Table 1 – Regional differentiation of the green finance index in 2025

Регион / Region	**Индекс зелёного финансирования / Green finance index**	**Доля в общем объёме зелёных кредитов, % / Share in total green loans, %**	**Зелёные кредиты на душу населения, тыс. юаней / Green loans per capita, thousand yuan**
Восточный регион	0,78–0,92	58,6	18,5
Центральный регион	0,34–0,45	23,4	8,2
Западный регион	0,22–0,31	18,0	5,6

Источник: рассчитана авторами на основе данных Народного банка Китая и WIND Database.

Современное состояние высококачественного развития промышленности. Промышленность Китая добилась заметных успехов в сфере высококачественного развития [7]. Объём инвестиций в НИОКР достиг к 2025 году 2,9 триллиона юаней, а количество выдаваемых патентов уже девятый год подряд занимает первое место в мире. Зелёная трансформация промышленности осуществляется стабильно: энергопотребление на единицу добавленной стоимости снизилось на 16,2% по сравнению с 2020 годом, а выбросы CO_2 на единицу добавленной стоимости сократились на 18,5%.

При этом остаются существенные проблемы. Сохраняется избыток произ-

водственных мощностей: уровень использования мощностей по продукции с низкой добавленной стоимостью не превышает 75%, что на 18 процентных пунктов ниже, чем по высокотехнологичной продукции. Остаётся недостаточным инновационный потенциал: доля инвестиций в фундаментальные исследования составляет всего 6,8% от общих инвестиций в НИОКР, что значительно ниже уровня развитых стран (15–20%). Региональное развитие неравномерно: индекс высококачественного развития промышленности в восточных регионах в 1,8 раза превышает показатель в центральных и западных регионах. Финансовый дефицит на зелёную трансформацию промышленности, по оценкам, превышает 3 триллиона юаней.

Проблемы и ограничения. Зелёные финансы сталкиваются с рядом трудностей при поддержке развития промышленности. Во-первых, недостаточная инновационность продуктов: основу зелёных финансовых продуктов составляют традиционные кредиты – более 65% от общего объёма; инструменты прямого финансирования (акционерное финансирование, промышленные фонды) развиваются медленно, а ассортимент углеродных финансовых продуктов остаётся ограниченным – их доля в общем объёме зелёного финансирования составляет всего 3,2%, что не позволяет в полной мере активизировать углеродные активы.

Во-вторых, отставание системы управления рисками: у финансовых учреждений отсутствуют зрелые инструменты количественной оценки климатических рисков и углеродных рисков; существует риск зелёного отмывания (greenwashing) – до 12% проектов, заявленных как зелёные, не соответствуют установленным критериям при выборочных проверках; охват государственных гарантий финансирования составляет менее 20%, что снижает готовность финансовых организаций к выдаче кредитов для средне- и долгосрочных проектов.

В-третьих, информационная асимметрия: единые стандарты расчёта углеродного следа ещё не установлены, только 42% крупных промышленных предприятий обязаны раскрывать экологическую информацию в соответствии с требованиями, а для средних и малых этот показатель не превышает 15%; межведомственный механизм обмена данными между финансовыми регуляторами, экологическими ведомствами и промышленными предприятиями остаётся недостаточно развитым.

Региональная неоднородность влияния зелёного финансирования. Проведённый анализ выявил существенную региональную неоднородность влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие промышленности (табл. 2). В восточных регионах благодаря прочной экономической базе, развитым финансовым ресурсам и активной государственной поддержке влияние зелёного финансирования на модернизацию промышленности наиболее значительно [8]. Эластичность добавленной стоимости высокотехнологичной промышленности по объёму зелёных кредитов составляет 0,32, что означает увеличение добавленной стоимости на 0,32% при росте зелёных кредитов на 1%.

В центральных и западных регионах из-за исторически сложившейся структуры промышленности (преобладание энергоёмких и сырьевых отраслей) и недостатка инфраструктуры для цифровой трансформации влияние зелёного финансирования существенно ниже [9]. Эластичность составляет 0,11 и 0,09 соответственно, что дополнительно усугубляет разрыв в промышленном развитии между регионами.

Таблица 2 – Региональная неоднородность влияния зелёного финансирования / Table 2 – Regional heterogeneity of the impact of green financing

Показатель / Indicator	**Восточный регион / Eastern region**	**Центральный регион / Central region**	**Западный регион / Western region**
Эластичность добавленной стоимости высокотехнологичной промышленности по объёму зелёных кредитов	0,32	0,11	0,09
Темп роста зелёных патентов (2021–2025), %	34,6	24,2	18,7
Доля зелёных кредитов в общем объёме кредитов региону, %	12,4	8,6	6,8

Источник: рассчитана автором на основе данных Народного банка Китая и Государственного статистического управления КНР.

Количественная эффективность механизмов. На основе проведённого анализа рассчитана количественная эффективность каждого из четырёх механизмов влияния (табл. 3). Наибольший вклад в высококачественное развитие промышленности вносит механизм направления капитала (39,2% объяснённой дисперсии), что отражает ключевую роль обеспечения финансирования на начальных этапах трансформации. Механизм технологических инноваций объясняет 28,6% дисперсии, подтверждая важность стимулирования R&D для долгосрочного устойчивого развития. Механизмы модернизации структуры и снижения рисков вносят соответственно 18,3% и 13,9% вклада.

Таблица 3 – Количественная эффективность механизмов влияния / Table 3 – Quantitative effectiveness of influence mechanisms

Механизм / Mechanism	**Вклад в объяснение дисперсии высококачественного развития, % / Contribution to explaining the variance of high-quality development, %**	**Ключевые показатели эффективности / Key performance indicators**
Направление капитала	39,2	Объём зелёных кредитов >10,5 трлн юаней (2025); доля проектов цифровой + экологической интеграции >65%
Технологические инновации	28,6	Среднегодовой темп роста зелёных патентов – 28,3%; инвестиции в НИОКР – 2,9 трлн юаней (2025)
Модернизация структуры	18,3	Доля высокотехнологичной промышленности – 18,7%; доля зелёной – продукции 18,7%
Снижение рисков	13,9	Уровень просрочки по зелёным кредитам – 0,39%; премии по экологическому страхованию >12 млрд юаней

Источник: результаты количественного анализа авторов.

Проведённое исследование подтверждает, что зелёные финансы оказывают значительное стимулирующее влияние на высококачественное развитие промышленности через четыре ключевых механизма: направление капитала, технологические инновации, модернизацию отраслевой структуры и снижение рисков. Полученные результаты согласуются с выводами предшествующих исследований, однако данная работа вносит важные дополнения. Во-первых, в отличие от исследований, фокусировавшихся на одном или двух механизмах, здесь комплексно выявлены и количественно оценены все четыре. Во-вторых, впервые проведён детальный количественный анализ региональной неоднородности влияния зелёного финансирования, показавший, что разрыв в эффективности между восточными и западными регионами достигает 3–4 раз.

Выявленная региональная неоднородность имеет важные теоретические и практические последствия [10]. Теоретически она подтверждает, что влияние зелёного финансирования опосредовано уровнем экономического развития, качеством институциональной среды и промышленной структурой. Практически это означает, что «единая» политика стимулирования зелёного финансирования не может быть одинаково эффективной для всех регионов – необходим дифференцированный подход.

Научная новизна данного исследования заключается в следующих аспектах.

Во-первых, комплексное выявление и систематизация четырёх механизмов влияния. В отличие от предыдущих работ, анализировавших отдельные аспекты, данное исследование впервые теоретически обосновывает и эмпирически подтверждает четыре ключевых механизма влияния зелёного финансирования на высококачественное развитие промышленности: направление капитала, технологические инновации, модернизацию отраслевой структуры и снижение рисков – с количественной оценкой вклада каждого из них [11].

Во-вторых, разработка индекса региональной неоднородности. На основе пяти ключевых показателей впервые рассчитан индекс зелёного финансирования для трёх макрорегионов Китая, количественно подтверждено наличие разрыва в 2,3–3,5 раза между восточными и западными регионами, рассчитана эластичность влияния зелёного финансирования на развитие высокотехнологичной промышленности для каждого региона [12].

В-третьих, количественная оценка эффективности механизмов. Впервые рассчитан вклад каждого механизма в объяснение дисперсии высококачественного развития промышленности: направление капитала – 39,2%, технологические инновации – 28,6%, модернизация структуры – 18,3%, снижение рисков – 13,9%.

В-четвертых, разработка конкретных оптимизационных путей с целевыми показателями. В отличие от общих рекомендаций данное исследование предлагает конкретные, количественно измеримые целевые показатели: объём углеродного финансирования – 500 млрд юаней; региональный фонд зелёного финансирования – 500 млрд юаней; доля межрегиональных зелёных кредитов – 15% к 2026 году; полное покрытие крупных предприятий единой платформой данных по углеродному следу к 2026 году.

На основе выявленных проблем и результатов количественного анализа предложены следующие оптимизационные пути.

Во-первых, совершенствование политической системы и механизмов координации. Рекомендуется разработать специальный закон о зелёном финансировании и включить 12 отраслей с высоким уровнем загрязнения в обязательный перечень страхования ответственности за загрязнение окружающей

среды. Создать единую национальную платформу обмена зелёной информацией в промышленности с полным охватом крупных предприятий к 2026 году и усилить межведомственную координацию данных между финансовыми регуляторами, экологическими ведомствами и промышленными предприятиями. Включить показатели зелёного финансирования в систему оценки деятельности финансовых учреждений и активизировать стимулирование с помощью финансовых субсидий по процентным ставкам (дифференциация в 0,5–1,0 процентного пункта) и налоговых льгот.

Во-вторых, инновации в финансовых продуктах и инструментах. Развивать зелёное акционерное финансирование, промышленные фонды и иные инструменты прямого финансирования, обеспечив к 2026 году объём углеродного финансирования свыше 500 миллиардов юаней. Вводить индивидуальные продукты, такие как кредиты на инновации в области зелёных технологий, с дифференцированным ценообразованием. Разработать страхование ответственности за разработку зелёных технологий и другие инновационные страховые продукты, создать национальный фонд компенсации рисков.

В-третьих, усиление технологического оснащения через цифровые платформы. Создать единую платформу данных по углеродному следу, обеспечив к 2026 году полное охватывание расчётов для всех крупных производственных предприятий и не менее 50% средних предприятий. С помощью больших данных и искусственного интеллекта разработать модель оценки экологически чистых проектов, повысив эффективность кредитного рассмотрения более чем на 50%. В период с 2025 по 2030 год инвестировать свыше 800 миллиардов юаней в поддержку инноваций в таких областях, как технологии CCUS (улавливание, использование и хранение углерода) и интеллектуальное энергосберегающее оборудование.

В-четвёртых, оптимизация регионального распределения ресурсов. Сформировать специальный региональный фонд зелёного финансирования объёмом 500 миллиардов юаней для усиления политической поддержки центральных и западных регионов. Для восточного региона создать демонстрационную зону инноваций в зелёном финансировании с целевым показателем ежегодного роста его объёма на 15–18%. Для центральных и западных регионов сформировать приоритетные зоны зелёной модернизации традиционного промышленного сектора с целевым показателем ежегодного роста зелёных кредитов на 20–25%. Создать механизм регионального взаимодействия, чтобы к 2026 году доля зелёных кредитов в межрегиональном кредитовании достигла 15%.

Обсуждение и заключения. Проведённое исследование подтвердило, что зелёное финансирование является эффективным инструментом стимулирования высококачественного развития обрабатывающей промышленности Китая. Четыре выявленных механизма, такие как направление капитала, технологические инновации, модернизация промышленной структуры и снижение рисков, действуют взаимосвязанно и усиливают друг друга, создавая синергетический эффект. К 2025 году объём зелёных кредитов в промышленности превысил 10,5 трлн юаней, доля высокотехнологичной промышленности достигла 18,7%, что подтверждает эффективность этих механизмов.

В то же время сохраняются серьёзные проблемы: региональная неравномерность развития (разрыв в 2,3–3,5 раза между восточными и западными регионами), недостаточная инновационность продуктов (доля углеродного финансирования – всего 3,2%), информационная асимметрия (единая плат-

форма данных отсутствует). Предложенные оптимизационные пути с конкретными целевыми показателями направлены на решение этих проблем.

В будущих исследованиях целесообразно расширить аналитический фокус, сосредоточив внимание на таких отраслях, как сталелитейная промышленность, автомобилестроение и электронная информация, чтобы глубже проанализировать дифференцированный эффект различных инструментов зелёного финансирования. Следует усилить изучение эффективности применения цифровых технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект и блокчейн, в сфере зелёного финансирования, а также выявить пути технологического усиления инноваций в этой области [13]. Кроме того, перспективным направлением является разработка динамической эконометрической модели для количественной оценки синергетического эффекта взаимодействия различных механизмов и учёта фактора времени в стимулирующем влиянии зелёного финансирования. На практическом уровне необходимо постоянно совершенствовать систему политики в области зелёного финансирования, укреплять взаимодействие между финансовыми учреждениями и предприятиями, способствовать глубокой интеграции зелёного финансирования с производственной сферой и заложить прочный фундамент для достижения целей двойного углерода и высококачественного экономического развития.

Список литературы

1. Мирошниченко О.С., Мостовая Н.А. «Зеленый» кредит как инструмент «зеленого» финансирования // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 2 (110). – С. 31-43.

2. Порфирьев Б.Н., Сигова М.В., Ключников И.К. и др. Зеленая экономика и зеленые финансы: учебное пособие. – СПб.: Международный банковский институт, 2018. – 327 с.

3. Ван Чуньлин, Ге Ян, Лу Чжичян. Исследование эффективности стимулирования трансформации и модернизации предприятий зелёным финансированием – анализ на основе данных производственных предприятий, котирующихся на бирже Китая // Финансовое обобщение. – 2020. – № 02. – С. 49-58.

4. Влияние цифровой трансформации на корпоративное зелёное управление в рамках целей углеродного пика и нейтральности: данные из Китая / Ц. Ван и др. // PLoS ONE. – 2024. – Т. 19. – № 6. – С. 21.

5. Гао Цзиньцзе, Чжан Вэйвэй. Исследование влияния зелёного финансирования на экологизацию промышленной структуры Китая – эмпирическая проверка на основе системной модели GMM // Экономическое обобщение. – 2021. – № 02. – С. 105-115.

6. Го Ч., Жуковская О.Ю. Влияние цифровой экономики Китая на трансформацию и модернизацию обрабатывающей промышленности // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 8 (145). – С. 147-154.

7. Хуан Шуньчун, Чжан Шуци. Обзор исследований системы индикаторов оценки высококачественного развития китайской обрабатывающей промышленности // Статистика и принятие решений. – 2021. – Т. 37. – № 2. – С. 5-9.

8. Ли Чуньмэй. Оценка качества развития китайской обрабатывающей промышленности и анализ факторов её влияния – эмпирика на основе панельных данных отраслей обрабатывающей промышленности // Экономические проблемы. – 2019. – № 08. – С. 44-53.

9. Зелёное финансирование и устойчивое развитие / Ли Сяоси и др. // Финансовый форум. – 2015. – Т. 20. – № 10. – С. 30-40.

10. Ли Сяосяо. Исследование эффекта влияния зелёного финансирования на экономический рост // Исследования по инновациям в промышленности. – 2023. – № 19. – С. 113-115.

11. Aizawa M., Yang C. Green credit, green stimulus, green revolution? China's mobilization of banks for environmental cleanup // The Journal of Environment & Development. – 2010. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 119-144.

12. Baiming J. The Digital Transformation: Unlocking New Dimensions in Manufacturing Efficiency // RUDN Journal of Economics. – 2024. – Vol. 32. – No. 2. – Pp. 235-250.

13. Muganyi T., Yan L., Sun H. Green finance, fintech and environmental protection: Evidence from China // Environmental Science and Ecotechnology. – 2021. – Vol. 7. – Pp. 100-107.

References

1. Miroshnichenko O.S., Mostovaya N.A. "Green" credit as a tool of "green" finance // Finance: Theory and Practice. – 2019. – Vol. 23. – No. 2 (110). – Pp. 31-43.

2. Porfiryev B.N., Sigova M.V., Klyuchnikov I.K. et al. Green Economy and Green Finance: Textbook. – St. Petersburg: International Banking Institute, 2018. – 327 p.

3. Wang C., Ge Y., Lu Z. Research on the effectiveness of green finance in promoting enterprise transformation and upgrading – analysis based on data of A-share listed manufacturing enterprises in China // Financial Review. – 2020. – No. 02. – Pp. 49-58.

4. The impact of digital transformation on corporate green governance under carbon peaking and neutrality goals: Evidence from China / C. Wang et al. // PLoS ONE. – 2024. – Vol. 19. – No. 6. – P. 21.

5. Gao J., Zhang W. Research on the impact of green finance on the ecologization of China's industrial structure – empirical test based on the system GMM model // Economic Review. – 2021. – No. 02. – Pp. 105-115.

6. Ge C., Zhukovskaya O.Y. The impact of China's digital economy on the transformation and upgrading of manufacturing industry // Economics and Entrepreneurship. – 2022. – No. 8 (145). – Pp. 147-154.

7. Huang S., Zhang S. A review of research on the evaluation index system for high-quality development of China's manufacturing industry // Statistics & Decision. – 2021. – Vol. 37. – No. 2. – Pp. 5-9.

8. Li C. Evaluation of the quality of China's manufacturing industry development and analysis of its influencing factors – empirical evidence based on panel data of manufacturing industries // Economic Problems. – 2019. – No. 08. – Pp. 44-53.

9. Green finance and sustainable development / X. Li et al. // Finance Forum. – 2015. – Vol. 20. – No. 10. – Pp. 30-40.

10. Li X. Research on the impact effect of green finance on economic growth // Industrial Innovation Research. – 2023. – No. 19. – Pp. 113-115.

11. Aizawa M., Yang C. Green credit, green stimulus, green revolution? China's mobilization of banks for environmental cleanup // The Journal of Environment & Development. – 2010. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 119-144.

12. Baiming J. The Digital Transformation: Unlocking New Dimensions in Manufacturing Efficiency // RUDN Journal of Economics. – 2024. – Vol. 32. – No. 2. – Pp. 235-250.

13. Muganyi T., Yan L., Sun H. Green finance, fintech and environmental protection: Evidence from China // Environmental Science and Ecotechnology. – 2021. – Vol. 7. – Pp. 100-107.

Об авторах:

Ли Вэйвэй, аспирант кафедры финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Матегорин Владимир Владимирович, аспирант кафедры финансов ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Статья поступила в редакцию 22.05.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Ли Вэйвэй, Матегорин В.В.

About the Authors:
Li Weiwei, postgraduate student at the Department of Finance of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Rostov State University of Economics (RINH)» (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Vladimir V Mategorin, postgraduate student at the Department of Finance of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Rostov State University of Economics (RINH)» (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 22.05.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 Li Weiwei, V. Mategorin

РАЗДЕЛ II. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И АУДИТА

УДК 657.47 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.80.82.009

Цифровая трансформация управленческого учёта проектных затрат: от регламента управленческой отчётности к BI-дашборду

Лабынцев Н.Т.[1], Комелев А.Д.[2]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
2 Консалтинговая компания «Консилиум», Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15А
erichkk94@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматривается переход от ручных форм управленческого учёта проектных затрат к автоматизированным цифровым платформам как методическая, а не только техническая задача. Показано, что метод освоенного объёма (EVM) применительно к проектно-ориентированным организациям должен интерпретироваться с учётом стадии жизненного цикла проекта – создания актива или его последующей операционной эксплуатации, поскольку именно от этого зависит состав показателей, подлежащих автоматизированному расчёту.

Материалы и методы. На основе анализа российских учётных платформ и методологии проектного управления рассмотрена логика перехода от ручных инструментов к цифровым. На примере внутреннего регламента еженедельной управленческой отчётности консалтинговой компании «Консилиум» показано преобразование ручного формата планфактного отчёта в техническое задание для цифрового дашборда. Систематизированы цифровые инструменты автоматизации учёта проектных затрат и пять уровней зрелости автоматизации.

Результаты исследования. На примере «Консилиума» удалось показать: цифровая трансформация управленческого учёта буксует не там, где нет подходящего программного продукта, а там, где не формализована сама отчётность. Автоматизировать можно лишь то, что уже живёт в регламенте: конкретный перечень показателей, фиксированную периодичность, закреплённые аналитические разрезы. Переработка такого регламента в техническое задание на BI-дашборд – это не изобретение нового, а перевод уже работающей практики в цифровую форму, что и делает подход практически реализуемым.

Обсуждение и заключения. Описанный подход рассчитан в первую очередь на проектно-ориентированные компании среднего масштаба, то есть те, у кого нет ни бюджета на разработку с нуля, ни ресурса на длительное внедрение ERP. Таким организациям важно опереться на уже сложившуюся отчётную практику, а не заменять её целиком. Дальнейшие исследования, на наш взгляд, стоит направить на отраслевую конкретизацию: нужны сценарии перехода между уровнями зрелости с реальными оценками затрат и сроков для каждого шага.

Ключевые слова: цифровая трансформация, управленческий учёт, учёт проектных затрат, метод освоенного объёма, BI-дашборд.

Для цитирования. Лабынцев Н.Т., Комелев А.Д. Цифровая трансформация управленческого учёта проектных затрат: от регламента управленческой отчётности к BI-дашборду. *Учёт и статистика.* 2026;3(23):99-107. doi: 10.54220/1994-0874.2026.80.82.009.

JEL: M41, M15 Research article

Digital Transformation of Management Accounting for Project Costs: from Management Reporting Regulations to BI Dashboard

Labyntsev N.T.[1], Komelev A.D.[2] ✉

1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

2 Consilium Consulting Company, Russian Federation, Rostov-on-Don, 15A 1st Cavalry Army St.

✉ erichkk94@gmail.com

Abstract

Introduction. Project cost accounting is routinely described as a technology problem. This paper argues it is not. The transition to digital platforms fails – or stalls at half-measures – not because of software limitations but because management reporting was never formalised to begin with. A further argument concerns EVM: applied to project-oriented organisations, the method only makes sense when differentiated by lifecycle stage, since asset creation and operational use call for entirely different indicator sets.

Materials and Methods. The study combines a review of Russian accounting platforms and EVM methodology with direct analysis of practice. The core empirical material is an internal weekly reporting procedure from Consilium Consulting Company. We trace, step by step, how a hand-filled plan-versus-actual KPI table was turned into a specification for a digital dashboard – without replacing the underlying reporting logic. Five automation maturity levels are proposed on the basis of this analysis.

Results. The key finding is straightforward: automation succeeds or fails based on reporting culture, not software choice. Only those reporting forms that already exist as a stable, repeatable procedure – with fixed indicators, defined breakdowns and a set reporting cycle – are actually automatable. The proposed technique of converting a reporting procedure into a dashboard specification, rather than scrapping it, cuts both the cost and the calendar time of going digital. In the Consilium case this meant skipping ERP implementation altogether and going straight to BI.

Discussion and Conclusions. The practical value of the approach lies in its accessibility. Mid-sized project-oriented firms rarely have the in-house capacity or budget for bespoke system development; this method lets them build on what already works rather than starting over. The obvious limitation is that we draw on a single company's experience, so generalisation requires caution. Future work should test these transition scenarios across industries and produce concrete cost and timeline benchmarks for each maturity step.

Keywords: digital transformation, management accounting, project cost accounting, earned value management, BI-dashboard.

For citation. Labyntsev N.T., Komelev A.D. Digital Transformation of Management Accounting for Project Costs: from Management Reporting Regulations to BI Dashboard. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):99-107. doi: 10.54220/1994-0874.2026.80.82.009.

Введение. Цифровая трансформация управленческого учёта чаще всего описывается как замена ручных инструментов – таблиц, бумажных журналов, разрозненных файлов – интегрированными информационными системами класса ERP (Enterprise Resource Planning), обеспечивающими сбор и обработку данных в режиме реального времени. При таком описании трансформация выглядит прежде всего как задача внедрения программного обеспечения. Практика, однако, показывает обратное: организации, формально обладающие современными ERP-системами, нередко продолжают вести управленческий учёт проектных затрат параллельно в Excel, а внедрённая система используется лишь для целей финансового и налогового учёта.

Материалы и методы. Причина данного противоречия носит методический характер. Прежде чем переносить управленческий учёт в цифровую систему, необходимо ответить на вопросы, не имеющие технического решения: что является объектом учёта (проект, этап, спринт)? какие показатели и в каком разрезе должны собираться регулярно? кто несёт ответственность за каждый показатель и какой формат отчётности эти показатели образуют? Если ответы на эти вопросы не формализованы до начала автоматизации, цифровая платформа лишь воспроизводит (и закрепляет) существующую неупорядоченность учёта, не решая исходной проблемы.

Результаты исследования. Цель статьи – показать, что основой цифровой трансформации управленческого учёта проектных затрат должен быть не выбор информационной системы, а формализация уже сложившихся в организации управленческих практик, в первую очередь регламента регулярной отчётности по показателям, с последующим их переносом в цифровую среду. Задачи статьи: рассмотреть логику перехода от ручных инструментов к цифровым платформам; систематизировать применяемые в российской практике инструменты автоматизации учёта проектных затрат; раскрыть метод освоенного объёма как методологическую основу автоматизированного контроля с учётом стадии жизненного цикла проекта; на примере внутреннего регламента отчётности показать процедуру преобразования ручного отчёта в техническое задание для цифрового дашборда; систематизировать типичные проблемы интеграции учётного и проектного контуров и уровни зрелости автоматизации.

От ручной отчётности к цифровым платформам: логика, а не последовательность инструментов. Описание эволюции инструментов управленческого учёта в проектной среде как простой смены технологий – от бумажных журналов через Excel к ERP и далее к BI (Business Intelligence) и предиктивной аналитике – само по себе верно, но малопродуктивно с методической точки зрения, поскольку не отвечает на вопрос о том, что именно подлежит переносу в цифровую среду и в каком порядке.

На начальном уровне информация о проекте существует только в головах ответственных и их личных записях; перенести это в систему попросту не из чего – единого формата нет. Чуть выше появляются регулярные отчёты в Excel, пусть и заполняемые вручную. Вот именно здесь, на этом уровне, и возникает то, без чего автоматизация невозможна, – устойчивый, повторяющийся формат. Иными словами, сформулировать техническое задание на автоматизацию способна лишь та организация, которая уже ведёт регулярную отчётность по единому составу показателей, и переносить в систему предстоит именно этот формат, а не идеальные представления о том, как всё должно работать.

Вахрушина М.А. характеризует переход к интегрированным информа-

ционным системам как качественный скачок, при котором учётная система перестаёт быть пассивным регистратором фактов и становится активным инструментом управления [1, с. 45]. Уточним это положение: данный скачок происходит не в момент внедрения системы, а во время формализации управленческой практики, которую предстоит автоматизировать.

Анализ актуальных тенденций развития управленческого учёта отечественных организаций, представленный в коллективной монографии под редакцией М.А. Вахрушиной, в том числе в разделах, подготовленных при участии Н.Т. Лабынцева, подтверждает устойчивое смещение управленческой отчётности в сторону цифровых платформ при сохранении ключевой роли методологической базы [10, с. 237-272]. Авторы монографии констатируют: эффективность цифрового перехода определяется не столько уровнем технологической оснащённости, сколько качеством концептуальной проработки учётных регламентов, предшествующей любой автоматизации.

Цифровые инструменты автоматизации учёта проектных затрат. В отечественной практике основу платформенных решений составляет линейка «1С». «1С:ERP Управление предприятием 2» охватывает финансовый и управленческий учёт, бюджетирование и управление закупками [2]; в части проектной аналитики штатный модуль позволяет разнести затраты по статьям, подразделениям и проектам, но без PM-расширения этим возможности, пожалуй, и исчерпываются. Расширение «1С:PM Управление проектами» закрывает этот пробел: появляется иерархия WBS, таймшиты, постатейное бюджетирование задач [3], и типовая ERP превращается в то, что можно назвать полноценной платформой учёта проектных затрат.

Отдельный вопрос – организации, где рабочее время первично учитывается не в ERP, а во внешних трекерах: Jira, YouTrack, Яндекс.Трекер. Данные о трудозатратах в учётную систему сами не попадут; их нужно либо передавать через промежуточный слой обмена данными, либо выгружать напрямую в формат, совместимый с тайм-шитами «1С:PM». Без этого шага расчёт EVM по трудозатратам остаётся ручным.

Самостоятельный класс – BI-платформы: Microsoft Power BI, «1С:Аналитика» и схожие решения. Их главное достоинство не в функциональности, а в архитектуре: BI-инструмент агрегирует данные из ERP, трекера и Excel-выгрузок в единый аналитический слой, не требуя интеграции систем на уровне баз данных. На практике это означает, что управленческий дашборд можно запустить уже сейчас, не дожидаясь, пока выстроится полная сквозная интеграция.

Метод освоенного объёма в проектно-ориентированных организациях. Конструкция EVM держится на трёх величинах. Плановый объём (PV) – это бюджетная стоимость работ, которые должны были завершиться к отчётной дате. Освоенный объём (EV) – бюджетная стоимость того, что реально выполнено. Фактические затраты (AC) – сколько на это в действительности потрачено [4]. Из этих трёх цифр считаются CPI (= EV/AC) и SPI (= EV/PV) – индексы выполнения по стоимости и расписанию, а также прогноз итоговой стоимости проекта EAC, пожалуй, главный показатель для руководителя на стадии реализации.

Содержательная трудность применения EVM в проектно-ориентированных организациях связана с тем, что показатели EVM рассчитываются относительно бюджета и графика самого проекта и ничего не говорят о том, окупится ли созданный результат после передачи в операционную эксплуатацию. Поскольку проект и доход от него разнесены во времени, задача управленческого учёта состоит в обеспечении раз-

дельного контроля: стоимости проекта – на стадии создания актива, эффективности операций – на стадии его эксплуатации.

Отсюда вытекает требование к автоматизированному контролю: показатели EVM (CPI, SPI, EAC) должны рассчитываться и контролироваться на стадиях создания актива и его «обкатки», то есть до точки передачи в операционный контур. После прохождения этой точки система автоматизированного контроля должна переключаться на операционные KPI (Key Performance Indicators): выручку, маржинальность, трудоёмкость единицы услуги.

Чтобы система считала EVM автоматически, нужны три вещи. Первое – утверждённый базовый бюджет проекта в разрезе WBS-элементов: без него не от чего считать PV. Второе – регулярный ввод фактических затрат: денежных через бухгалтерские проводки, временны́х через тайм-шиты. Третье – механизм фиксации готовности задач: именно он даёт EV. Когда всё это есть, ERP с PM-модулем пересчитывает CPI, SPI и EAC при каждом новом вводе данных без участия аналитика.

От регламента управленческой планёрки к техническому заданию для BI-дашборда. Рассмотрим, как описанный выше принцип формализации может быть реализован на практике, на примере внутреннего регламента консалтинговой компании «Консилиум», регулирующего проведение еженедельных планёрок руководителей подразделений с менеджерами. Регламент устанавливает, что по каждому из закреплённых за менеджером проектов еженедельно обсуждаются три KPI в трёх временны́х срезах: отклонение план/факт за неделю, накопительный итог с начала проекта и прогноз выполнения плана до конца квартала [9].

С точки зрения цифровой трансформации данный регламент интересен тем, что фактически представляет собой завершённое техническое задание на BI-дашборд, ещё не реализованное программно. Каждый из трёх временны́х срезов отчёта однозначно соответствует стандартному элементу дашборда: срез «план/факт» – гистограмме сравнения; накопительный итог – линейному графику динамики; прогноз – числовому виджету с цветовой индикацией статуса.

Преобразование регламента в техническое задание включает три шага. Первый – инвентаризация показателей: для каждого менеджера фиксируется перечень из трёх закреплённых KPI с указанием формулы расчёта, источника данных (учётная система, трекер задач, CRM – Customer Relationship Management) и периодичности обновления. Второй – описание бизнес-логики: документирование правил сопоставления плана и факта с учётом возможных переносов и изменений бюджета. Третий – макетирование дашборда: создание визуального макета, повторяющего структуру уже привычного менеджменту Excel-отчёта.

Практический эффект такого преобразования двойной. Во-первых, дашборд, построенный по структуре уже привычного менеджменту регламента, не требует обучения новому формату восприятия информации, ведь меняется только способ получения данных (автоматически вместо ручного сведения), а не их состав и структура. Во-вторых, процедура преобразования регламента в техническое задание выявляет скрытые пробелы в методологии учёта: показатели, формулы которых невозможно строго сформулировать, становятся очевидны именно тогда, когда требуется описать источник данных и логику расчёта для разработчика.

Типичные проблемы цифровой трансформации учёта проектных затрат. Первая проблема – несоответствие аналитической структуры учётной системы потребностям проектного управления: стандартный план счетов не предусматривает аналитики по проектам и этапам,

и при отсутствии обязательных дополнительных разрезов («Проект», «Задача WBS», «ЦФО» – центр финансовой ответственности) автоматическое формирование проектной отчётности невозможно; решение – заблаговременная настройка аналитических справочников и обязательный контроль их заполнения при вводе первичных документов.

Вторая проблема – разрыв между классификаторами планирования и учёта: если статьи затрат, используемые при бюджетировании в проектной системе, не совпадают со статьями, используемыми при вводе первичных документов в бухгалтерской системе, автоматическое сопоставление план/факт становится невозможным; решение – единый справочник статей затрат, обязательный как для плановых, так и для фактических данных.

Третья проблема – несвоевременность ввода данных о трудозатратах: задержка заполнения тайм-шитов на одну-две недели делает оперативную отчётность непригодной для управленческих решений; выход – интеграция мобильных инструментов первичного ввода и организационный регламент сроков заполнения.

Четвёртая проблема – отсутствие автоматического механизма распределения косвенных расходов на проекты: прямые затраты относятся на проекты непосредственно, тогда как косвенные (аренда, административный персонал, лицензии) без настроенного механизма распределения остаются вне проектной отчётности, занижая реальную стоимость проектов; решение – настройка баз и методов распределения в системе управленческого учёта с автоматическим разнесением при закрытии периода.

Систематизируя проблемы цифровой трансформации учётно-контрольных систем, Н.Т. Лабынцев подчёркивает, что формирование эффективной учётно-контрольной и аналитической среды в условиях цифровой экономики требует не только технической интеграции информационных систем, но и методологической согласованности всей системы управленческого учёта – от первичной документации до управленческой отчётности [11, с. 257-272]. Только при соблюдении данного условия цифровая платформа обеспечивает реальное повышение качества управленческих решений.

Уровни зрелости автоматизации учёта проектных затрат. Систематизация рассмотренных инструментов и проблем позволяет выделить пять уровней зрелости автоматизации учёта проектных затрат (табл. 1).

Обсуждение и заключения. Сопоставление уровня 1 с уровнем 0 показывает, что переход к более высокому уровню зрелости не всегда означает внедрение новой информационной системы: организация, в которой отчётность ведётся в Excel по жёсткому, неизменному регламенту (как в ранее приведенном примере), уже находится на уровне 1 и способна непосредственно перейти к разработке BI-дашборда без предварительного внедрения ERP. Это соображение принципиально: выбор BI-платформы в качестве первого шага цифровой трансформации нередко оказывается более эффективным, чем немедленное внедрение полноценной ERP-системы.

Из описанного выше следует совокупность методических требований к переходу на цифровую платформу управленческого учёта проектных затрат. Первое – формализация раньше автоматизации: до настройки системы должны быть определены объекты учёта (включая стадию «создание/эксплуатация актива»), состав ЦФО и формат регулярной отчётности; при наличии действующего регламента отчётности (даже Excel-формата) он используется как основа технического задания.

Таблица 1 – Уровни зрелости автоматизации учёта проектных затрат /
Table 1 – Maturity Levels of Project Cost Accounting Automation

Уровень / Level	**Инструмент / Tool**	**Характеристика учёта / Accounting characteristics**	**Управленческая отчётность / Management reporting**
0 – базовый	Excel, бумага	Ручной сбор без привязки к проектам	Нерегулярная, ретроспективная
1 – регламентированный	Excel по фиксированному регламенту	Факт собирается вручную, но по единому формату (план/факт, год к году, накопительный итог)	Еженедельная планёрка по KPI, формат устойчив
2 – интегрированный	1С:ERP без PM-модуля	Аналитика по проектам в плане счетов, факт – автоматически	Дашборд по статьям без WBS
3 – проектный	1С:ERP + 1С:PM	Учёт по WBS, тайм-шиты, план и факт в одной базе	EVM-показатели и операционные KPI в реальном времени
4 – предиктивный	ERP + BI + ML (Machine Learning)	Автосбор из смежных систем, прогноз EAC на основе истории	Упреждающий анализ рисков по портфелю проектов

Источник: составлена авторами.

Второе – единый справочник статей затрат, согласованный с планом счетов управленческого учёта и применяемый без исключений как при бюджетировании, так и при вводе первичных документов.

Третье – иерархия аналитических разрезов не менее трёх уровней (юридическое лицо → проект → задача / WBS-элемент) с возможностью отдельно выделять объекты, находящиеся на стадии создания актива, и объекты, переданные в операционную эксплуатацию.

Четвёртое – однократный ввод данных: каждая операция (заявка на оплату, тайм-шит) формирует соответствующую учётную запись автоматически, без последующей ручной сверки между системами.

Пятое – поэтапность внедрения: настройка аналитики по проектам и базовая отчётность (перенос уже сложившегося регламента в цифровую форму) → бюджетирование с WBS → тайм-шиты и автоматический расчёт EVM-показателей. Попытка внедрить всю функциональность одновременно, как правило, приводит к срыву сроков и частичному отказу от автоматизации.

Практическая значимость результатов состоит в возможности использования предложенного подхода, то есть преобразования действующего регламента отчётности в техническое задание для цифрового дашборда, при планировании автоматизации управленческого учёта в проектно-ориентированных организациях, в первую очередь среднего размера, не располагающих ресурсами для разработки автоматизации с нуля. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка типовых сценариев перехода между уровнями зрелости автоматизации с оценкой их стоимости и сроков реализации на материалах конкретных отраслей.

Список литературы

1. Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учёт: учебник. – 10-е изд. – М.: Национальное образование, 2021. – 672 с.

2. Завьялкин Д.В., Пальчиков И.Б., Гаврилова Е.В. 1С:Академия ERP. Управленческий учёт. – М.: 1С-Паблишинг, 2020. – 374 с.

3. 1С:PM Управление проектами. Модуль для 1С:ERP. Описание решения [Электронный ресурс]. – URL: https://solutions.1c.ru/catalog/erp-pm-modul (дата обращения: 01.03.2026).

4. Fleming Q.W., Koppelman J.M. Earned Value Project Management. – 4th ed. – Newtown Square: Project Management Institute, 2010. – 232 p.

5. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учёт: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – 448 с.

6. Гилева Д.В. Цифровизация в бухгалтерском учёте // Вестник университета. – 2022. – № 2. – С. 108-113. – DOI: 10.26425/1816-4277-2022-2-108-113.

7. Каверина О.Д. Управленческий учёт: системы, методы, процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 352 с.

8. Полковский Л.М. Бухгалтерский управленческий учёт: учебник для бакалавров. – 3-е изд., стер. – М.: Дашков и К°, 2022. – 254 с.

9. Тренды в развитии управленческого учёта и управленческой отчётности российских организаций: теория и практика: монография / колл. авторов; под ред. М.А. Вахрушиной. – М.: КНОРУС, 2026. – 440 с.

10. Учётно-контрольная и аналитическая среда для бизнеса: возможности и вызовы цифровой экономики: монография / кол. авторов; под ред. Н.Т. Лабынцева. – М.: РУСАЙНС, 2022. – Т. 1. – 274 с.

References

1. Vakhrushina M.A. Managerial Accounting: Textbook. – 10th ed. – M.: Natsional'noye obrazovaniye, 2021. – 672 p.

2. Zav'yalkin D.V., Pal'chikov I.B., Gavrilova E.V. 1C:ERP Academy. Management Accounting. – M.: 1S-Pablishing, 2020. – 374 p.

3. 1C:PM Project Management. Module for 1C:ERP. Solution description [Electronic resource]. – Access mode: https://solutions.1c.ru/catalog/erp-pm-modul (Accessed: 01.03.2026).

4. Fleming Q.W., Koppelman J.M. Earned Value Project Management. – 4th ed. – Newtown Square: Project Management Institute, 2010. – 232 p.

5. Ivashkevich V.B. Managerial Accounting: Textbook. – 3rd ed., rev. and enl. – M.: Magistr: INFRA-M, 2015. – 448 p.

6. Gileva D.V. Digitalization in accounting // University Bulletin. – 2022. – No. 2. – Pp. 108-113. – DOI: 10.26425/1816-4277-202-2-108-113.

7. Kaverina O.D. Management Accounting: Systems, Methods, Procedures. – M.: Finansy i statistika, 2021. – 352 p.

8. Polkovskiy L.M. Managerial Accounting: Textbook for Undergraduates. – 3rd ed., ster. – M.: Dashkov i Ko, 2022. – 254 p.

9. Trends in the Development of Management Accounting and Management Reporting of Russian Organizations: Theory and Practice: Monograph / collective of authors; ed. by M.A. Vakhrushina. – M.: KNORUS, 2026. – 440 p.

10. Accounting, Control and Analytical Environment for Business: Opportunities and Challenges of the Digital Economy: Monograph / collective of authors; ed. by N.T. Labyntsev. – M.: RUSAYNS, 2022. – Vol. 1. – 274 p.

Об авторах

Лабынцев Николай Тихонович, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник ВПО РФ, Почетный наставник Минобрнауки России, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и контроллинга ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Комелев Арсений Денисович, руководитель проектов консалтинговой компании «Консилиум» (г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15А).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Лабынцев Н.Т., Комелев А.Д.

About the Authors:
Nikolay T Labyntsev, Doctor of Economics, Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, Honorary Mentor of the Russian Ministry of Education and Science, Head of Accounting and controlling department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Arseny D Komelev, Project Manager, Consilium Consulting Company (Rostov-on-Don, 15A 1st Cavalry Army St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 29.06.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 N. Labyntsev, A. Komelev

УДК 338.2 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.50.51.010

Основные векторы структурной трансформации бухгалтерского учета ESG-показателей в условиях цифровых решений

Шароватова Е.А.[1] ✉, **Водолазкин А.А.**[1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

✉ esharovatova@mail.ru

Аннотация

Введение. Современная масштабируемость российского бизнеса и его инвестиционная привлекательность сегодня в немалой степени зависят от активного участия в выполнении ESG-повестки. Подтверждением активности в ее исполнении должна стать нефинансовая отчетность, что приводит к необходимости встраивания учета ESG-показателей в традиционную систему учета. Однако традиционная модель ретроспективного бухгалтерского учета оказывается недостаточной для отражения экологических, социальных и управленческих аспектов деятельности организации, нацеливая учет на активное участие в формировании экономической результативности ESG-программы. В условиях современных цифровых решений становится возможной соответствующая трансформация учета ESG-показателей. В силу объемности проведения такого преобразования на начальном этапе целесообразным становится выбор векторов развития современных методик учета показателей ESG-повестки и создание типовой структуры учетной политики в условиях цифровых ESG-решений, что стало объектом исследования в настоящей статье.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы классические общенаучные методы, такие как наблюдение, обобщение и дедукция, позволившие провести обзор целесообразности перехода традиционной модели бухгалтерского учета к проактивной управленчески ориентированной ESG-модели учета.

Результаты исследования. С целью минимизации методологического разрыва между традиционным бухгалтерским учетом и системным учетом ESG-показателей обосновано, что цифровые решения предоставляют техническую возможность формировать, верифицировать и интегрировать ESG-данные, устраняя противоречия между финансовой природой классического учета и нефинансовой природой ESG-учета. В этой связи выделены три основных вектора трансформации бухгалтерского учета, превращая его из пассивной системы фиксации свершившихся фактов в активный инструмент текущего управления ESG-программой. Также предложены составляющие типовой модели учетной политики, ориентированные на реализацию ESG-программы.

Обсуждение и заключения. Не преследуя цель исключить элементы традиционного бухгалтерского учета в отношении ESG-показателей, в статье обоснованы три ключевых вектора трансформации учета: первый предполагает структуризацию объектов учета, статей учета показателей, сопоставимых с целевыми задачами ESG-программы; второй подразумевает специфическое проявление элементов метода бухгалтерского учета, имманентно присущих цифровым бизнес-моделям; третий обусловлен прикладным посылом, когда учетно-контрольные процедуры целесообразно реализовать в условиях непрерывного формирования и интерпретации ESG-данных по центрам ответственности в режиме, близком к реальному. Предложен типовой подход к наполнению учетной политики типичными для ESG-организации элементами по трем

взаимосвязанным направлениям: экологической устойчивости (E), социальной ответственности (S) и корпоративному управлению (G), что составляет суть самой ESG-концепции.

Ключевые слова. ESG-концепция, бухгалтерский учет, трансформация учета, цифровые решения.

Для цитирования. Шароватова Е.А., Водолазкин А.А. Основные векторы структурной трансформации бухгалтерского учета ESG-показателей в условиях цифровых решений. *Учет и статистика.* 2026;3(23):108-122. doi: 10.54220/1994-0874.2026.50.51.010.

JEL: M41, M15 Research article

The Main Vectors of Structural Transformation of Accounting for ESG-Indicators in the Context of Digital Solutions

Sharovatova E.A. [1], Vodolazkin A.A.[1]
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

esharovatova@mail.ru

Abstract

Introduction. The current scalability of Russian businesses and their investment attractiveness today largely depend on active participation in the ESG-agenda. This commitment must be evidenced by non-financial reporting, necessitating the integration of ESG-indicators into traditional accounting systems. However, the traditional retrospective accounting model is insufficient to reflect the environmental, social, and governance aspects of an organization's activities, focusing accounting on active participation in shaping the economic performance of an ESG-program. In the context of modern digital solutions, a corresponding transformation of the accounting of ESG-indicators is becoming possible. Given the scale of such a transformation, it is advisable at the initial stage to select vectors for the development of modern methods for accounting for ESG-indicators and the creation of a standard accounting policy structure for digital ESG-solutions, which is the subject of this article.

Materials and Methods. The study utilized classical scientific methods such as observation, generalization, and deduction to provide an overview of the feasibility of transitioning from a traditional accounting model to a proactive, management-oriented ESG-accounting model.

Results. To minimize the methodological gap between traditional accounting and systematic ESG-accounting, it is demonstrated that digital solutions provide the technical capability to generate, verify, and integrate ESG-data, eliminating the contradictions between the financial nature of traditional accounting and the non-financial nature of ESG-accounting. In this regard, three main vectors of accounting transformation are identified, transforming it from a passive system for recording past events into an active tool for ongoing ESG-program management. Components of a standard accounting policy model aimed at implementing an ESG-program are also proposed.

Discussion and Conclusions. Without aiming to eliminate elements of traditional accounting in relation to ESG-indicators, the article substantiates three key vectors of accounting transformation: the first vector involves structuring accounting objects and accounting items for indicators comparable to the target objectives of the ESG-program; the second vector assumes a specific manifestation of accounting method elements inherent in digital business models; the third vector is driven by an applied premise, when accounting and control

procedures are appropriate to implement in the context of the continuous generation and interpretation of ESG-data by responsibility centers in a near-real-time mode. A standard approach to filling the Accounting Policy with elements typical for an ESG-organization is proposed in three interrelated areas: environmental sustainability (E), social responsibility (S), and corporate governance (G), which constitutes the essence of the ESG-concept itself.

Keywords: ESG-concept, accounting, accounting transformation, digital solutions.

For citation. Sharovatova E.A., Vodolazkin A.A. The Main Vectors of Structural Transformation of Accounting for ESG-Indicators in the Context of Digital Solutions. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):108-122. doi: 10.54220/1994-0874.2026.50.51.010.

Введение. Современная инфраструктура российской экономики, включающая ее законодательное обеспечение, технологическую поддержку, учетно-информационную среду, уровень компетенций внутреннего менеджмента и пр., устремлена сегодня к цифровым инфраструктурным механизмам. Подтверждением тому стало изменение структуры затрат в экономических сферах деятельности, когда наблюдается дематериализация их материальной составляющей и переход на издержки информационных, платформенных и сервисных систем. Физические процессы материальных производств опосредуются цифровыми решениями, которые в системе бухгалтерского учета становятся объектом притяжения затрат, подтверждая структурный сдвиг в пользу их нематериальных элементов. При этом доминирующими в ведущих отраслях экономики (машиностроении, приборостроении и станкостроении, энергетике) становятся расходы на программные продукты и их цифровые обновления, подписки на облачные платформы, доступы к цифровой информации профессиональных сообществ, затраты на интеграцию и сопровождение различных отраслевых информационных систем, замещая расходы на аренду и содержание складов, эксплуатацию транспорта и оплату труда линейного персонала. Кроме того, увеличиваются расходы на управление информационными системами, обработку больших массивов информации, затраты на обеспечение кибербезопасности и защиты персональных данных.

Такие расходы слабо вписываются в привычные схемы группировки затрат в системе учета и требуют разработки новых подходов к их учетной аналитике и распределению. Все это в совокупности меняет не только структуру затрат, но и их временной маркер, поскольку возрастает доля долгосрочных обязательств (подписки, сервисные договоры, проекты внедрения), которые обязывают учитывать и планировать издержки современных организаций на горизонте нескольких лет, а не только в рамках текущего операционного цикла.

Однако на фоне устремленности экономических субъектов к цифровым решениям возникают принципиально новые вызовы трансформации бухгалтерского учета в силу иных факторов, которые ранее не воспринимались как причина обновления информационных запросов внешних и внутренних экспертов по эффективности экономической деятельности субъектов. Речь идет о прикладном интересе организаций к ESG-повестке, которая сегодня стала визитной карточкой инвестиционно ориентированных компаний, проявляющих внимание к составляющим этой повестке: экологической устойчивости («E» – Environment), социальной ответственности («C» – Social), а также уровню корпоративного управления («G» – Governance).

Несмотря на то что современная ESG-концепция открывает новые экономические перспективы для бизнес-субъектов, ни со стороны законодательных органов, ни со стороны профессио-

нальных сообществ топ-менеджменту отраслевых компаний не предложены типовые рекомендации по расширению аналитичности учетного обеспечения, позволяющего учитывать, а в дальнейшем оценивать ресурсное обеспечение экологической устойчивости, социальной ответственности и уровень корпоративного управления. Наличие реального методологического разрыва между тремя сферами – традиционным бухгалтерским учётом, исторически ориентированным на учёт финансовых показателей, и нетрадиционным учётом нефинансовых или смешанных качественно-количественных и слабо формализованных ESG-показателей в условиях цифровых решений – приводит к тому, что цифровые решения, хотя и предоставляют IT-возможности для сбора и верификации ESG-данных, опережают учётную теорию и практику. В результате противоречие между финансовой природой классического учёта и нефинансовой природой ESG-концепции рождает интерес к пересмотру подходов к трансформации системного учёта ESG-показателей.

Подтверждением интереса к ESG-сфере стал тот факт, что в рамках научных и прикладных исследований на страницах отечественных изданий регулярно обсуждаются решения проблем, связанных с перестройкой бизнес-процессов компаний, устремленных к соблюдению ESG-повестки [1; 2; 3]; трудностей, обусловленных новым подходом к структуризации интегрированной ESG-отчетности [4; 5; 6]; обсуждению подлежат темы, позволяющие получить ответ на вопрос о способах оценки влияния ESG-факторов на экономическую эффективность компании [7; 8; 9; 10; 11] и пр. Однако в контексте бухгалтерского учета ESG-показатели зачастую не имеют однозначной денежной оценки, привычных счетов и бухгалтерских корреспонденций, требуя их фиксации в разрезе экологических, социальных и управленческих сфер деятельности, а также оценки организациями риска для их репутационного эффекта. По этим критериям существующая классическая система бухгалтерского учета не в полной мере приспособлена к формированию ESG-показателей на системной основе.

На этом фоне ESG-отчетность может восприниматься как параллельная бухгалтерской отчетности, что может привести к дублированию отчетных показателей и расхождению одних и тех же показателей в финансовой и нефинансовой отчетности. Но все же «наблюдающийся тренд формирования нефинансовой отчетности об устойчивом развитии предполагает переход от традиционной отчетности, отражающей основные показатели деятельности экономических субъектов, к продвинутой, ориентированной на стратегию развития экономического субъекта в перспективе» [12, с. 181]. В этой связи возникает необходимость минимизации ограничений классического бухгалтерского учета, который охватывает объекты учета, критерии признания и оценки показателей, документирование операций и формирование бухгалтерской отчетности. Поскольку существующая учетная система слабо приспособлена к отражению ESG как системного объекта бухгалтерского учета, возрастают требования со стороны инвесторов, банков, государственных органов к прозрачности и сопоставимости ESG-информации, что рождает исследовательский интерес к формированию интегрированной учетной модели, объединяющей финансовые и нефинансовые данные в едином цифровом контуре.

Материалы и методы. Исследование базируется на общенаучных методах познания, используемых в системе бухгалтерского учета и формирования отчетности. Информационной основой послужили труды отечественных ученых, практиков в области информа-

ционных ESG-технологий, а также ресурсы сети Интернет. Все это в совокупности позволило предложить точечные направления развития бухгалтерского учета ESG-показателей субъектов различных отраслей экономики, которые, однако, вызывают необходимость модернизации всей методологии учета ключевых показателей бизнеса, к которым, бесспорно, относятся и ESG-показатели. Тем не менее потребность в модернизации обусловлена не только этим, но и влиянием цифровых решений на измерители эффективности производственной деятельности, поскольку современные поточно-процессные технологии в передовых производственных компаниях ставят под сомнение классический подход к расчету себестоимости процессов в силу минимизации прямых переменных затрат на процессы, увеличения уровня косвенных сервисных затрат, управленческих расходов.

В свою очередь, это требует новых учетных методик расчета себестоимости незавершенного производства, готовой продукции и финансового результата компании в целом. Логичными становятся структурные изменения в статьях затрат, когда снижение прямых материальных и трудовых затрат сопровождается ростом обслуживающих расходов на IT-инфраструктуру, сервисных затрат на цифровые платформы и разработку новых программных продуктов. Такая трансформация требует модернизации постулатов учета, разработки новых методик учета прибылеобразующих показателей, а также инвестиционно значимых ESG-показателей для оценки эффективности цифровых решений. Учитывая объемность названных задач, первичным шагом может стать определение ключевых векторов трансформации учета в ESG-сфере и выбор типовых учетных элементов, которые важны при формировании учетной политики организации, ориентированной на выполнение ESG-программы.

Результаты исследования. Нынешняя цифровизация всей воспроизводственной деятельности ожидаемо повлияла на эффективность современного учета, что в рамках ESG-компаний позволяет в режиме реального времени собирать ESG-информацию. Этому способствует использование ERP-систем, IoT-датчиков, облачных сервисов, Big data, Al-аналитики, XBRL и цифровых форматов отчетности, которые оперативно и точно предоставляют данные о выбросах, энергопотреблении, логистике, персонале, цепочках поставок и др. Однако на фоне отсутствия единых принципов признания и агрегирования ESG-информации, наличия размытых границ между бухгалтерской, управленческой и нефинансовой отчетностью неясной остается дорожная карта встраивания учета ESG-показателей в настройки классического бухгалтерского учета, что позволило бы индивидуализировать эффективность ESG-метрик. В рамках этого можно предложить три основных вектора трансформации бухгалтерского учета, направленных на интеграцию с ESG-повесткой.

Первый вектор трансформации акцентирован на обновлении группы объектов учета, когда параллельно с объектами финансового учета, а это оборотные и внеоборотные активы, собственный и заемный капитал, системно используются объекты аналитического учета с характерными для них ESG-показателями. Примерами объектов могут стать отдельные экологические и социальные программы, проекты, мероприятия по минимизации отходов и вредных выбросов, группа индикаторов, объединенных в показатели KPI-эффективности персонала и пр. При этом объекты учета можно классифицировать по ряду учетных признаков, например по возможности денежной оценки, по верифицируемости, по источнику формирования информации, по степени влия-

ния на финансовые результаты, по периодичности учета и пр.

Не менее важен для учета набор аналитических ESG-статей затрат для каждой из трех ESG-сфер ответственности: экологической (затраты на обращение с отходами, на энергосбережение, на экологический мониторинг и др.), социальной (затраты на охрану труда, на социальные проекты, на обучение персонала и др.), управленческой (затраты на внутренний контроль, на антикоррупционные мероприятия, на кибербезопасность и др.). Вместе с тем трансформация объектов и показателей в ESG-сферу должна сопровождаться выбором нефинансовых метрик, которые в меньшей степени являются объектами классического бухгалтерского учета, но критически важны для оценки ESG-программ. Такие метрики также группируются в разрезе трех ESG-сфер: экологической (объем выбросов CO_2, количество экологических инцидентов, уровень переработки отходов и др.), социальной (индекс удовлетворенности персонала политикой мотивации, гендерная структура персонала, показатели травматизма и др.), управленческой (доля проверенных поставщиков по ESG-критериям, количество инцидентов, связанных с кибербезопасностью и др.).

Такой вектор обеспечит возможность сгруппировать ESG-показатели на те, которые участвуют в формировании бухгалтерских регистров и, соответственно, включаются в системно-взаимосвязанные с учетом формы отчетности, и те, которые являются внебалансовыми, но все же требуют отдельных управленческих отчетов и привлечения различных цифровых источников. Данный вектор дает возможность выделить объекты учета, подлежащие внешнему и внутреннему раскрытию информации. Все эти признаки в совокупности позволят выстроить цифровую архитектуру регулярного учетного обеспечения ESG-программы, а именно: выбор цифровых регистров ESG-событий, выбор класса программного обеспечения (CRM, ERP, HRM и др.), форматы выгрузки данных в отчетность, механизмы интеграции данных.

Второй вектор трансформации связан со специфическим проявлением элементов метода бухгалтерского учета, имманентно присущих цифровым бизнес-моделям. В цифровой экономике информация становится самостоятельным фактором производства, и расходы на её генерацию, валидацию и обогащение трансформируются и изменяются под влиянием цифровых решений, требуя более расширенного понимания приемов и способов ведения учета. Так, документация характеризуется уже не столько бумажными документами, сколько электронными данными и цифровым следом; оценка, кроме денежной, превращается в гибрид денежной, натуральной и индексной оценки; в условиях распространения поточно-процессных технологий калькулирование в большей степени озадачено расчетом себестоимости производственных, сервисных и управленческих бизнес-процессов; инвентаризация тяготеет к цифровому мониторингу ресурсов и обязательств; отчетность становится зависимой от запросов пользователей на интеграцию различных групп показателей; счета и двойная запись, оставаясь приверженными базовым принципам использования в учете, все же существенно расширяют свою аналитику. На наш взгляд, данный вектор трансформации учета может стать активным не только в отношении ESG-компаний, но и в отношении всех участников современной бизнес-среды, ориентированных на цифровые решения, а сами цифровые технологии становятся методологическим фундаментом учета, обеспечивая прозрачность и управляемость целевых показателей бизнеса.

Третий вектор трансформации бухгалтерского учета связан с особен-

ностями взаимосвязи учета с системой контроля, которая, кроме проверяемости ESG-данных должна, на наш взгляд, обеспечивать ответственность за их исполнение. Взаимосвязь учета и контроля ресурсов и решений в цифровой среде должна опираться на тот прикладной посыл, когда результаты бухгалтерского учета не только достоверны, что подтверждается аудитом, но и ориентированы на достижение максимального эффекта для экономического субъекта. Последнее в рамках традиционной учетной парадигмы не относится к числу обязательных функций учетно-контрольных процедур, однако цифровизация экономики объективно смещает акцент с ретроспективного отражения хозяйственных фактов на непрерывное формирование, обработку и интерпретацию данных по центрам ответственности в режиме, близком к реальному времени.

В этой связи, преодолевая «лоскутную» систему внутреннего контроля, можно на уровне программного продукта по учету распределять ESG-показатели по сегментам ответственности руководителей, что позволит объединить цифровые процедуры учета и контроля показателей в разрезе ЦФО для сверки бюджетных и фактических данных в единую систему внутреннего контроля. Появляется возможность реализовать принцип единого ввода ESG-показателей первично из системы бюджетирования в учетные регистры (как целевые показатели) и вторично – ввести в учет фактические данные, минимизируя поиск ответственных за финансовые риски в конкретном операционном цикле. В этом заключается один из приоритетных векторов трансформации бухгалтерского учета: переход от пассивного накопления исторической информации к активному участию в формировании экономической результативности ESG-показателей, содействуя повышению эффективности использования ресурсов, своевременной корректировке управленческих решений, что, безусловно, является залогом устойчивого развития экономических субъектов.

Остается добавить, что современные ERP-системы позволяют привязывать показатели не только к статьям бюджета, но и к конкретным центрам ответственности. Встроенные алгоритмы бюджетного контроля в ERP блокируют проведение транзакций, превышающих установленные лимиты, трансформируя контроль из последующего в предварительный. При этом в условиях процессно-ориентированного учета такой подход обеспечивает возможность использования ABC-метода, который в условиях цифровых технологий является наиболее эффективным с позиций взаимосвязи учета и контроля целевых затрат с ответственными за их уровень.

Таким образом, многовекторная трансформация бухгалтерского учета с целью создания интегрированной цифровой модели ESG-учета должна быть направлена на поиск решений: что учитывать, как измерять информацию, как оценивать объекты учета, каким образом выстраивать учетные регистры и отчетность, обеспечивая взаимосвязь ESG-метрик с финансовыми результатами и рисками организации. Объективность ESG-учета и доверие к интегрированной ESG-отчетности возможны лишь при условии полноты и объективности взаимосвязи такой отчетности с ESG-потоками информации, аналитичность которых позволяет получить уверенность в эффективности ESG-программы.

Подтверждением этого становится вывод профессионалов в сфере бухгалтерского учета на международных форумах. Так, на прошедшем Всемирном форуме бухгалтеров в Нью-Дели президент ICAEW Малкольм Баккус в своем программном выступлении обозначил масштаб вызовов, с которыми

сталкивается профессия. На форуме выделена ключевая проблема, связанная с тем, что «интеграция ESG-метрик в финансовую отчетность оказалась задачей не из легких. Если для финансовых показателей существуют отработанные веками механизмы сбора и обмена данными, то для нефинансовой информации таких систем пока нет… При этом многие виды воздействия компаний на планету просто не учитываются в их балансах… Бухгалтеры должны не только научиться собирать и представлять ESG-данные, но и обеспечить их достоверность» [13].

В результате «отсутствие единых стандартов, регулирующих вопросы подготовки нефинансовой отчетности, приводит к неоднородности подходов к формированию отчетных показателей, снижая их информативность, создавая сложности для сравнения данных разных компаний, что затрудняет оценку их деятельности с точки зрения устойчивого развития» [14]. В этой связи топ-менеджмент отраслевых компаний избирает индивидуальные корпоративные подходы к расширению своего учетно-аналитического ресурса, структурности форматов интегрированной отчетности, к выбору групп показателей для включения в отчетность, алгоритмов расчета показателей и др., создавая препятствия для того, чтобы потенциальные инвесторы делали выводы об эффективности компании, позиционирующей себя как участника ESG-повестки.

Именно по этой причине первичной становится повестка регламентации типовых подходов к формированию аналитической учетной информации, раскрывающей объекты и показатели аналитического учета в рамках ESG-повестки, их измерители, набор статей затрат и алгоритм расчета типовых показателей по каждому фактору ESG-программы, а также типовые форматы ESG-отчетности, которые характеризуют результаты выполнения программ экологической устойчивости субъекта, его социальной ответственности и эффективности корпоративного управления. Учитывая отраслевые и корпоративные особенности ESG-программ, разные интересы топ-менеджмента в части объемности раскрываемых показателей, все же целесообразной становится разработка типового (унифицированного) учетного обеспечения ESG-программы, которое может стать основой для формирования уже отраслевой учетной политики и учетно-аналитического обеспечения конкретного экономического субъекта. Как было обосновано ранее, в условиях усиления ESG-повестки и цифровых решений учет должен эволюционировать от информационно-регистрационной системы к проактивному учетно-аналитическому механизму, обеспечивающему управление устойчивым развитием. В этой связи в таблице 1 систематизированы основные типовые элементы учетной политики организации, ориентированной на выполнение ESG-программы, а также обозначена их эффективность в отражении экономической результативности учетной ESG-политики.

Представленный в таблице материал нацеливает на то, что в экологическом блоке учетная политика предполагает выделение утвержденных экологических проектов в качестве самостоятельных аналитических объектов учета затрат. Для каждого проекта должен устанавливаться индивидуальный учетный признак, позволяющий идентифицировать расходы и отслеживать их использование. Важным элементом является применение экологически ориентированных статей затрат, что обеспечивает обособление расходов, характерных именно для природоохранной деятельности. Дополнительную значимость приобретает учет затрат в разрезе ЦФО и МВЗ, поскольку это позволяет оценивать вклад конкретных управленческих сегментов в достижение

экологических целей. Итогом становится формирование управленческой отчетности по экологическим проектам с выделением существенных план-фактных отклонений, что обеспечивает прозрачность, наглядность и возможность своевременной корректировки принимаемых решений.

Таблица 1 – Элементы учетной политики организации, ориентированной на выполнение ESG-программы /
Table 1 – Elements of the accounting policy of an organization focused on implementing an ESG program

Разделы учетной политики / Sections of the accounting policy	**ESG-элементы учетной политики / ESG elements of accounting policy**	**Результативность ESG-учета / The effectiveness of ESG accounting**
Учетное обеспечение информации об экологической устойчивости («E» – Environment)	Использование утвержденных экологических проектов в качестве аналитических объектов учета затрат, устанавливая для каждого проекта индивидуальный учетный признак	Возможность оценки эффективности освоения средств в разрезе экологических проектов
	Использование экологически ориентированных статей затрат по каждому объекту экологической ответственности (проекту)	Возможность выделить те статьи затрат, которые характерны только для экологических проектов
	Ведение учета затрат по каждому экологическому проекту в разрезе ЦФО и по местам возникновения затрат (МВЗ)	Возможность оценить участие руководителя ЦФО (МВЗ) в достижении целей экологического проекта в рамках конкретного сегмента ответственности
	Формирование управленческой отчетности о результатах реализации экологических инициатив в разрезе проектов, ЦФО, МВЗ и статей с выделением существенных отклонений от целевых показателей	Наглядная демонстрация планфактных отклонений, существенно повлиявших на результат выполнения каждого проекта с их визуализацией по ЦФО, МВЗ, статьям проектов
Учетное обеспечение информации о социальной ответственности («C» – Social)	Использование утвержденных социальных программ в качестве аналитических объектов учета затрат, устанавливая для каждой программы индивидуальный учетный признак	Возможность оценки эффективности освоения средств в разрезе социальных программ
	Использование структуры затрат по каждой программе социальной ответственности	Возможность выделения тех статей затрат, которые характерны только для социально ориентированных программ
	Ведение учета затрат по каждой социальной программе в разрезе ЦФО и по местам возникновения затрат	Возможность оценить участие руководителя ЦФО (МВЗ) в достижении целей социальной программы в рамках конкретного сегмента ответственности
	Формирование управленческой отчетности о результатах выполнения эко-	Наглядная демонстрация планфактных отклонений, суще-

Разделы учетной политики / Sections of the accounting policy	ESG-элементы учетной политики / ESG elements of accounting policy	Результативность ESG-учета / The effectiveness of ESG accounting
	логических проектов в разрезе программ, ЦФО, МВЗ и статей с выделением существенных отклонений от целевых показателей	ственно повлиявших на результат выполнения каждой социальной программы с их визуализацией по ЦФО, МВЗ, статьям проектов
Учетное обеспечение информации об уровне корпоративного управления («G» – Governance)	Разработка индивидуально-ориентированной мотивационной политики для управленческого персонала компании и регулярный учет индивидуального вклада (или ответственных исполнителей) в достижение персональных показателей KPI-эффективности	Возможность выделять в учете вклад каждого руководителя ЦФО (МВЗ) в совокупную прибыль компании и оценить управленческий профессионализм кадров в достижении своих KPI-показателей
	Порядок расчета индивидуального вклада руководителей ЦФО (МВЗ), ответственных исполнителей в коллективные KPI-показатели	Возможность увеличить заинтересованность руководителей (ответственных исполнителей) в системном усилении своих компетенций
	Отражение в учете дополнительного мотивационного вознаграждения руководителям ЦФО (МВЗ), ответственным исполнителям в зависимости от достижения ими целевых KPI-показателей в соответствии с корпоративной политикой мотивации	Получение управленческим персоналом гарантий взаимосвязи индивидуального вклада в достижение своих KPI-показателей с установленной долей мотивационного вознаграждения
	Формирование управленческой отчетности о результатах достижения руководителями управленческих сегментов компании показателей KPI-эффективности с выделением существенных отклонений от целевых KPI-показателей	Наглядность эффективности работы персонала в управленческой отчетности усиливает корпоративную ответственность и снижает текучесть кадров
Общий раздел	Методология ESG-учета: формирование группы ESG-показателей как объектов системного учета; группировка показателей на количественно измеряемые, на показатели качественной оценки, ретроспективные и прогнозные, прямого и косвенного измерения; разграничение ESG-показателей между бухгалтерской, управленческой и нефинансовой отчетностью	Прозрачность методик получения ESG-показателей, эффективность оценки ESG-повестки на основе нефинансовой ESG-отчетности

Источник: разработана авторами.

Социальная составляющая ESG-повестки требует аналогичной логики построения учетной политики, но с ориентацией на программы социальной ответственности. Социальные программы также рассматриваются как отдельные аналитические объекты учета затрат, для которых закрепляются индивидуальные признаки и специальная структура затрат. Это позволяет выделять

расходы, свойственные исключительно социально ориентированным инициативам, а также анализировать эффективность освоения средств по каждой программе. Ведение учета по центрам финансовой ответственности и местам возникновения затрат обеспечивает контроль за реализацией социальных программ в рамках конкретных сегментов ответственности. Управленческая отчетность по социальным программам, основанная на сопоставлении плановых и фактических показателей, становится инструментом оценки результативности социальной политики организации и укрепляет ее репутационную устойчивость.

Особое место в концептуальном подходе занимает блок корпоративного управления, так как именно он связывает ESG-цели с системой мотивации и персональной ответственностью управленческого персонала. В учетной политике по этому направлению G-акцент делается на разработке индивидуально-ориентированной мотивационной политики, регулярном учете вклада руководителей и ответственных исполнителей в достижение KPI-показателей, а также на регламентации порядка расчета их индивидуального участия в коллективных результатах. Существенным элементом является отражение в учете дополнительного мотивационного вознаграждения, напрямую связанного с достижением целевых KPI-показателей. Такой подход обеспечивает прозрачность взаимосвязи между личным вкладом менеджмента и получаемым вознаграждением, усиливает заинтересованность персонала в достижении ESG-целей и способствует развитию управленческих компетенций. Формирование отчетности по KPI-показателям с выделением существенных отклонений повышает наглядность результатов работы, усиливает корпоративную ответственность и создает предпосылки для снижения текучести кадров.

Обсуждение и заключения. Таким образом, эволюционирование национальной экономики в историческом аспекте логически приводило к прогрессированию информационного сопровождения всей хозяйственной деятельности. Инициатива в этом направлении принадлежала двум участникам. С одной стороны, законодательные органы претендовали на открытость отчетной информации об эффективности хозяйствующего субъекта посредством стандартизации приемов и способов ведения учета таким образом, чтобы бухгалтерская отчетность позволяла законодателям контролировать полноту налоговых обязательств и своевременность их оплаты. С другой стороны, интеграция концепции стандартизации учета и отчетности в информационную сферу экономических субъектов минимизировала гибкость учетных возможностей, которые позволяли бы менеджменту обеспечивать управленческие запросы в ответ на риски внутренней и внешней среды. Такая гибкость особенно важна для оценки эффективности ESG-программ, на которые ориентируются сегодня российские компании и выполнение которых возможно подтвердить посредством аналитической системы учета ESG-показателей.

Однако сегодня в полной мере не типизированы учетные процедуры, которые объединяют ESG-метрики и цифровую инфраструктуру информационных источников в единую систему управления ESG-показателями. Это приводит к определенным проблемам, когда неясными остаются условия признания ESG-объектов в качестве объектов регулярного учета, непонятными остаются приемы оценки этих объектов и, наконец, проблематична целесообразность выделения в учете группы экологических и социальных обязательств и управленческих рисков. Все это накладывается на проблематику встраивания в микроэкономику цифрового

контроля, способного обеспечить аудит результатов ESG-программы и исключить риск манипулирования ESG-метриками. В результате, с одной стороны, цифровые решения, принимаемые на основе цифровых платформ, алгоритмов, цифровых следов, меняют контур сбора и управления цифровыми данными, с другой стороны, появляются новые требования со стороны крупных отраслевых (системообразующих, градообразующих) компаний к трансформации учета ESG-показателей, что создает предпосылки для модернизации парадигмы бухгалтерского учета, обновления его методологии, минимизации противоречий между финансовой сущностью учета и нефинансовой ESG-природой.

Глобальность современных требований к совершенствованию методологии бухгалтерского учета предполагает множественность задач, которые, в свою очередь, подразумевают создание дорожной карты такого совершенствования, в исполнении которой должны принять участие различные заинтересованные стороны: профессиональные сообщества, соответствующие департаменты законодательных органов, крупные бизнес-структуры, видные представители научных школ в сфере учета и российской экономики. В силу объемности научно-прикладных исследований и разработок в этом направлении, а также их дискуссионности в данной статье уделено внимание точечным обобщениям на пути трансформации бухгалтерского учета ESG-показателей: выделению основных векторов структурной трансформации учета, а также модели типовой учетной политики, ориентированной на реализацию ESG-программы.

Учетную политику ESG-организации предложено формировать по трем взаимосвязанным направлениям: экологической устойчивости (E), социальной ответственности (S) и корпоративному управлению (G), что составляет суть самой ESG-концепции. Представленные элементы учетной политики позволяют сделать вывод, что концептуальный подход к выбору учетно-аналитического обеспечения в условиях ESG-повестки должен базироваться на принципах аналитической обособленности ESG-объектов, адресной ответственности, управленческой прозрачности и интеграции учетных данных с системой внутренней отчетности. Это обеспечивает переход от формального декларирования ESG-принципов к их практической реализации в системе управления организацией. В такой проекции учетно-аналитическое обеспечение становится не только источником информации, но и действенным механизмом оценки эффективности экологических, социальных и управленческих инициатив. Все это позволит гарантировать решение ключевой задачи учетно-аналитического обеспечения, состоящей не только в накоплении информации, но и в создании условий для оценки результативности ESG-мероприятий, контроля отклонений и повышения управленческой ответственности. В целом исследование направлено на обоснование перехода от ретроспективной, пассивной функции учета к проактивной, управленчески ориентированной функции, интегрированной в цифровые решения.

Список литературы

1. Жукова Е.В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2021. – Т. 18. – № 6 (120). – С. 68-82 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/esiwvi. – DOI: 10.21686/2413-2829-2021-6-68-82.

2. Земляк С.В., Ноздрева И.Е., Сивакова С.Ю. ESG-стратегия как фактор устойчивости банковского бизнеса // Управленческий учет. – 2023. – № 12. – С. 89-94 [Электронный ресурс]. – URL:

https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/3980/2904.

3. Нога В.И., Данюкова М.Н. Повестка ESG и ее влияние на российский бизнес // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2023. – № 3. – С. 97-104. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.91.39.014.

4. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий санкционирующих российских компаний в условиях ограничений // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – № 2. – С.185-201 [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.fa.ru/art2022/bv2018.pdf.

5. Чепало А.С. ESG-стратегии как фактор развития малого и среднего бизнеса // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 987-1000. – DOI: 10.18334/lim.10.3.117898. – EDN: NXKVVZ.

6. Мишура Л.Г., Александрова В.С. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация общества – вызовы современности // Modern Economy Success. – 2022. –№ 4. – С. 93-96 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=tztzmf.

7. Белик И.С., Дуцинин А.С., Никулина Н.Л. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // Управленец. – 2022. – Т. 13. – № 6. – С. 44-55. – DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-6-4. – EDN: GMAUYD.

8. Батаева Б.С., Кокурина А.Д., Карпов Н.А. Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний // Управленец. – 2021. – Т. 12. – № 6. – С. 20-32. – DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-2.

9. Голева О.И., Агапов М.Я. Влияние ESG-факторов на финансовые показатели деятельности компаний (обзор российских и зарубежных исследований) // Финансы и кредит. – 2026. – № 3. – С. 76-99. – DOI: 10.24891/rhhlwo. – EDN: RHHLWO.

10. Ефимова О.В., Волков М.А., Королёва Д.А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 82-97. – DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-82-97. – EDN: VXDKKZ.

11. Влияние нефинансовой информации на основные показатели российских компаний / Е.А. Федорова и др. // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2020. – № 2 (46). – С. 73-96. – DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-4.

12. Корзоватых Ж.М. ESG-отчетность в повестке устойчивого развития // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 16. – № 12. – С. 179-185. – DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.16.022.

13. Бухгалтерский учет присматривается к ESG: будут ли меняться правила игры. – 2026. – 11 июня (MSK) // Платформа «ИНФРАГРИН» [Электронный ресурс]. – URL: https://infragreen.ru/bukhghaltierskii-uchiet-prismatrivaietsia-k-esg-budut-li-mieniatsia-pravila-ighry-2/.

14. Корзоватых Ж.М., Морозова Н.Г. Роль бухгалтерского учета в условиях формирования информационной среды при подготовке нефинансовой отчетности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 7 (501). – С. 78-88. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-501-7-78-88.

References

1. Zhukova E.V. The main trends in the development of the ESG agenda: an overview in Russia and in the world // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. – 2021. – Vol. 18. – No. 6 (120). – Pp. 68-82 [Electronic resource]. – Access mode: https://elibrary.ru/esiwvi. – DOI:10.21686/2413-2829-2021-6-68-82.

2. Zemlyak S.V., Nozdreva I.E., Sivakova S.Y. ESG strategy as a factor of

banking business stability // Managerial accounting. – 2023. – No. 12. – Pp. 89-94 [Electronic resource]. – Access mode: https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/3980/2904.

3. Noga V.I., Danyukova M.N. The ESG agenda and its impact on Russian business // Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH). – 2023. – No. 3. – Pp. 97-104. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.91.39.014.

4. Izmailova M.A. Implementation of ESG strategies of sanctioning Russian companies under constraints // MIR (Modernization. Innovation. Development). – 2022. – No. 2. – Pp. 185-201 [Electronic resource]. – Access mode: http://elib.fa.ru/art2022/bv2018.pdf.

5. Chepalo A.S. ESG strategies as a factor in the development of small and medium-sized businesses // Leadership and management. – 2023. – Vol. 10. – No. 3. – Pp. 987-1000. – DOI: 10.18334/lim.10.3.117898. – EDN: NXKVVZ.

6. Mishura L.G., Alexandrova V.S. The concept of sustainable development and ESG-transformation of society – challenges of our time // Modern Economy Success. – 2022. – No. 4. – Pp. 93-96 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=tztzmf.

7. Belik I.S., Dutsinin A.S., Nikulina N.L. The influence of ESG factors on the financial condition and investment attractiveness of Russian public companies // Manager. – 2022. – Vol. 13. – No. 6. – Pp. 44-55. – DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-6-4. – EDN: GMAUYD.

8. Bataeva B.S., Kokurina A.D., Karpov N.A. The impact of disclosure of ESG indicators on the financial results of Russian public companies // Manager. – 2021. – Vol. 12. – No. 6. – Pp. 20-32. – DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-2.

9. Goleva O.I., Agapov M.Ya. The influence of ESG factors on the financial performance of companies (review of Russian and foreign studies) // Finance and Credit. – 2026. – No. 3. – Pp. 76-99. – DOI: 10.24891/rhhlwo. – EDN: RHHLWO.

10. Efimova O.V., Volkov M.A., Koroleva D.A. Analysis of the influence of ESG principles on asset profitability: an empirical study // Finance: Theory and Practice. – 2021. – Vol. 25. – No. 4. – Pp. 82-97. – DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-82-97. – EDN: VXDKKZ.

11. The influence of non-financial information on the main indicators of Russian companies / E.A. Fedorova et al. // Journal of the New Economic Association. – 2020. – No. 2 (46). – Pp. 73-96. – DOI: 10.31737/2221- 2264-2020-46-2-4.

12. Korzovatykh J.M. ESG-reporting in the sustainable Development agenda // Economics and management: problems, solutions. – 2024. – No. 12. – Vol. 16. – Pp. 179-185. – DOI: 10.36871/ ek.up.p.r.2024.12.16.022.

13. Accounting is looking at ESG to see if the rules of the game will change. – 2026. – June 11 (MSK) // The INFRAGREEN platform [Electronic resource]. – Access mode: https://infragreen.ru/bukhghaltierskii-uchiet-prismatrivaietsia-k-esg-budut-li-mieniatsia-pravila-ighry-2/.

14. Korzovatykh Zh.M., Morozova N.G. The role of accounting in the formation of the information environment in the preparation of non-financial statements // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2025. – No. 7 (501). – Pp. 78-88. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-501-7-78-88.

Об авторах:

Шароватова Елена Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета и контроллинга ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Водолазкин Артем Александрович, соискатель кафедры бухгалтерского учета и контроллинга ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Статья поступила в редакцию 21.07.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Шароватова Е.А., Водолазкин А.А.

About the Authors:
Elena A Sharovatova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Accounting and controlling department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Artem A Vodolazkin, Postgraduate Student of Accounting and controlling department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.
The article was submitted on 21.07.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 E. Sharovatova, A. Vodolazkin

УДК 657.6 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.78.26.011

Особенности оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением прочих заданий, обеспечивающих уверенность

Евстафьева А.А.[1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Evstafyevaaa@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы обусловлена возрастанием роли предварительной оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением прочих заданий, обеспечивающих уверенность (далее – ПЗОУ), в условиях нестабильности, роста мошеннических схем, усиления внимания к качеству прочих заданий, обеспечивающих уверенность. Особая значимость данной темы определена следующим: при выполнении ПЗОУ предмет задания, критерии оценки и круг пользователей нередко отличаются большей вариативностью и меньшей нормативной определённостью по сравнению с аудитом бухгалтерской (финансовой) отчётности. Целью работы является выявление особенностей оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением ПЗОУ и разработка на этой основе основных элементов соответствующего внутреннего регламента.

Материалы и методы. Исследование основано на изучении российских нормативно-правовых актов, регулирующих проявление должной осмотрительности, идентификацию клиента в целях ПОД/ФТ и аудиторскую деятельность, а также Международных стандартов аудита (МСА), Международных стандартов заданий, обеспечивающих уверенность (МСЗОУ), Кодекса профессиональной этики аудиторов и Правил независимости аудиторов и аудиторских организаций. Информационную базу также составили труды российских и зарубежных авторов за 2019–2025 гг., посвящённые проверке контрагентов при проявлении должной осмотрительности, идентификации клиентов в целях ПОД/ФТ, риск-ориентированному подходу и оценке нового клиента в аудиторской практике. В работе использовались общенаучные методы анализа, сравнения, обобщения и систематизации, а также сравнительный анализ нормативных требований к оценке нового клиента.

Результаты исследования. В ходе исследования установлено, что аудиторская организация при оценке нового клиента перед выполнением ПЗОУ обладает особым статусом субъекта оценки, поскольку одновременно обязана соблюдать требования должной осмотрительности, законодательства о ПОД/ФТ и специальных норм, регулирующих аудиторскую деятельность. Выявлено, что процедура оценки нового клиента базируется на многоуровневой системе нормативного регулирования и должна быть интегрирована в систему управления качеством аудиторской организации. Обосновано, что при принятии клиента для выполнения ПЗОУ необходимо учитывать специфику самих заданий и расширенный перечень характеристик клиента, применять комплексный риск-ориентированный подход, обеспечить соблюдение фундаментальных принципов профессиональной этики и провести предварительную оценку возможностей самой аудиторской организации. На этой основе предложена единая система предварительной оценки нового клиента, включающая блоки первичной идентификации клиен-

та, оценки рисков ПОД/ФТ, анализа параметров планируемого ПЗОУ, оценки угроз независимости и этических рисков, определения ресурсных возможностей аудиторской организации и документирования результатов.

Обсуждение и заключения. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что оценка нового клиента перед выполнением ПЗОУ не может сводиться к формальной проверке благонадёжности контрагента или к отдельным процедурам идентификации в целях ПОД/ФТ. Для аудиторских организаций она должна рассматриваться как комплексная процедура, объединяющая правовые, этические, организационные и методические аспекты принятия клиента и обеспечивающая обоснованность профессионального суждения. Предложенный подход позволяет унифицировать действия сотрудников аудиторской организации на основе внутреннего регламента, что обеспечит прозрачность решений, снижение риска принятия экономически и профессионально необоснованных заданий, а также повысит качество ПЗОУ и доверие пользователей к их результатам.

Ключевые слова: прочие задания, обеспечивающие уверенность, риск-ориентированный подход, оценка нового клиента, должная осмотрительность.

Для цитирования. Евстафьева А.А. Особенности оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением прочих заданий, обеспечивающих уверенность. *Учет и статистика*. 2026;3(23):123-141. doi: 10.54220/1994-0874.2026.78.26.011.

JEL: M40 Research article

The Specifics of Evaluating a New Client by an Audit Organization before Performing Other Assurance Engagements

Evstafeva A.A.[1] ✉

1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

✉ Evstafyevaaa@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is due to the increasing role of the preliminary assessment of a new client by an audit organization before performing other assurance engagements (hereinafter referred to as the PSA), in conditions of instability, the growth of fraudulent schemes, and increased attention to the quality of other assurance engagements. The special significance of this topic is due to the following: when performing the PSA, the subject of the assignment, the evaluation criteria and the range of users are often more variable and less regulatory certainty compared to the audit of accounting (financial) statements. The purpose of the work is to identify the features of the assessment of a new client by an audit organization before performing the PSA and to develop on this basis the main elements of the relevant internal regulations.

Materials and Methods. The research is based on the study of Russian regulatory legal acts regulating due diligence, client identification for AML/CFT purposes and auditing activities, as well as the ISA, the IASB, the Code of Professional Ethics for Auditors and the Rules of Independence of Auditors and Audit Organizations. The information base also includes works by Russian and foreign authors for 2019–2025 devoted to due diligence of counterparties, identification of clients for AML/CFT purposes, risk-based approach and assessment of a new client in auditing practice. The work used general scientific methods of analysis, comparison, generalization and systematization, as well as a comparative analysis of regulatory requirements for evaluating a new client.

Results. In the course of the study, it was found that when evaluating a new client, an audit organization has a special status of an assessment subject before performing the PSA, since it is simultaneously required to comply with the requirements of due diligence, AML/CFT legislation and special standards governing auditing activities. It is revealed that the procedure for evaluating a new client is based on a multi-level regulatory system and should be integrated into the audit organization's quality management system. It is proved that when accepting a client to perform a PSA, it is necessary to take into account the specifics of the tasks themselves and an expanded list of client characteristics, apply a comprehensive risk-based approach, ensure compliance with the fundamental principles of professional ethics and conduct a preliminary assessment of the capabilities of the audit organization itself. On this basis, a unified system of preliminary assessment of a new client is proposed, which includes blocks of primary identification of the client, assessment of AML/CFT risks, analysis of the parameters of the planned PSA, assessment of threats to independence and ethical risks, determination of the resource capabilities of the audit organization and documentation of the results.

Discussion and Conclusions. Based on the results of the conducted research, it can be concluded that the assessment of a new client before performing the PSA cannot be reduced to a formal verification of the counterparty's trustworthiness or to separate identification procedures for AML/CFT purposes. For auditing organizations, it should be considered as a comprehensive procedure that combines the legal, ethical, organizational and methodological aspects of client acceptance and ensures the validity of professional judgment. The proposed approach makes it possible to unify the actions of the audit organization's employees on the basis of internal regulations, which will ensure transparency of decisions, reduce the risk of economically and professionally unjustified assignments, as well as improve the quality of the audit work and user confidence in their results.

Keywords: other assurance engagements, risk-based approach, new client assessment, due diligence.

For citation. Evstafeva A.A. The Specifics of Evaluating a New Client by an Audit Organization before Performing Other Assurance Engagements. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):123-141. doi: 10.54220/1994-0874.2026.78.26.011.

Введение. В условиях нестабильности, роста мошеннических схем и высокого уровня конкуренции возрастает роль предварительной оценки нового контрагента, которая проводится в коммерческих организациях и характеризуется переходом от формальной процедуры к структурированному алгоритму действий, позволяющему провести более глубокий анализ будущего клиента.

Аудиторские организации, с одной стороны, применяют подходы к оценке нового клиента, используемые коммерческими организациями, а с другой стороны, используют специфические приемы, которые направлены на соблюдение требований МСА, Кодекса этики аудиторов и Правил независимости аудиторов и аудиторских организаций.

Для большинства аудиторских организаций такая оценка, во-первых, вытекает из требований действующего законодательства в отношении проявления должной осмотрительности согласно налоговому законодательству, требований законодательства в области ПОД/ФТ и ФРОМУ, а также МСА, Кодекса этики аудиторов и Правил независимости аудиторов и аудиторских организаций.

Во-вторых, она выступает важным инструментом управления рисками и защитой их предпринимательской деятельности от неблагоприятных последствий сотрудничества с недобросовестными контрагентами. Предварительная оценка и внимательный подход к выбору будущего контрагента позволяют

аудиторским коммерческим организациям обеспечить стабильность своей деятельности, снизить вероятность возникновения будущих убытков, минимизировать риски подрыва деловой репутации, налоговых доначислений и возникновения судебных разбирательств.

В-третьих, предварительная оценка играет существенную роль в формировании и управлении клиентской базой как необходимым стратегическим ресурсом, позволяющим выстраивать долгосрочные взаимовыгодные отношения с ключевыми клиентами в условиях экономических потрясений.

В-четвертых, предварительная оценка нового клиента непосредственно влияет на качество оказываемых услуг, что, в свою очередь, может повысить доверие потребителя. Принятие решения о начале и (или) продолжении работы с клиентом либо работы по определенному заданию – один из компонентов системы управления качеством в аудиторских организациях, проводящих аудит или обзорные проверки финансовой отчетности, а также выполняющих прочие задания, обеспечивающие уверенность. Принятие решения о начале и (или) продолжении работы с клиентом либо работы по определенному заданию осуществляется на основе оценки потенциального клиента и способности аудиторской организации качественно оказать аудиторскую услугу.

Анализ научных работ за период 2019–2025 гг., посвященных исследованию процедуры принятия нового клиента коммерческими предприятиями и аудиторскими организациями, в частности, позволил выделить следующие направления исследований.

Первая группа авторов рассматривает общие вопросы проверки потенциального клиента, включая проявление должной осмотрительности.

Большинство авторов изучают проблемы, возникающие при оценке добросовестности нового клиента, и предлагают или методики проверки контрагента, или отдельные ее процедуры (Каширская Л.В., Зурнаджьянц Ю.А., Куцая С.С. [9], Данько К.А. [8], Иванов Н.О. [10], Памфилова Е.Е. [14] и т.д.).

Вторая группа авторов исследует особенности идентификации клиента в целях ПОД/ФТ и перспективы ее совершенствования, в т.ч. под влиянием цифровизации.

Например, ряд авторов (Трушанина А.Д. [16], Кучумов А.В., Печерица Е.В. [12], Боташева Л.Х., Кабанова Н.А., Мамедова Д.Р.К. [6]) анализирует применение риск-ориентированного подхода в борьбе с отмыванием преступных доходов. Боташева Л.Х. и Лифановская О.В. рассматривают перспективы совершенствования процедуры оценки нового клиента как неотъемлемого элемента системы внутреннего контроля [7]. Исследование Лоскутова И.Н. и Иванова Ф.К. посвящено проблемам, возникающим в процессе идентификации потенциального клиента при использовании новых финансовых инструментов [11].

Третья группа авторов рассматривает проблемы в области оценки нового клиента аудиторскими организациями и выделяет тенденции ее развития.

Бабанин И.А. [5], Попова А.И. [15], Умавов Ш.Ю. [17] уделяют внимание внедрению риск-ориентированного подхода в процедуру аудита финансовой и нефинансовой отчетности. Joseph Wolfe и Stanley Sterna [25] предлагают механизмы управления рисками при принятии нового клиента аудиторскими организациями. Cebi S., Karakurt N.F., Kurtulus E. и Tokgoz B. разработали модель оценки аудиторскими компаниями нового клиент, состоящую из 3 этапов: 1) объективная оценка финансовой устойчивости потенциального клиента с использованием методов машинного обучения; 2) оценка рыночной осведомлённости организации на основе применения аналитического иерархического

процесса и структурированного опросника; 3) формирование оценки риска с помощью системы нечеткого вывода [19]. Некоторые ученые (Eulerich M., Pawlowski J., Waddoups N.J., Wood D.A. [20], Salijeni G., Samsonova-Taddei A., Turley S. [23], Ting (Sophia) Sun [24], Law K.K.F.; Shen M. [22], Alrashidi M., Almutairi A., Zraqat O. [22]) рассмотрели перспективы применения инновационных инструментов аудиторскими организациями при оценке нового клиента и возникающие угрозы.

Одним из направлений в области исследования оценки нового клиента аудиторскими организациями является выделение национальных особенностей этой процедуры в разрезе аудиторских компаний отдельных стран. Например, Hegazy K., Chong H.G., Kamareldawla N.M. провели эмпирическое исследование на базе аудиторских компаний Египта и выделили основные критерии, влияющие на итоговое решение о потенциальном сотрудничестве с новым клиентом [21].

В современных условиях повышается значимость процедур оценки нового клиента на этапе подготовки к сотрудничеству по вопросу выполнения прочих заданий, обеспечивающих уверенность, поскольку их предметом могут быть и система внутреннего контроля (СВК), и нефинансовые результаты деятельности, и ИТ-система организации, и практика работы с кадровыми ресурсами [13], при проверке которых для практикующего специалиста повышается уровень риска. Критерии оценки и круг предполагаемых пользователей нередко отличаются большей вариативностью и меньшей нормативной определённостью по сравнению с аудитом бухгалтерской (финансовой) отчётности. Если решение о принятии клиента принимается без глубокой оценки, возрастает риск формального или компромиссного выполнения задания, что отражается на репутации организации и доверии к её заключениям.

Обзор научных работ демонстрирует, что существующие исследования практически не затрагивают специфику оценки нового клиента аудиторскими организациями перед выполнением ПЗОУ.

Указанные обстоятельства обусловливают научную и практическую актуальность данного исследования.

Материалы и методы. Целью работы является выявление особенностей оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением ПЗОУ и предложение на их основе основных элементов.

В основу исследования положен анализ российских и международных нормативно-правовых актов. Научную основу работы составили публикации российских и зарубежных авторов за 2019–2025 гг., посвящённые проверке контрагента при проявлении должной осмотрительности, идентификации клиентов в целях ПОД/ФТ, оценке нового клиента аудиторскими организациями.

Основными методами, на которых строится исследования, являются метод сравнительного анализа, системный подход, контент-анализ, метод формально-логического анализа.

Результаты исследования. Анализ действующего нормативно-правового регулирования и ряда научных исследований позволил выделить следующие особенности оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением ПЗОУ.

1. Аудиторская организация имеет особый статус субъекта оценки, поскольку она должна одновременно: 1) как любой хозяйствующий субъект проявлять должную осмотрительность; 2) как субъект, чья деятельность подпадает под сферу применения ФЗ № 115-ФЗ, идентифицировать риски, связанные с ПОД/ФТ, 3) как организация, осуществляющая аудиторскую деятельность, соблюдать обязательные требования,

предусмотренные специальными нормативно-правовыми актами (НПА).

2. Алгоритм оценки нового клиента базируется на многоуровневой системе нормативно-правового регулирования, представляющей собой иерархию НПА от общих норм НК РФ, регламентирующих должную осмотрительность, до международных стандартов, посвященных отдельным видам ПЗОУ.

3. Процедура оценки нового клиента должна быть интегрирована в систему управления качеством аудиторской организации как ее неотъемлемая составляющая в соответствии с требованиями международных стандартов.

4. При оценке нового клиента необходимо учитывать особенности самих ПЗОУ.

5. Процедура оценки нового клиента в аудиторской организации в целях принятия решения о начале и (или) продолжении работы с клиентом либо работы по определенному заданию включает расширенный перечень оцениваемых характеристик клиента по сравнению с обычной проверкой контрагента.

6. В процедуру оценки нового клиента должен быть заложен комплексный риск-ориентированный подход, включающий в себя идентификацию потенциальных рисков (налоговые, правовые, репутационные, этические риски и т.д.), оценку вероятности их возникновения и возможного ущерба, разработку комплекса мер по их снижению и последующий мониторинг деятельности клиента в целях обновление результатов оценки рисков. В частности, предварительно требуется провести анализ существенности угроз независимости аудиторской организации и построить матрицу с указанием уровня существенности и мер предосторожности.

7. Принятие нового клиента допускается лишь при условии, что аудиторская организация способна обеспечить соблюдение фундаментальных принципов этики, таких как честность, объективность, профессиональная компетентность и должная тщательность, конфиденциальность и профессиональное поведение.

8. Перед принятием решения о выполнении ПЗОУ важно оценить возможности самой аудиторской организации, позволяющие обеспечить качественное выполнение заданий.

Следует подробно рассмотреть перечисленные выше особенности оценки нового клиента аудиторской организацией перед ПЗОУ.

1. Аудиторская организация имеет особый статус субъекта оценки, поскольку она должна одновременно: 1) как любой хозяйствующий субъект проявлять должную осмотрительность; 2) как субъект, чья деятельность подпадает под сферу применения ФЗ №115-ФЗ, идентифицировать риски, связанные с ПОД/ФТ; 3) как организация, осуществляющая аудиторскую деятельность, соблюдать обязательные требования, предусмотренные специальными НПА.

Для всех организаций и физических лиц, которые являются налогоплательщиками в силу НК РФ, обязательно соблюдение правил должной осмотрительности. Подробные разъяснения содержатся в Письме ФНС от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 НК РФ», согласно которому в общем виде алгоритм действий при проверке потенциального контрагента сводится к следующим шагам: 1) проверка самого контрагента; 2) оценка условий договоров; 3) оценка деловой репутации и платежеспособности контрагента; 4) оценка риска неисполнения обязательств и предоставления обеспечения их исполнения, наличия у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; 5) проверка на признаки «технической компании» (фирм-одно-

дневок); 6) документальное оформление обоснования выбора контрагента [4].

Для достижения поставленной цели организации используют все доступные инструменты для получения и проверки информации о контрагенте на предмет его благонадежности.

Проверка контрагента в рамках должной осмотрительности проводится с целью минимизации налоговых, правовых, репутационных и других видов рисков, которые могут возникнуть в рамках хозяйственной деятельности организаций.

Среди организаций можно выделить отдельную группу субъектов, чья деятельность подпадает под сферу применения ФЗ № 115-ФЗ, а именно кредитные, страховые организации, лица, оказывающие юридические или бухгалтерские услуги, в т.ч. аудиторские организации [2]. Для данных субъектов помимо правил должной осмотрительности применяется порядок идентификации клиента, оценки уровня риска, документирования полученной информации и последующего обновления сведений, который достаточно подробно регламентирован ФЗ № 115-ФЗ, отраслевыми ФЗ и подзаконными актами (приказы Федеральной службы по финансовому мониторингу, положения Банка России и т.д.).

Анализ перечисленных выше НПА позволил выделить следующие этапы проверки клиента: 1) определение необходимости обязательной идентификации клиента; 2) сбор необходимых документов и сведений; 3) оценка степени (уровня) риска совершения потенциальным клиентом подозрительных операций [2]; 4) разработка и принятие мер по снижению выявленных рисков совершения клиентами подозрительных операций; 5) фиксация сведений о клиенте в его анкете/досье, на основе которых принимается окончательное решение о принятии нового клиента на обслуживание или об отказе; 6) регулярное обновление сведений о клиенте. Однако данный алгоритм в зависимости от сферы деятельности субъекта, идентифицирующего клиента, может расширяться или изменяться. Например, для адвокатов, нотариусов и лиц, оказывающих юридические или бухгалтерские услуги, добавляется обязательный шаг – мониторинг операций и сообщения в Росфинмониторинг в предусмотренных случаях [3].

Таблица 1 – Сравнительный анализ проверки контрагента при проявлении должной осмотрительности и идентификации клиента в целях ПОД/ФТ /
Table 1 – Comparative analysis of counterparty due diligence and customer identification for AML/CFT purposes

Критерии / Criteria	**Должная осмотрительность / Due diligence**	**Идентификация в целях ПОД/ФТ / Identification for AML/CFT purposes**
Субъекты проведения	Физические и юридические лица, являющие налогоплательщиками	Субъекты, подпадающие под действие ФЗ № 115-ФЗ
Цель оценки рисков	Управление рисками (налоговыми, правовыми, репутационными и др.) в рамках хозяйственной деятельности	Выявление рисков легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма (ПОД/ФТ)
Источники информации	- Информация, предоставленная клиентом. - Общедоступные сведения из открытых источников. - Данные, полученные от других контрагентов	- Общедоступные сведения, содержащиеся в ЕГРИП, ЕГРЮЛ, РАФП. - Информация из открытых баз данных. - Информация, полученная от клиента. - Иные дополнительные (вспомогательные) источники информации, доступные субъекту. Для кредитных организаций предоставлена возможность получения необходимой информации с помощью СМЭВ

Критерии / Criteria	Должная осмотрительность / Due diligence	Идентификация в целях ПОД/ФТ / Identification for AML/CFT purposes
Уровни риска	Определяются внутренними актами	Трёхуровневая шкала: низкий, средний и высокий
Органы надзора	ФНС России	- Росфинмониторинг. - ЦБ РФ
Обновление сведений	Зависит от внутренней политики и изменений во внешней/внутренней среде	Регулярное обновление сведений. Для организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, установлены временные регламенты: - при низкой степени (уровне) риска не реже 1 сомнений в достоверности и точности ранее полученной информации в течение 7 рабочих дней, следующих за днем возникновения этих сомнений;раза в 3 года, а в случае возникновения; - в иных случаях не реже 1 раза в год, а в случае возникновения сомнений в достоверности и точности ранее полученной информации в течение 7 рабочих дней, следующих за днем возникновения этих сомнений
Общий алгоритм проверки	1) проверка самого контрагента; 2) оценка условий договоров; 3) оценка деловой репутации и платежеспособности контрагента; 4) оценка риска неисполнения обязательств и предоставления обеспечения их исполнения, наличия у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; 5) проверка на признаки «технической компании» (фирм-однодневок); 6) документальное оформление обоснования выбора контрагента	1) определение необходимости обязательной идентификации клиента; 2) сбор необходимых документов и сведений; 3) оценка степени (уровня) риска совершения потенциальным клиентом подозрительных операций [2]; 4) разработка и принятие мер по снижению выявленных рисков совершения клиентами подозрительных операций; 5) фиксация сведений о клиенте в его анкете/досье, на основе которых принимается окончательное решение о принятии нового клиента на обслуживание или об отказе; 6) регулярное обновление сведений о клиенте. Однако данный алгоритм в зависимости от сферы деятельности субъекта, идентифицирующего клиента, может расширяться или изменяться

Источник: [2; 4].

Проводя сопоставление двух вышеприведенных алгоритмов проверки контрагента, можно сделать вывод, что проверка контрагента в рамках должной осмотрительности – это общий подход к оценке контрагента, выступающий в качестве универсального инструмента, а идентификация по ПОД/ФТ – это специализированный, законодательно закреплённый алгоритм, используемый в рамках Федерального закона № 115-ФЗ и применяемый, когда речь идёт о финансовых операциях и рисках легализации доходов.

Стоит отметить, что аудиторские организации представляют особую категорию субъектов, поскольку, с одной стороны, они обязаны оценивать клиента до начала оказания услуги в рамках должной осмотрительности в целях минимизации бизнес-рисков. С другой стороны, на них распространяются императивные требования законодательства о ПОД/ФТ. Кроме того, аудиторские организации обязаны

учитывать требования ФЗ № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», МСА, МСЗОУ, Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций, Кодекс профессиональной этики аудиторов с целью обеспечения качества оказываемых ими аудиторских услуг.

2. Алгоритм оценки нового клиента базируется на многоуровневой системе нормативно-правового регулирования, представляющей собой иерархию НПА от общих норм НК РФ, регламентирующих должную осмотрительность, до международных стандартов, посвященных отдельным видам ПЗОУ.

В настоящее время система нормативного регулирования процедуры оценки нового клиента аудиторской организацией перед выполнением ПЗОУ строится по принципу детализации требований: от базовых правил должной осмотрительности до международных стандартов (МСА и МСЗОУ), применяемых аудиторами при выполнении ПЗОУ. Данный вывод наглядно представлен на рисунке 1.

Рисунок 1 – Иерархия нормативных требований к оценке контрагента перед выполнением ПЗОУ /
Figure 1 – Hierarchy of regulatory requirements for the assessment of a counterparty before the implementation of the other assurance tasks
Источник: составлен автором.

К основным нормативно-правовым актам, регламентирующим порядок оценки нового клиента аудиторской компанией перед проведением ПЗОУ, относятся:

- федеральные законы (НК РФ, ФЗ № 115-ФЗ; ФЗ № 307-ФЗ);
- международные стандарты аудита, признанные в РФ, и иные международные документы (МСК 1, МСА 210, МСА 315, МСА 220, МСЗОУ 3000, МСЗОУ 3400, МСЗОУ 3402, МСЗОУ 3410, МСЗОУ 3420);
- подзаконные акты (Постановление Правительства РФ от 07.08.2025

№ 1180; Приказ Федеральной службы по финансовому мониторингу от 23 апреля 2025 г. № 74);

- Кодекс профессиональной этики аудиторов;

- Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций.

3. Процедура оценки нового клиента должна быть интегрирована в систему управления качеством аудиторской организации как ее неотъемлемая составляющая в соответствии с требованиями международных стандартов.

В соответствии с МСК 1 алгоритм оценки нового клиента перед выполнением ПЗОУ представляет собой один из восьми компонентов системы управлении качеством аудиторской организации, которая масштабируется в зависимости от характера и обстоятельств как аудиторской организации, так и заданий, выполняемых ею.

При разработке системы управления качеством аудиторская организация обязательно устанавливает цели в области качества, ради достижения которых она и функционирует. Эти цели непременно должны касаться процедуры предварительной оценки клиента.

Как указано в п. 30 МСК 1, все решения перед принятием клиента должны опираться на достоверную и релевантную информацию относительно характера и обстоятельств задания, честности и этических ценностей клиента (включая руководство и, если применимо, лиц, отвечающих за корпоративное управление), способности самой аудиторской организации выполнить ПЗОУ. Кроме того, коммерческие интересы аудиторской организации (финансовые и операционные цели фирмы) не должны приводить к субъективному, сомнительному суждению о принятии нового клиента.

Это препятствует возникновению ситуации, когда организация принимает рискованного или этически сомнительного клиента только потому, что он выгоден коммерчески, игнорируя недостаточность информации, угрозы независимости, нехватку ресурсов или несоответствие задания стандартам. В таблице 2 представлена информация, которая может исследоваться аудитором при оценке клиента в соответствии с МСК 1.

Таблица 2 – Информация, исследуемая аудитором при оценке клиента в соответствии с МСК 1 /
Table 2 – Information examined by the auditor when evaluating a client in accordance with ISQM 1

Международный стандарт управления качеством 1 «Управление качеством в аудиторских организациях, проводящих аудит или обзорные проверки финансовой отчетности, а также выполняющих прочие задания, обеспечивающие уверенность, или задания по оказанию сопутствующих услуг» / International Standard on Quality Management 1 "Quality Management for Firms that Perform Audits or Reviews of Financial Statements, or Other Assurance or Related Services Engagements"	
Информация, полученная для подтверждения суждений аудиторской организации о честности и этических ценностях клиента, может включать идентификационную информацию и информацию о деловой репутации по основным собственникам клиента, ключевому	- характер организации, в отношении которой выполняется задание, включая уровень сложности структуры собственности и управления; - характер операционной деятельности клиента, включая методы ведения бизнеса; - информация об отношении основных собственников клиента, его ключевого управленческого персонала и лиц, отвечающих за корпоративное управление, к таким вопросам, как агрессивная интерпретация стандартов бухгалтерского учета и внутренняя контрольная среда;

Международный стандарт управления качеством 1 «Управление качеством в аудиторских организациях, проводящих аудит или обзорные проверки финансовой отчетности, а также выполняющих прочие задания, обеспечивающие уверенность, или задания по оказанию сопутствующих услуг» / International Standard on Quality Management 1 "Quality Management for Firms that Perform Audits or Reviews of Financial Statements, or Other Assurance or Related Services Engagements"	
управленческому персоналу и лицам, отвечающим за корпоративное управление (ЛОКУ)	- категоричность, с которой клиент пытается удерживать вознаграждение аудиторской организации на самом низком возможном уровне; - признаки вынужденного ограничения объема аудита по требованию клиента; - признаки возможной вовлеченности клиента в операции по легализации (отмыванию) денежных средств (или иного имущества), полученных преступным путем, или в иную криминальную деятельность; - причины предполагаемого назначения аудиторской организации вместо переназначения предыдущей аудиторской организации; - идентификация связанных сторон и их деловая репутация
Информация, полученная в отношении характера и обстоятельств задания	- отрасль, в которой ведет деятельность организация, в отношении которой выполняется задание, и соответствующие регуляторные факторы; - характер организации, например ее деятельность, организационная структура, структура собственности и корпоративное управление, ее бизнес-модель и порядок финансирования; - характер оцениваемого предмета задания и применимые критерии, например в случае интегрированной отчетности: - оцениваемый предмет задания может включать социальные и экологические вопросы или вопросы в области здравоохранения и защиты информации; - применимыми критериями могут быть показатели деятельности, установленные признанным экспертным органом
Источники получения информации	- в случае уже имеющегося клиента – получение информации по текущим и прошлым заданиям, если применимо, или направление запросов другим сотрудникам, которые выполняли другие задания для клиента; - в случае нового клиента – направление запросов действующим или предыдущим поставщикам профессиональных бухгалтерских услуг для клиента в соответствии с соответствующими этическими требованиями; - проведение обсуждений с иными третьими сторонами, например банками, юридическими консультантами и отраслевыми компаниями-аналогами; - изучение сведений о деятельности клиента в прошлом в соответствующих базах данных (возможно использование интеллектуальных ресурсов); - в некоторых случаях аудиторская организация может использовать поставщика услуг для изучения сведений о деятельности клиента в прошлом

Источник: [1].

Таким образом, процедура оценки нового клиента является неотъемлемым элементом системы управления качеством, на который распространяются следующие принципы: обязательность применения ко всем клиентам и задани-

ям, формализованность (закрепление в виде внутреннего регламента), документированность результатов оценки, а также подверженность регулярному мониторингу и процедурам исправления выявленных недостатков.

4. При оценке нового клиента необходимо учитывать особенности самих ПЗОУ.

Стоит отметить, что выполнение ПЗОУ отличается от традиционного аудита меньшей степенью нормативной стандартизации предмета задания и критериев его оценки.

С одной стороны, разработаны ряд международных стандартов, например, действует общий стандарт МСЗОУ 3000, а также специализированные стандарты МСЗОУ 3400, МСЗОУ 3402, МСЗОУ 3410, МСЗОУ 3420. В зарубежной практике постепенно внедряется ISSA 5000.

С другой стороны, сам МСЗОУ 3000 является «рамочным» и предусматривает общие принципы выполнения ПЗОУ, в т.ч. при вынесении решения о принятии клиента. Стандарт прямо требует, чтобы практикующий специалист сам оценил пригодность предмета задания и применимых критериев (их релевантность, полноту, надёжность, нейтральность и понятность) до принятия задания, поскольку эти критерии не обозначены заранее самим стандартом. Остальные стандарты направлены на регулирование отдельных предметных областей ПЗОУ. Например, они не затрагивают выполнение заданий, обеспечивающих разумную уверенность в нефинансовой информации, детальная оценка системы внутреннего контроля или оценка долгосрочной программы развития (ДПР).

В связи с чем возрастает риск их использования клиентом в имиджевых целях без реального намерения обеспечить прозрачность раскрываемой информации.

Таким образом, аудиторским организациям необходимо перед выполнением ПЗОУ не сводить процедуру оценки нового клиента исключительно к формальной его идентификации или к стандартной проверке его благонадёжности. Её содержание существенно шире и включает оценку тех факторов, которые непосредственно связаны с качеством будущего задания, надёжностью его результатов и защитой интересов пользователей.

5. Процедура оценки нового клиента перед выполнением ПЗОУ включает расширенный перечень анализируемых характеристик клиента по сравнению с обычной проверкой контрагента.

По сравнению с обычной проверкой контрагента (ограниченной, как правило, оценкой правоспособности, деловой репутации и платёжеспособности), оценка нового клиента перед ПЗОУ требует анализа существенно более широкого круга характеристик. П. 30 МСК 1, а также разъясняющие материалы А67–А74 указывают, что аудиторская организация должна оценить характер и обстоятельства предполагаемого задания, а также честность и этические ценности клиента, включая руководство и лиц, отвечающих за корпоративное управление, чтобы сформировать надлежащие профессиональные суждения о принятии клиента. К числу оцениваемых факторов относятся: характер организации и её деятельность, организационная структура и структура собственности, бизнес-модель и порядок финансирования; отношение основных собственников и ключевого управленческого персонала к вопросам агрессивного применения стандартов бухгалтерского учёта и состоянию внутренней контрольной среды; категоричность, с которой клиент стремится удержать вознаграждение аудитора на минимальном уровне; признаки принуждения к ограничению объёма аудита или задания.

6. В процедуру оценки нового клиента должен быть заложен комплексный риск-ориентированный подход.

Данный подход позволяет субъекту хозяйственной деятельности оценить вероятность возникновения неблагоприятных последствий взаимодействия с новым клиентом, определить уровень приемлемого риска и выбрать адекватные меры реагирования.

Для аудиторских организаций как налогоплательщиков необходимо оценивать налоговые, правовые, репутационные и другие риски, которые могут возникнуть в рамках их хозяйственной деятельности.

Поскольку они являются субъектами, входящими в сферу регулирования ФЗ № 115-ФЗ, речь идет о рисках легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма (ПОД/ФТ).

Кроме того, для аудиторской деятельности необходимо оценить вероятность существенных искажений в финансовой и нефинансовой отчётности, риск необнаружения ошибок при проведении аудита и ПЗОУ.

Стоит отметить, что в рамках ФЗ № 307-ФЗ для аудиторских организаций важной и неотъемлемой составляющей их профессиональной деятельности является соблюдение принципа независимости. В связи с чем перед выполнением ПЗОУ им требуется предварительно проводить анализ существенности угроз независимости, а на основании полученных данных предлагается построить матрицу с указанием уровня существенности и мер предосторожности.

Среди общих принципов риск-ориентированного подхода при оценке нового клиента можно выделить: а) обязательную идентификацию потенциальных рисков, оценку вероятности их возникновения и возможного ущерба; б) разработку мер по снижению рисков (например, дополнительные проверки, ограничения по объёму сделок, предоставление заверений об обстоятельствах и санкции за недостоверные данные); в) мониторинг изменений в деятельности контрагента и обновление оценки рисков.

7. Принятие нового клиента допускается лишь при условии, что аудиторская организация способна обеспечить соблюдение фундаментальных принципов этики, таких как честность, объективность, профессиональная компетентность и должная тщательность, конфиденциальность и профессиональное поведение.

Принятие нового клиента возможно только при условии, что аудиторская организация способна обеспечить соблюдение всех перечисленных принципов. Для этого применяется концептуальный подход: идентификация угроз нарушения принципов этики и их оценка; разработка и применение защитных мер либо отказ от клиента, если угрозы невозможно снизить до приемлемого уровня. В соответствии с Кодексом этики данный подход применим и при оценке соблюдения требований независимости.

8. Перед принятием решения о выполнении ПЗОУ важно оценить возможности самой аудиторской организации, позволяющие обеспечить качественное выполнение заданий.

Перед выполнением ПЗОУ важно не только оценить нового клиента, но и определить возможности самой аудиторской организации. Для этого ей необходимо провести предварительный анализ наличия финансовых, кадровых, временных, технологических, интеллектуальных ресурсов для успешного выполнения ПЗОУ.

Таким образом, анализ особенностей оценки нового клиента перед выполнением ПЗОУ позволил сделать следующий вывод: в аудиторской организации возникает объективная необходимость перехода от формального и разрозненного набора проверочных действий к единой системе предварительной оценки нового клиента, ориентированной на специфику ПЗОУ. Такая

система должна объединять правовые, этические, организационные и методические аспекты принятия клиента в единый алгоритм, обеспечивающий последовательность профессионального суждения и полноту документирования результатов.

Полагаем, решением данной проблемы станет разработка внутреннего регламента, закрепляющего порядок принятия нового клиента перед выполнением ПЗОУ, основанного на риск-ориентированном подходе. Наличие такого стандарта позволит унифицировать действия сотрудников аудиторской организации, обеспечить взаимосвязь между требованиями законодательства и профессиональных стандартов, а также повысить обоснованность решений о принятии или отказе от клиента.

В его структуре можно выделить несколько основных блоков, таких как:

1) первичная идентификация клиента и проверка безусловных запретов (сбор общей информации о клиенте: организационно-правовая форма, сфера деятельности (является ли клиент ОЗО), юридический адрес, учредители/участники и их доли, руководители, главный бухгалтер или иное должностное лицо, на которое возложено ведение бухгалтерского учета, филиалы и представительства и т.д., установление наличия или отсутствия безусловных запретов, закрепленных в ФЗ № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» и в Правилах независимости аудиторов и аудиторских организаций);

2) перечень обязательных процедур, связанных с идентификацией рисков, связанных с ПОД/ФТ;

3) анализ различных характеристик планируемого ПЗОУ (тип задания (подтверждение / непосредственная оценка), предмет задания, уровень уверенности, идентификация ответственной стороны, предполагаемых пользователей, практикующих специалистов);

4) порядок оценки потенциальных угроз нарушения принципов этики и независимости аудитора на основании Кодекса этики аудиторов и Правил независимости аудиторов и аудиторских организаций и построения матрицы существенности;

5) порядок агрегирования всех видов рисков (бизнес-риски, риски ПОД/ФТ, этические риски, риски качества предмета задания, риски угрозы независимости и т.д.) в единую оценку;

6) оценка возможностей самой аудиторской организацией для проведения ПЗОУ (проверить наличие достаточной компетентности персонала; убедиться, что финансовые и операционные приоритеты организации не влияют на объективность принимаемых решений; установить достаточность финансовых, кадровых, временных, технологических, интеллектуальных ресурсов для успешного выполнения ПЗОУ);

7) требования к документированию всех процедур.

На основании внутреннего регламента будет разработан детализированный и продуманный алгоритм, который будет направлен на соблюдение баланса между императивными и диспозитивными нормами, а также адаптироваться к специфике отдельного вида ПЗОУ.

Обсуждение и заключения. Таким образом, на основании проведенного исследования были выделены следующие особенности оценки нового клиента перед выполнением ПЗОУ.

1. Особый статус аудиторской организации как субъекта оценки нового клиента, обусловленный одновременно обязанностью проявлять должную осмотрительность, выполнять требования законодательства по ПОД/ФТ и соблюдать нормы, регулирующие аудиторскую деятельность.

2. Многоуровневый характер нормативно-правовой регулирования оценки нового клиента.

3. Интеграция процедуры оценки нового клиента в систему управления качеством аудиторской организации.

4. Необходимость учета специфики ПЗОУ.

5. Расширенный перечень оцениваемых характеристик клиента по сравнению с обычной проверкой контрагента.

6. Комплексный риск-ориентированный подход к оценке нового клиента.

7. Соблюдение фундаментальных принципов профессиональной этики и применение концептуальной модели оценки угроз.

8. Оценка возможностей самой аудиторской организации перед выполнением ПЗОУ.

На основе перечисленных особенностей была предложена единая система предварительной оценки нового клиента, в структуре которой целесообразно выделить следующие блоки, регламентирующие первичную идентификацию клиента и проверку безусловных запретов, оценку рисков ПОД/ФТ, анализ параметров планируемого ПЗОУ, анализ угроз соблюдению принципов этики и независимости, определение возможностей аудиторской организации, а также требования к документированию.

Реализация данного порядка оценки нового клиента обеспечит соблюдение норм НК РФ, ФЗ № 115-ФЗ, ФЗ № 307-ФЗ, МСА и МСЗОУ, позволит унифицировать действия сотрудников аудиторской организации, последовательность и прозрачность профессионального суждения, снизить вероятность принятия экономически и профессионально необоснованных заданий.

Предложенный регламент будет способствовать повышению качества прочих заданий, обеспечивающих уверенность, защите интересов пользователей нефинансовой информации и укреплению доверия к аудиторскому сообществу в целом.

Список литературы

1. Международный стандарт управления качеством 1 «Управление качеством в аудиторских организациях, проводящих аудит или обзорные проверки финансовой отчетности, а также выполняющих прочие задания, обеспечивающие уверенность, или задания по оказанию сопутствующих услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru.

2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.

3. Приказ Федеральной службы по финансовому мониторингу от 23 апреля 2025 г. № 74 «Об утверждении требований к идентификации клиентов, представителей клиентов (в том числе идентификации единоличного исполнительного органа как представителя клиента), выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru.

4. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. – 2021. – № 4.

5. Бабанин И.А. Оценка эффективности риск-ориентированного подхода в аудите // Вестник евразийской науки. – 2025. – № 5S [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-risk-orientirovannogo-podhoda-v-audite?ysclid=msuucr7ct0630278756.

6. Боташева Л.Х., Кабанова Н.А., Мамедова Д.Р.К. Особенности применения риск-ориентированного подхода в

сфере противодействия отмывания доходов, полученных преступным путем в США и Канаде // Вестник евразийской науки. – 2023. – № 3S [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-risk-orientirovannogo-podhoda-v-sfere-protivodeystviya-otmyvaniya-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-v?ysclid=msuup1j3v2556547130.

7. Боташева Л.Х., Лифановская О.В. Перспективные направления совершенствования системы внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ/ФРОМУ на предприятиях финансового сектора // Вестник евразийской науки. – 2025. – № 3S [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-sistemy-vnutrennego-kontrolya-v-tselyah-pod-ft-fromu-na-predpriyatiyah-finansovogo?ysclid=msuupucbvz276519948.

8. Данько К.А. Необходимые процедуры проверки контрагента перед заключением сделки // Московский юридический журнал. – 2021. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimye-protsedury-proverki-kontragenta-pered-zaklyucheniem-sdelki?ysclid=msuuwftqsu996895147.

9. Зурнаджьянц Ю.А., Каширская Л.В., Куцая С.С. Разработка методики проверки контрагентов для реализации принципа должной осмотрительности // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodiki-proverki-kontragentov-dlya-realizatsii-printsipa-dolzhnoy-osmotritelnosti?ysclid=msuuy64bo8254772559.

10. Иванов Н.О. Ключевые особенности мер проверки деловых партнеров // Вестник евразийской науки. – 2022. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-osobennosti-mer-proverki-delovyh-partnerov?ysclid=msuuyk8ht0315879505.

11. Иванов Ф.К., Лоскутов И.Н. Цифровая идентификация как инструмент противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Финансовые исследования. – 2020. – № 1 (66) [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43844313&ysclid=msuuzntxqx550752375.

12. Кучумов А.В., Печерица Е.В. Цифровые инновации, соответствующие требованиям под/фт и риск-ориентированный подход // ЭВ. – 2022. – № 4 (31) [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49980764&ysclid=msuv0u018u917978993.

13. Международная концепция прочих заданий, обеспечивающих уверенность [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/audit/standarts/international/documents?id_72=116634-mezhdunarodnayakontseptsiya_zadanii_obespechivayushchikh_uverennost.

14. Панфилова Е.Е. Оценка надежности партнеров по бизнесу: прикладные аспекты и практические рекомендации // Московский экономический журнал. – 2024. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-nadezhnosti-partnerov-po-biznesu-prikladnye-aspekty-i-prakticheskie-rekomendatsii?ysclid=msuv70stbn381010229.

15. Попова А.И. Смена концептуальных моделей аудита и трансформация его определения на современном этапе // Учет. Анализ. Аудит. – 2024. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smena-kontseptualnyh-modeley-audita-i-transformatsiya-ego-opredeleniya-na-sovremennom-etape?ysclid=msuvcydi2c972904610.

16. Трушанина А.Д. Внедрение риск-ориентированного подхода как одна из эффективных мер борьбы с отмыванием преступных доходов в России // Вестник евразийской науки. – 2024. – № 5S [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-risk-orientirovannogo-podhoda-kak-odna-

iz-effektivnyh-mer-borby-s-otmyvaniem-prestupnyh-dohodov-v-rossii?ysclid=msuvf7crk1776397127.

17. Умавов Ш.Ю. Методика аудита процесса оценки двойной существенности на основе риск-ориентированного подхода // Учет и статистика. – 2025. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-audita-protsessa-otsenki-dvoynoy-suschestvennosti-na-osnove-risk-orientirovannogo-podhoda?ysclid=msuvfp7q1w503154548.

18. Alrashidi M., Almutairi A., Zraqat O. The Impact of Big Data Analytics on Audit Procedures: Evidence from the Middle East // Journal of Asian Finance, Economics and Business. – 2022. – Vol. 9. – No. 2.

19. Cebi S., Karakurt N., Kurtulus E., Tokgoz B. Development of a decision support system for client acceptance in independent audit process // International Journal of Accounting Information Systems. – 2024. – Vol. 53 (C).

20. Eulerich M., Pawlowski J., Waddoups N.J., Wood D.A. A Framework for Using Robotic Process Automation for Audit Tasks // Contemp Account Res. – 2021. – No. 39. – Pp. 691-720.

21. Hegazy K., Chong H.G., Kamareldawla N.M. Investigating the factors of selecting audit clients: Evidence from an emerging market // Corporate Ownership & Control. – 2023. – No. 20 (4). – Pp. 97-112.

22. Kelvin K.F. Law, Michael Shen. How Does Artificial Intelligence Shape Audit Firms? // Management Science. – 2024. – No. 71 (5). – Pp. 3641-3666.

23. Salijeni G., Samsonova-Taddei A., Turley S. Big Data and changes in audit technology: contemplating a research agenda // Accounting and Business Research. – 2019. – No. 49 (1). – Pp. 95-119.

24. Ting (Sophia) Sun. Applying Deep Learning to Audit Procedures: An Illustrative Framework // Accounting Horizon. – 2019. – No. 33 (3). – Pp. 89-109.

25. Sterna St., Wolfe J., Managing the Risks of Client Acceptance and Continuance [Electronic resource]. – Access mode: https://www.cpajournal.com/2020/02/12/managing-the-risks-of-client-acceptance-and-continuance/.

References

1. International Quality Management Standard 1 «Quality management in auditing organizations conducting audits or reviews of financial statements, as well as performing other assurance engagements or related services» // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – Access mode: www.pravo.gov.ru.

2. Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33. – Art. 3418.

3. Order No. 74 of the Federal Financial Monitoring Service dated April 23, 2025 «On Approval of Requirements for Identification of Clients, Client Representatives (including Identification of the Sole Executive Body as the Client's representative), Beneficiaries and Beneficial Owners» // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – Access mode: www.pravo.gov.ru.

4. Letter from the Federal Tax Service of Russia dated 10.03.2021 No. BV-4-7/3060@ «On the practice of applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation» // Pricing and estimated rationing in construction. – 2021. – No. 4.

5. Babanin I.A. Evaluation of the effectiveness of a risk-based approach in auditing // Bulletin of Eurasian Science. – 2025. – No. 5S [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-risk-orientirovannogo-podhoda-v-audite?ysclid=msuucr7ct0630278756.

6. Botasheva L.Kh., Kabanova N.A., Mammadova D.R.K. Features of the appli-

cation of a risk-based approach in the field of countering the laundering of proceeds from crime in the USA and Canada // Bulletin of Eurasian Science. – 2023. – No. 3S [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-risk-orientirovannogo-podhoda-v-sfere-protivodeystviya-otmyvaniya-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-v?ysclid=msuup1j3v2556547130.

7. Botasheva L.Kh., Lifanovskaya O.V. Promising areas for improving the internal control system for AML/CFT/FMT at financial sector enterprises // Bulletin of Eurasian Science. – 2025. – No. 3S [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-sistemy-vnutrennego-kontrolya-v-tselyah-pod-ft-fromu-na-predpriyatiyah-finansovogo?ysclid=msuupucbvz276519948.

8. Danko K.A. Necessary counterparty verification procedures before concluding a transaction // Moscow Law Journal. – 2021. – No. 3 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimye-protsedury-proverki-kontragenta-pered-zaklyucheniem-sdelki?ysclid=msuuwftqsu996895147.

9. Zurnadzhiants Yu.A., Kashirskaya L.V., Kutsaya S.S. Development of a methodology for checking counterparties to implement the principle of due diligence // Problems of economics and legal practice. – 2023. – No. 5 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodiki-proverki-kontragentov-dlya-realizatsii-printsipa-dolzhnoy-osmotritelnosti?ysclid=msuuy64bo8254772559.

10. Ivanov N.O. Key features of business partner verification measures // Bulletin of Eurasian Science. – 2022. – No. 5 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-osobennosti-mer-proverki-delovyh-partnerov?ysclid=msuuyk8ht0315879505.

11. Ivanov F.K., Loskutov I.N. Digital identification as a tool for countering money laundering and terrorist financing // Financial Research. – 2020. – No. 1 (66) [Electronic resource]. – Access mode: https://elibrary.ru/item.asp?id=43844313&ysclid=msuuzntxqx550752375.

12. Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. Digital innovations that meet AML/CFT requirements and a risk-based approach // EV. – 2022. – No. 4 (31) [Electronic resource]. – Access mode: https://elibrary.ru/item.asp?id=49980764&ysclid=msuv0u018u917978993.

13. The international concept of other tasks providing confidence [Electronic resource]. – Access mode: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/audit/standarts/international/documents?id_72=116634-mezhdunarodnaya_kontseptsiya_zadanii_obespechivayushchikh_uverennost.

14. Panfilova E.E. Assessment of the reliability of business partners: applied aspects and practical recommendations // Moscow Economic Journal. – 2024. – No. 1 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-nadezhnosti-partnerov-po-biznesu-prikladnye-aspekty-i-prakticheskie-rekomendatsii?ysclid=msuv70stbn381010229.

15. Popova A.I. Change of conceptual models of audit and transformation of its definition at the present stage // Accounting. Analysis. Audit. – 2024. – No. 4 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/smena-kontseptualnyh-modeley-audita-i-transformatsiya-ego-opredeleniya-na-sovremennom-etape?ysclid=msuvcydi2c972904610.

16. Trushanina A.D. The introduction of a risk-based approach as one of the effective measures to combat money laundering in Russia // Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – No. 5S [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-risk-orientirovannogo-podhoda-kak-odna-iz-effektivnyh-mer-borby-s-otmyvaniem-prestupnyh-dohodov-v-rossii?ysclid=msuvf7crk1776397127.

17. Umavov Sh.Yu. Methodology for auditing the process of assessing double materiality based on a risk-based approach // Accounting and statistics. – 2025. – No. 2 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-audita-protsessa-otsenki-dvoynoy-suschestvennosti-na-osnove-risk-orientirovannogo-podhoda?ysclid=msuvfp7q1w503154548.

18. Alrashidi M., Almutairi A., Zraqat O. The Impact of Big Data Analytics on Audit Procedures: Evidence from the Middle East // Journal of Asian Finance, Economics and Business. – 2022. – Vol 9. – No. 2.

19. Cebi S., Karakurt N., Kurtulus E., Tokgoz B. Development of a decision support system for client acceptance in independent audit process // International Journal of Accounting Information Systems. – 2024. – Vol. 53 (C).

20. Eulerich M., Pawlowski J., Waddoups N.J., Wood D.A. A Framework for Using Robotic Process Automation for Audit Tasks // Contemp Account Res. – 2021. – No. 39. – Pp. 691-720.

21. Hegazy K., Chong H.G., Kamareldawla N.M. Investigating the factors of selecting audit clients: Evidence from an emerging market // Corporate Ownership & Control. – 2023. – No. 20 (4). – Pp. 97-112.

22. Kelvin K.F. Law, Michael Shen. How Does Artificial Intelligence Shape Audit Firms? // Management Science. – 2024. – No. 71 (5). – Pp. 3641-3666.

23. Salijeni G., Samsonova-Taddei A., Turley S. Big Data and changes in audit technology: contemplating a research agenda // Accounting and Business Research. – 2019. – No. 49 (1). – Pp. 95-119.

24. Ting (Sophia) Sun. Applying Deep Learning to Audit Procedures: An Illustrative Framework // Accounting Horizon. – 2019. – No. 33 (3). – Pp. 89-109.

25. Sterna St., Wolfe J., Managing the Risks of Client Acceptance and Continuance [Electronic resource]. – Access mode: https://www.cpajournal.com/2020/02/12/managing-the-risks-of-client-acceptance-and-continuance/.

Об авторе:

Евстафьева Алина Александровна, аспирант кафедры аудита ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Статья поступила в редакцию 01.07.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Евстафьева А.А.

About the Author:

Alina A Evstafeva, postgraduate student at the Department of Audit of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH) " (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

The article was submitted on 01.07.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 A.Evstafeva

РАЗДЕЛ III. СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТАТИСТИКИ

УДК 330.567.2:303.722 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.99.71.012

Динамика латентных экономических стратегий российских домохозяйств

Ниворожкина Л.И.[1], Трегубова А.А.[1], Синявская Т.Г.[1] ✉
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

✉ sin-ta@yandex.ru

Аннотация

Введение. В своей жизнедеятельности домохозяйства постоянно комбинируют различные типы экономического и финансового поведения: берут и дают в долг, откладывают сбережения, кредитуются, покупают акции и страховые продукты, помогают родным и знакомым деньгами и нематериально и получают такую помощь в ответ. В целом вся эта активность, зачастую неосознанная, складывается в общую стратегию экономического поведения, направленную на достижение определенных жизненных целей в условиях ограниченных ресурсов и неопределенности. Выявление устойчивых экономических стратегий российских домохозяйств, оценка их способности адаптироваться к меняющимся условиям без подрыва долгосрочного благополучия является актуальной научной задачей.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, данные 22–33-й волн за 2013–2024 годы (83 215 наблюдений в совокупности). Использован инструментарий латентного кластерного анализа, рассчитаны предельные вероятности принадлежности к кластерам, матрицы перехода между кластерами последовательно по годам исследования.

Результаты исследования. За каждый год периода изучения выделено три латентных кластера домохозяйств по типам финансово-экономических стратегий. Выявлено, что более половины домохозяйств, относящихся к первому, наиболее многочисленному кластеру, названному «универсалы», не имеют выраженных предпочтений в типах финансово-экономического поведения. Второй, названный условно «должники», наименьший по численности кластер составляют домохозяйства, демонстрирующие активное финансовое поведение с уклоном в заимствования. Домохозяйства третьего кластера, «помощники», составляют около трети выборки для всех волн исследования и характеризуются взвешенной финансово-экономической стратегией, сочетая ведение натурального хозяйства со сберегательным поведением, а также оказанием материальной и нематериальной помощи родственникам и знакомым.

Обсуждение и заключения. Выделенные латентные финансово-экономические классы домохозяйств демонстрируют высокую стабильность за весь период исследования, что свидетельствует об устойчивом характере выделенных стратегий. С 2013 по 2026 г. наблюдается тенденция к незначительному снижению численности кластера «должников», демонстрирующих активные финансовые стратегии, стабилизация раз-

мера кластера «помощников» и рост численности домохозяйств, составляющих кластер без выраженной приверженности к определенным типам финансового поведения. При этом кластер «универсалов» оставался наиболее устойчивым на протяжении всего периода исследования, наименьшую устойчивость демонстрировал самый малочисленный кластер финансово активных «должников». Практически не выявлено выраженных изменений стратегии в ответ на внешние макроэкономические шоки, кроме снижения доли финансово активных домохозяйств.

Ключевые слова: экономические стратегии, домохозяйства, латентный кластерный анализ, динамика.

Для цитирования. Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А., Синявская Т.Г. Динамика латентных экономических стратегий российских домохозяйств. *Учет и статистика.* 2026;3(23):142-157. doi: 10.54220/1994-0874.2026.99.71.012.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 25-28-02316, https://rscf.ru/project/25-28-02316/).

JEL: D10, D14, C38 Research article

Dynamics of Latent Economic Strategies of Russian Households

Nivorozhkina L.I.[1], Tregubova A.A.[1], Sinyavskaya T.G.[1] ✉
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

✉ sin-ta@yandex.ru

Abstract

Introduction. Households continuously combine various forms of economic and financial behaviour in their everyday life: they borrow and lend money, accumulate savings, take out loans, purchase shares and insurance products, and both provide and receive monetary and non-monetary assistance from relatives and acquaintances. In general, all this activity – often unconscious – coalesces into an overall strategy of economic behavior, constituting a stable model of economic behavior directed toward the achievement of specific life goals under conditions of limited resources and uncertainty. The identification of stable economic strategies of Russian households and the assessment of their capacity to adapt to changing conditions without undermining long-term well-being represent a relevant scientific task.

Materials and Methods. The empirical analysis is based on data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), waves 22-33 (2013–2024), comprising 83,215 household observations. Latent class analysis was employed to identify unobserved strategies. Marginal probabilities of class membership and year-to-year transition matrices were estimated.

Results. Three latent classes of households were identified for each year of the study period. The largest class (over 50% of households) consists of “universals” – households that do not exhibit a pronounced preference for any particular type of financial behaviour and combine different practices in modest proportions. The smallest class comprises “debtors” – households characterized by active financial behaviour with a strong emphasis on borrowing. The third class, accounting for approximately one-third of the sample across all waves, follows a balanced strategy that combines subsistence farming, saving behaviour, and the provision of monetary and non-monetary assistance to relatives and acquaintances.

Discussion and Conclusions. The identified latent classes demonstrate high stability throughout the observation period, indicating the persistent nature of the underlying strategies. Between 2013 and 2024, a slight decline in the share of “debtors,” stabilisation of the balanced “helpers” class, and an increase in the proportion of “universals” were observed. The “universals” class proved to be the most stable over time, while the smallest class of financially active “debtors” exhibited the lowest persistence. No substantial shifts in strategy composition were detected in response to external macroeconomic shocks, apart from a moderate reduction in the share of financially active households.

Keywords: economic strategies, households, latent cluster analysis, dynamics.

For citation. Nivorozhkina L.I., Tregubova A.A., Sinyavskaya T.G. Dynamics of Latent Economic Strategies of Russian Households. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):142-157. doi: 10.54220/1994-0874.2026.99.71.012.

Acknowledgments. The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-02316, https://rscf.ru/project/25-28-02316/).

Введение. На протяжении последнего десятилетия, и даже более, российские домохозяйства переживают ряд трансформаций, связанных с нарастанием глобальной турбулентности и экономической неопределенности. Волны санкционного давления, последствия эпидемии COVID-19 и локдауна, инфляционные процессы вынуждают домохозяйства трансформировать экономическое, финансовое поведение, выстраивать стратегии, позволяющие формировать устойчивые модели жизнедеятельности в условиях ограниченности ресурсов.

Экономическое, финансовое поведение домохозяйств характеризует конкретность и ситуативность, выражающаяся в реакции на текущие обстоятельства, такие как цены, доходы, доступность тех или иных благ. Такое поведение может быть активным, например, дети могут помогать родителям деньгами, продуктами, в ведении хозяйства и др., а может быть и пассивным, например заключаться в ориентации на получение помощи от близких, от благотворительных и государственных организаций. В целом все действия индивида, домохозяйства, зачастую неосознанные, складываются в сознательно выстроенную долгосрочную экономическую стратегию, направленную на достижение определенных жизненных целей в условиях ограниченных ресурсов и неопределенности.

Каковы наиболее распространённые паттерны экономических стратегий российских домохозяйств, насколько они устойчивы к внешним потрясениям? Сегодня, в условиях нарастающей турбулентности, оценка способности домохозяйств адаптироваться к меняющимся условиям и при необходимости трансформировать структуру ресурсов и поведения, сохраняя приемлемый уровень жизни и не подрывая долгосрочное благополучие членов семьи, – научная задача, решение которой приобретает особую актуальность.

Согласно теории адаптивных стратегий [1; 2], именно финансово-экономические стратегии являются механизмами, позволяющими домохозяйствам поддерживать привычный уровень благосостояния, сохранять устойчивость. Современные исследования устойчивости трактуют ее как способность домохозяйств амортизировать внешние шоки, адаптироваться к ним и восстанавливать уровень жизни [3; 4]. В рамках этого подхода выделяют активные стратегии, ориентированные на расширение доходных возможностей, и пассивные, связанные с сокращением потребления и внешней поддержкой. При этом важ-

ным, но менее изученным остается вопрос о том, насколько устойчивы реализуемые экономические стратегии домохозяйств во времени и как они изменяются под влиянием макроэкономических шоков.

Эмпирические работы показывают, что активные практики (неформальная занятость, самозанятость) чаще выбирают домохозяйства с высоким человеческим капиталом, тогда как пассивные (снижение расходов, натуральное хозяйство, помощь) характерны для более уязвимых групп и обычно сопровождаются снижением субъективного благополучия [5; 6; 7]. Согласно Ravallion & Lokshin [8; 9], в период ранних реформ в России активные стратегии обеспечивали более успешную адаптацию. Отечественные исследования подтверждают, что важную роль в поддержании устойчивости играют неформальные доходы и помощь родственников [10; 11], экономические факторы значимо влияют на социальную напряженность [12], а субъективные оценки удовлетворенности жизнью служат важным индикатором успешности адаптации [13].

Вместе с тем исследования, которые на достаточно длинных панельных данных отслеживали бы устойчивость экономических стратегий российских домохозяйств и переходы между ними, практически отсутствуют.

Материалы и методы. Использованы данные двенадцати волн полной выборки Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (22–33-я волны, 2013–2024 годы)[1].

Для выявления устойчивых экономических стратегий российских домохозяйств был выполнен латентный кластерный анализ по 11 показателям их агрегированного финансового поведения:

1) давали в долг (им должны деньги, возвращали долги);

2) уплачивали долги (имеют долги частным лицам, брали в долг);

3) имели долги по оплате услуг ЖКХ;

4) имели кредиты (члены брали кредиты, тратят деньги на уплату долгов по кредитам);

5) откладывали сбережения, покупали валюту с целью сбережения, получали проценты по вкладам;

6) приобретали акции и страховые продукты, получали доход от сдачи имущества в аренду, от владения акциями, получали выплаты по страховым продуктам;

7) тратили сбережения, продавали ценные бумаги;

8) оказывали нематериальную помощь родственникам и знакомым, в том числе в уходе;

9) оказывали помощь деньгами или товарами родственникам и знакомым;

10) получали нематериальную помощь от родственников и знакомых;

11) имели в пользовании землю, вели натуральное хозяйство.

В анкете за 2013–2016 гг. годы отсутствовали вопросы, позволяющие сформировать переменную финансового поведения «оказывали нематериальную помощь родственникам и знакомым, в том числе в уходе». Остальные переменные остались неизменными, что позволило получить аналогичную структуру латентных кластеров.

На рисунке 1 представлена динамика описательных статистик по показателям, использованным для латентного кластерного анализа.

С 2019 года выросла доля домохозяйств, откладывавших сбережения, начиная с 15,3% в 2019 году до 20,7% в 2024 году, а также с 2020 года доля до-

[1] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 17.02.2026).

мохозяйств, помогавших деньгами или товарами родственникам и знакомым, с 33,3 до 49,4%. С 2021 года незначительно выросла доля домохозяйств, приобретавших акции и страховые продукты, получавших доход от владения активами, то есть демонстрировавших инвестиционное поведение, – с 6,3 до 7,6% в 2024 году. Другими словами, по большинству агрегированных видов финансовых стратегий наблюдается снижение активности домохозяйств, кроме сбережений и оказания финансовой помощи.

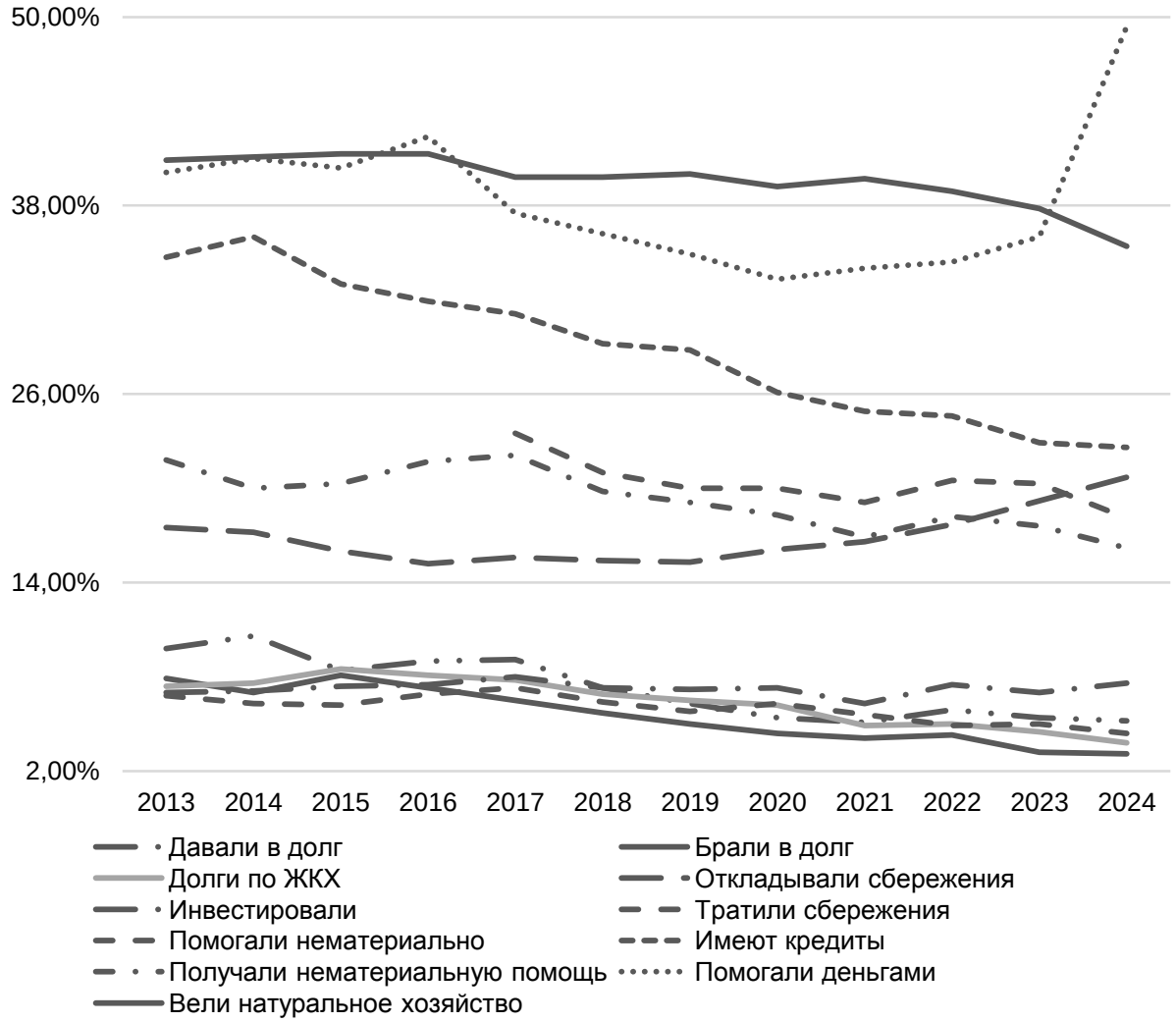

Рисунок 1 – Динамика долей домохозяйств, практикующих отдельные виды агрегированного финансового поведения, 2013–2024 гг. /
Figure 1 – Dynamics of the shares of households practicing individual types of aggregated financial behaviour, 2013-2024
Источник: составлен авторами по результатам расчетов.

Результаты исследования. Латентный кластерный анализ был применен к каждой волне отдельно, при этом устойчивое сходящееся решение получено для трех латентных кластеров. За период 2013–2016 гг., несмотря на отсутствие одного показателя, остальные остались неизменными, что позволило получить аналогичную структуру латентных кластеров. Однако в силу различий в составе показателей результаты за 2017–2024 и 2013–2016 гг. представлены отдельно. Значимость показателей для латентной

классификации за период 2017–2024 гг. представлена в таблице 1. Показатели, кроме оказания нематериальной помощи и ведения натурального хозяйства, которые для некоторых волн оказались незначимы для классификации, значимы для всех волн ($p<0,001$).

Для 2013–2016 гг. (табл. 2) все показатели оказались значимы для латентной классификации.

Таблица 1 – Коэффициенты латентного кластерного анализа и их значимость для классификации, 2017–2024 гг. / Table 1 – Coefficients of the latent class analysis and their significance for classification, 2017–2024

Переменные / Variables	**Коэффициент (стандартная ошибка) / Coefficient (standard error)**							
	2017 (n=7110)	**2018 (n=6930)**	**2019 (n=6849)**	**2020 (n=6764)**	**2021 (n=6767)**	**2022 (n=6709)**	**2023 (n=6654)**	**2024 (n=6672)**
Давали в долг	-2,06*** (0,08)	-2,19*** (0,09)	-2,50*** (0,10)	-2,50*** (0,10)	-2,50*** (0,13)	-2,43*** (0,11)	-2,44*** (0,10)	-2,54*** (0,13)
Брали в долг	-4,68*** (0,43)	-3,92*** (0,29)	-3,81*** (0,22)	-3,97*** (0,24)	-4,07*** (0,30)	-4,91*** (0,55)	-4,55*** (0,37)	-5,02*** (0,60)
Долги по ЖКХ	-4,01*** (0,26)	-4,03*** (0,31)	-3,98*** (0,24)	-3,94*** (0,25)	-4,26*** (0,29)	-4,53*** (0,36)	-4,47*** (0,37)	-5,33*** (0,78)
Откладывали сбережения	-1,00*** (0,06)	-1,04*** (0,06)	-1,14*** (0,06)	-1,06*** (0,07)	-0,96*** (0,07)	0,94*** (0,06)	-0,88*** (0,06)	-0,66** (0,07)
Инвестировали	-2,45*** (0,10)	-2,46*** (0,10)	-2,78*** (0,11)	-2,27*** (0,09)	-2,67*** (0,14)	-2,36*** (0,11)	-2,31*** (0,10)	-2,10*** (0,10)
Тратили сбережения	-2,18*** (0,08)	-2,37*** (0,09)	-2,51*** (0,09)	-2,43*** (0,09)	-2,56*** (0,12)	-2,80*** (0,12)	-2,63*** (0,11)	-2,62*** (0,11)
Помогали нематериально	-0,20*** (0,08)	-0,14 (0,10)	-0,47*** (0,05)	-0,20** (0,10)	-0,21* (0,12)	-0,23*** (0,09)	-0,11 (0,09)	-0,45*** (0,08)
Имеют кредиты	-1,33*** (0,09)	-1,20*** (0,08)	-1,46*** (0,09)	-1,31*** (0,07)	-1,52*** (0,11)	-1,57*** (0,10)	-1,51*** (0,09)	-1,66*** (0,13)
Получали нематериальную помощь	-1,30*** (0,06)	-1,24*** (0,07)	-1,48*** (0,06)	-1,26*** (0,07)	-1,32*** (0,07)	-1,23*** (0,07)	-1,18*** (0,06)	-1,29*** (0,07)
Помогали деньгами	1,68*** (0,21)	1,47*** (0,19)	1,79*** (0,35)	1,73*** (0,30)	1,78*** (0,25)	1,82*** (0,27)	1,70*** (0,22)	2,05*** (0,26)
Вели натуральное хозяйство	0,01 (0,05)	0,05 (0,06)	-0,09** (0,047)	-0,06 (0,05)	-0,02 (0,06)	-0,05 (0,05)	-0,39 (0,06)	-0,28*** (0,06)

Источник: составлена авторами по результатам расчетов.

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки оценки коэффициентов; * – коэффициент значим на 10%-м уровне, ** – на 5%-м, *** – на 1%-м.

Таблица 2 – Коэффициенты латентного кластерного анализа
и их значимость для классификации, 2013–2016 гг. /
Table 2 – Coefficients of the latent class analysis
and their significance for classification, 2013–2016

Переменные / Variables	**Коэффициент (стандартная ошибка) / Coefficient (standard error)**			
	2013 (n=8140)	**2014 (n=6761)**	**2015 (n=6866)**	**2016 (n=6993)**
Давали в долг	-1,25*** (0,12)	-0,91*** (0,13)	-1,58*** (0,13)	-4,09*** (0,40)
Брали в долг	-1,04*** (0,11)	-0,99*** (0,11)	-0,91*** (0,11)	-2,86*** (0,15)
Долги по ЖКХ	-1,19*** (0,16)	-1,05*** (0,12)	-1,08*** (0,11)	-2,39*** (0,13)
Откладывали сбережения	-2,00*** (0,16)	-2,00*** (0,18)	-2,94*** (0,26)	-3,19*** (0,34)
Инвестировали	-1,50*** (0,11)	-1,37*** (0,11)	-1,57*** (0,18)	-3,94*** (0,34)
Тратили сбережения	-1,90*** (0,13)	-2,05*** (0,14)	-2,47*** (0,16)	-3,52*** (0,20)
Имеют кредиты	1,18*** (0,16)	1,35*** (0,17)	1,42*** (0,21)	-0,85*** (0,08)
Получали нематериальную помощь	-0,85*** (0,09)	-0,80*** (0,10)	-0,98*** (0,09)	-1,31*** (0,063)
Помогали деньгами	-0,24** (0,11)	-0,32*** (0,10)	-0,56*** (0,10)	-1,47*** (0,17)
Вели натуральное хозяйство	-0,31*** (0,09)	-0,32*** (0,10)	-0,43*** (0,08)	-0,77*** (0,07)

Источник: составлена авторами по результатам расчетов.

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки оценки коэффициентов; * – коэффициент значим на 10%-м уровне, ** – на 5%-м, *** – на 1%-м.

Для 2017–2024 гг. самая высокая вероятность (больше 0,5) принадлежности характерна для первого кластера, то есть он является самым большим (табл. 3). Предельная вероятность колеблется от 0,506 в 2019 г. до 0,578 в 2023 г. Второй кластер – самый малочисленный, предельная вероятность принадлежности к нему колеблется от 0,083 в 2023 г. до 0,146 в 2019 г. Третий кластер является последним по размеру, и предельная вероятность принадлежности к нему варьирует от 0,331 в 2020 и 2022 гг. до 0,357 в 2024 г.

Таблица 3 – Предельные вероятности принадлежности к латентным кластерам, 2017–2024 гг. /
Table 3 – Marginal probabilities of belonging to latent clusters, 2017–2024

Кластеры / Clusters	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
1	0,510 (0,467; 0,552)	0,544 (0,495; 0,591)	0,506 (0,466; 0,546)	0,576 (0,5234 0,628)	0,543 (0,495; 0,590)	0,557 (0,511; 0,602)	0,578 (0,533; 0,622)	0,535 (0,486; 0,583)
2	0,136 (0,112; 0,164)	0,111 (0,086; 0,143)	0,146 (0,116; 0,180)	0,092 (0,071; 0,119)	0,132 (0,102; 0,169)	0,111 (0,087; 0,143)	0,083 (0,062; 0,111)	0,108 (0,077; 0,150)
3	0,354 (0,314; 0,395)	0,344 (0,301; 0,391)	0,349 (0,311; 0,388)	0,331 (0,282; 0,384)	0,326 (0,278; 0,377)	0,331 (0,289; 0,376)	0,339 (0,296; 0,384)	0,357 (0,306;0, 411)

Источник: составлена авторами по результатам расчетов.

В таблице 4 представлены предельные вероятности принадлежности к латентным кластерам. Как и в период 2017–2024 гг., первый кластер имеет самую большую предельную вероятность, на втором месте – третий кластер, на последнем – второй.

Интерпретацию кластеров можно сформировать на основании предельной вероятности для каждого показателя по кластерам, представленным для периода 2017–2024 гг. в таблице 5.

Видно, что первый, самый большой латентный кластер, по сути, можно назвать универсальным с точки зрения типов финансового поведения вошедших в него домохозяйств. Ни одна из переменных не принимает максимального значения предельной вероятности в данном кластере, то есть ни один из видов финансового поведения не является доминирующим у домохозяйств, входящих в него. Их финансовая стратегия является комбинированной, зависит от конкретной ситуации и состоит из сочетания в небольших пропорциях всех видов финансового поведения.

Таблица 4 – Предельные вероятности принадлежности к латентным кластерам, 2013–2016 гг. /
Table 4 – Marginal probabilities of belonging to latent clusters, 2013–2016

Кластеры / Clusters	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
1	0,385 (0,323; 0,450)	0,490 (0,437; 0,543)	0,497 (0,419; 0,576)	0,455 (0,386; 0,525)
2	0,183 (0,147; 0,227)	0,168 (0,138; 0,202)	0,190 (0,154; 0,232)	0,161 (0,130; 0,197)
3	0,432 (0,382; 0,481)	0,343 (0,288; 0,402)	0,313 (0,239; 0,397)	0,385 (0,323; 0,450)

Источник: составлена авторами по результатам расчетов.

Второй, являющийся наименьшим из трех кластеров, можно охарактеризовать как активный с выраженным уклоном в заимствующее финансовое поведение. Домохозяйства данного кластера имеют кредиты, берут и дают в долг, имеют долги по оплате ЖКУ, инвестируют, тратят и получают нематериальную помощь от родственников и знакомых.

Таблица 5 – Предельные вероятности для показателей по латентным кластерам, 2017–2024 гг. /
Table 5 – Marginal probabilities for variables by latent clusters, 2017–2024

№	Переменные / Variables	Предельная вероятность по кластерам / Marginal probability by cluster							
		2017	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
1	Давали в долг	0,047	0,034	0,024	0,027	0,017	0,022	0,023	0,006
	Брали в долг	0,043	0,033	0,028	0,018	0,017	0,019	0,016	0,013
	Долги по ЖКХ	0,069	0,054	0,047	0,043	0,029	0,035	0,030	0,025
	Откладывали сбережения	0,102	0,101	0,102	0,118	0,118	0,122	0,144	0,123
	Инвестировали	0,048	0,052	0,036	0,046	0,031	0,045	0,038	0,036
	Тратили сбережения	0,050	0,044	0,037	0,047	0,030	0,030	0,028	0,014
	Помогали нематериально	0,039	0,019	0,044	0,052	0,042	0,043	0,039	0,031
	Имеют кредиты	0,250	0,253	0,219	0,210	0,182	0,203	0,189	0,193
	Получали нематериальную помощь	0,176	0,152	0,164	0,137	0,121	0,127	0,129	0,107
	Помогали деньгами	0,040	0,075	$3*10^{-7}$	0,045	0,050	0,031	0,073	0,219
	Вели натуральное хозяйство	0,328	0,348	0,349	0,350	0,344	0,337	0,318	0,326
2	Давали в долг	**0,200**	**0,180**	**0,168**	**0,141**	**0,131**	**0,182**	**0,170**	**0,208**
	Брали в долг	**0,288**	**0,288**	**0,197**	**0,292**	**0,199**	**0,273**	**0,236**	**0,201**
	Долги по ЖКХ	**0,268**	**0,297**	**0,243**	**0,339**	**0,217**	**0,244**	**0,288**	**0,213**
	Откладывали сбережения	0,069	0,074	0,117	0,081	0,091	0,140	0,113	0,184
	Инвестировали	**0,200**	**0,156**	**0,229**	**0,162**	**0,187**	**0,190**	**0,215**	**0,167**
	Тратили сбережения	0,085	**0,096**	**0,088**	**0,096**	**0,124**	**0,121**	**0,133**	**0,115**
	Помогали нематериально	0,412	0,356	0,300	0,232	0,174	0,313	0,243	0,237
	Имеют кредиты	**0,807**	**0,671**	**0,768**	**0,757**	**0,697**	**0,681**	**0,704**	**0,604**
	Получали нематериальную помощь	**0,405**	**0,341**	**0,305**	**0,341**	**0,264**	**0,329**	**0,268**	**0,256**
	Помогали деньгами	0,413	0,363	0,344	0,276	0,258	0,375	0,377	0,559
	Вели натуральное хозяйство	0,393	0,292	0,397	0,322	0,376	0,362	0,339	0,240
3	Давали в долг	0,113	0,101	0,076	0,076	0,076	0,081	0,080	0,073
	Брали в долг	0,009	0,019	0,022	0,019	0,017	0,007	0,011	0,007
	Долги по ЖКХ	0,018	0,017	0,018	0,019	0,014	0,011	0,011	0,005
	Откладывали сбережения	**0,268**	**0,262**	**0,242**	**0,258**	**0,276**	**0,282**	**0,293**	**0,340**
	Инвестировали	0,079	0,079	0,058	0,094	0,065	0,087	0,090	0,109
	Тратили сбережения	**0,102**	0,085	0,075	0,081	0,072	0,057	0,067	0,068
	Помогали нематериально	**0,450**	**0,465**	**0,384**	**0,449**	**0,447**	**0,442**	**0,474**	**0,389**
	Имеют кредиты	0,210	0,231	0,188	0,212	0,180	0,173	0,180	0,160

№	Переменные / Variables	Предельная вероятность по кластерам / Marginal probability by cluster							
		2017	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
	Получали нематериальную помощь	0,214	0,224	0,185	0,220	0,210	0,227	0,234	0,217
	Помогали деньгами	**0,843**	**0,813**	**0,856**	**0,850**	**0,856**	**0,860**	**0,846**	**0,886**
	Вели натуральное хозяйство	**0,503**	**0,511**	**0,477**	**0,484**	**0,494**	**0,487**	**0,490**	**0,429**

Источник: составлена авторами по результатам расчетов.

Примечание: жирным шрифтом выделены предельные вероятности, максимальные для данной переменной по трем латентным кластером в данном году.

Третий кластер, составляющий около трети всех домохозяйств, характеризуется более взвешенной финансовой стратегией. Доминирует ведение натурального хозяйства, сберегательное поведение, а также оказание материальной и нематериальной помощи родственникам и знакомым.

Для краткости далее будем именовать домохозяйства первого кластера «универсалами» в силу их комбинированной стратегии, второго – «должниками» из-за доминирования заимствующего поведения, третьего – «помощниками» из-за превалирования паттернов оказания помощи.

Для периода 2013–2016 гг. интерпретация латентных кластеров аналогична полученной для периода 2017–2024 гг., несмотря на отсутствие одного признака поведения в классификации. В соответствии с предельными вероятностями для переменных по кластерам (табл. 6), первый кластер также характеризуется отсутствием доминирующего финансового поведения, у второго превалирует долговое, заимствующее поведение и финансовая активность в целом, кроме сбережений, которые в большей степени характерны для членов третьего кластера, которые также имеют склонность к оказанию помощи родственникам и знакомым и ведению натурального хозяйства.

Таблица 6 – Предельные вероятности для показателей по латентным кластерам, 2013–2016 гг. /
Table 6 – Marginal probabilities for variables by latent clusters, 2013–2016

№	Переменные / Variables	Предельная вероятность по кластерам / Marginal probability by cluster			
		2013	**2014**	**2015**	**2016**
1	Давали в долг	0,002	$2{,}2*10^{-7}$	0,007	0,016
	Брали в долг	0,062	0,041	0,035	0,054
	Долги по ЖКХ	0,073	0,059	0,066	0,084
	Откладывали сбережения	$5{,}4*10^{-8}$	0,002	0,060	0,039
	Инвестировали	0,024	0,023	0,016	0,019
	Тратили сбережения	0,005	0,021	0,025	0,029
	Имеют кредиты	0,352	0,342	0,239	0,300
	Получали нематериальную помощь	0,204	0,189	0,166	0,212
	Помогали деньгами	0,186	0,263	0,250	0,187
	Вели натуральное хозяйство	0,349	0,372	0,371	0,317
2	Давали в долг	**0,223**	**0,272**	**0,170**	**0,250**
	Брали в долг	**0,261**	**0,271**	**0,287**	**0,300**
	Долги по ЖКХ	**0,234**	**0,258**	**0,254**	**0,247**
	Откладывали сбережения	0,119	0,119	0,050	0,107
	Инвестировали	**0,182**	**0,203**	**0,172**	**0,212**
	Тратили сбережения	**0,131**	**0,114**	0,078	**0,141**
	Имеют кредиты	**0,764**	**0,793**	**0,806**	**0,762**

№	Переменные / Variables	Предельная вероятность по кластерам / Marginal probability by cluster			
		2013	2014	2015	2016
	Получали нематериальную помощь	**0,300**	**0,310**	**0,273**	**0,271**
	Помогали деньгами	0,441	0,421	0,364	0,486
	Вели натуральное хозяйство	0,442	0,398	0,394	0,439
3	Давали в долг	0,130	0,169	0,153	0,110
	Брали в долг	0,016	0,012	0,028	$1{,}5*10^{-8}$
	Долги по ЖКХ	0,006	0,012	0,011	0,007
	Откладывали сбережения	**0,354**	**0,442**	**0,386**	**0,304**
	Инвестировали	0,064	0,075	0,107	0,083
	Тратили сбережения	0,097	0,099	**0,113**	0,088
	Имеют кредиты	0,165	0,174	0,186	0,157
	Получали нематериальную помощь	0,195	0,162	0,218	0,201
	Помогали деньгами	**0,576**	**0,616**	**0,672**	**0,677**
	Вели натуральное хозяйство	**0,456**	**0,474**	**0,492**	**0,516**

Источник: составлена авторами по результатам расчетов.

Примечание: жирным шрифтом выделены предельные вероятности, максимальные для данной переменной по трем латентным кластером в данном году

Обсуждение и заключения. Можно отметить высокую устойчивость полученного решения за восемь лет. Значимость переменных, размер латентных кластеров и их интерпретация остаются очень схожими за весь период исследования. Несмотря на небольшое отличие показателей в первых четырех волнах, структура латентных кластеров остается очень схожей за весь период исследования. На рисунке 2 представлена динамика предельных вероятностей принадлежности к латентным кластерам.

Видно, что хотя изменения не являются значительными, но тем не менее есть тенденция к снижению предельной вероятности для кластера «должников», снижению с последующей стабилизацией для кластера «помощников», и росту для кластера без выраженной доминирующей финансовой стратегии «универсалов».

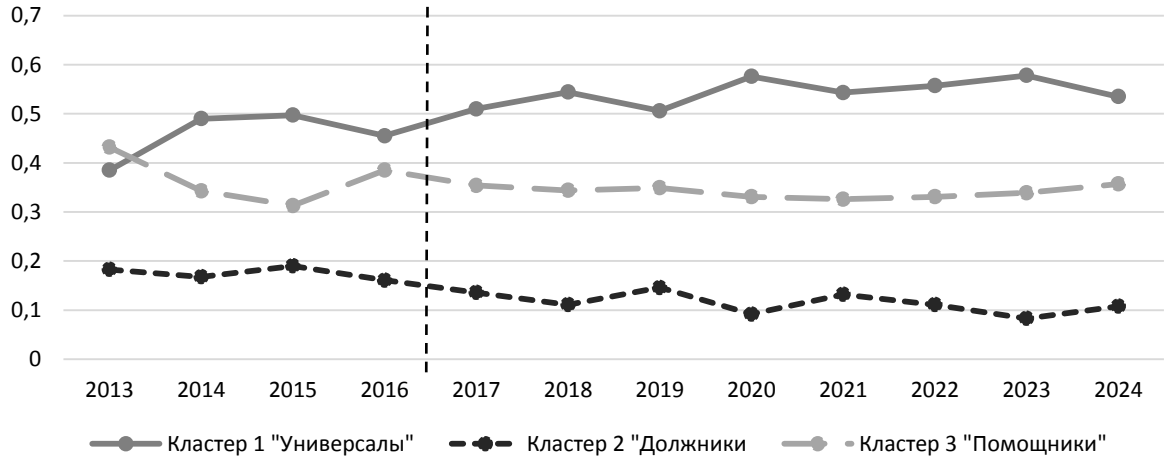

Рисунок 2 – Динамика предельных вероятностей принадлежности к латентным кластерам, 2013–2024 гг. /

Figure 2 – Dynamics of marginal probabilities of belonging to latent clusters, 2013–2024

Источник: составлен авторами по результатам расчетов.

Примечание: пунктиром обозначено изменение числа переменных вследствие преобразования вопросов анкеты.

На рисунке 3 представлена динамика численностей латентных кластеров, в целом повторяющая динамику предельных вероятностей.

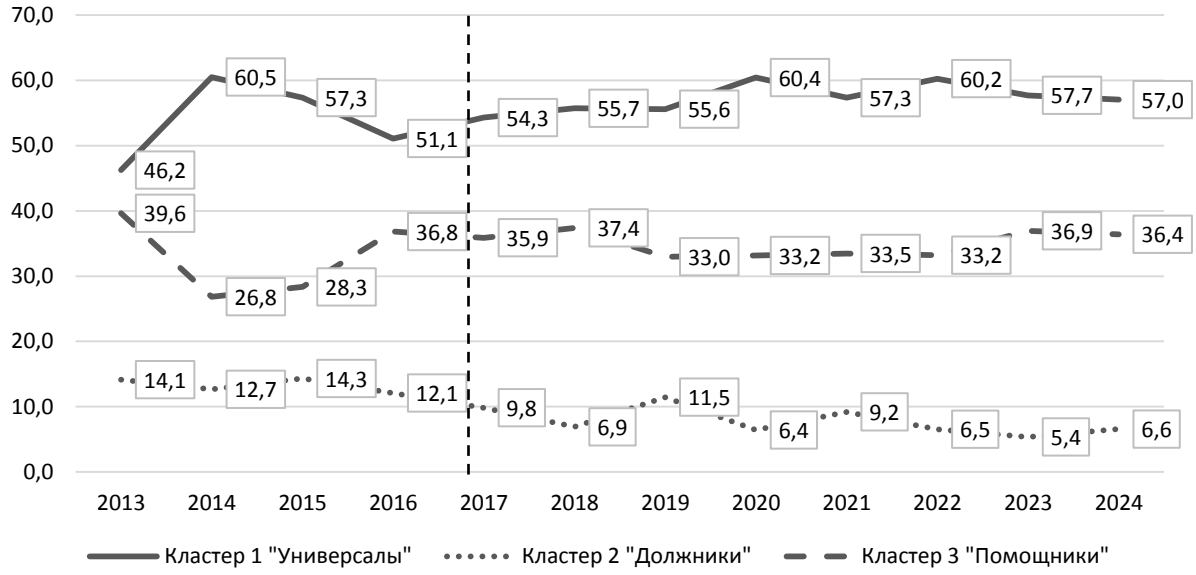

Рисунок 3 – Динамика размеров латентных кластеров, 2013–2024 гг. /
Figure 3 – Dynamics of latent cluster sizes, 2013–2024

Источник: составлен авторами по результатам расчетов.

Примечание: пунктиром обозначено изменение числа переменных вследствие преобразования вопросов анкеты.

Интерес также представляет оценка доли домохозяйств, изменивших латентную стратегию в течение исследования и сохранивших ее. Для этого были построены матрицы перехода и на их основе тепловые карты устойчивости кластеров, представленные на рисунках 4 и 5 за периоды 2017–2024 гг. и 2013–2016 гг. соответственно, позволяющие охарактеризовать устойчивости выделенных кластеров при переходе от года к году.

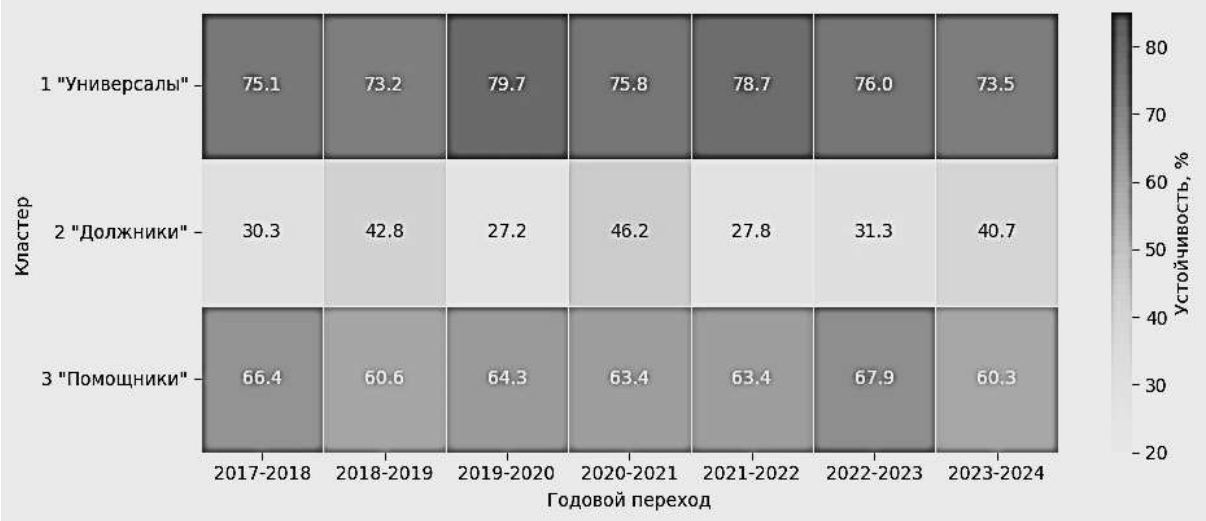

Рисунок 4 – Тепловая карта устойчивости латентных кластеров, 2017–2024 гг. /
Figure 4 – Heat map of latent cluster persistence, 2017–2024

Источник: составлен авторами по результатам расчетов.

За период 2017–2024 гг. самой стабильной группой оказались домохозяйства «универсалов» – в среднем около 75% оставались в своем кластере, чуть менее стабильными были семьи «помощников» (около 63–68%). Наименьшую устойчивость стратегии демонстрировали домохозяйства «должников», доля сохраняющих стратегию как основную от года к году колебалась в диапазоне 27–46%.

Рисунок 5 – Тепловая карта устойчивости латентных кластеров, 2013–2016 гг. /
Figure 5 – Heat map of latent cluster persistence, 2013–2016
Источник: составлен авторами по результатам расчетов.

За период 2013–2016 гг. была выявлена различная степень устойчивости латентных кластеров. Наиболее стабильным оставался «универсальный» кластер (более 70% домохозяйств), хотя доля реализующих данную стратегию постепенно сокращается. Устойчивость второго и третьего кластеров постепенно возрастает, что свидетельствует о закреплении соответствующих стратегий финансового поведения. При переходе из 2014 в 2015 г. и из 2015 в 2016 г. латентные кластеры становятся более стабильными.

На рисунке 6 представлены результаты анализа устойчивости сформированных латентных кластеров, проведенного на массивах 2013–2016 гг. и 2017–2024 гг., которые подтверждают выявленные закономерности. Наиболее устойчивым остается кластер «универсалов», который в течение всего периода характеризуется максимальной долей домохозяйств, сохранивших выбранную стратегию финансового поведения. Группа «помощников» демонстрирует средний уровень устойчивости, после 2016 г. этот кластер становится более стабильным. Наименьшей устойчивостью характеризуется кластер «должников» с наиболее заметными всплесками активности в 2014–2015, 2018–2019, 2020–2021 гг. Следует отметить, что к концу анализируемого периода наблюдается стабилизация выбранных стратегий финансового поведения домохозяйств.

Таким образом, выявленные латентные кластеры, описывающие стратегии финансового поведения домохозяйств, демонстрируют высокую устойчивость в течение 2013–2024 гг. даже при условии частичного изменения состава переменных после 2016 г. Наиболее стабильными являются домохозяй-

ства «универсалов» (около 75% сохраняют приверженность данной стратегии), а наименьшая устойчивость характерна для «должников» (доля не изменивших стратегию варьирует от 27 до 46%).

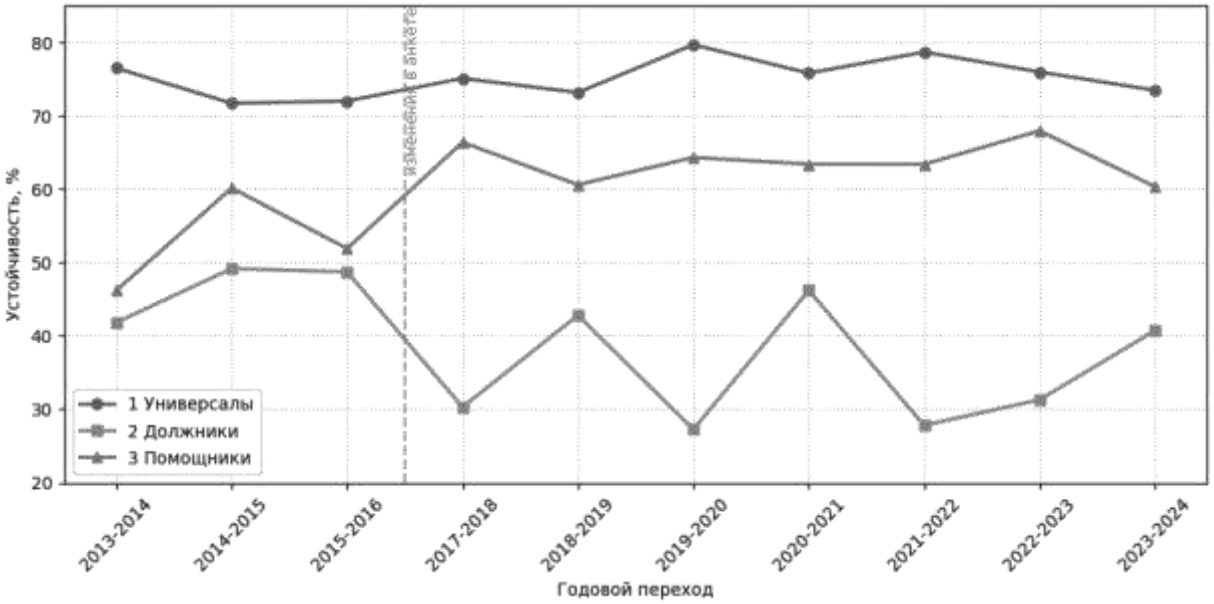

Рисунок 6 – Динамика устойчивости латентных кластеров, 2013–2024 гг. /
Figure 6 – Dynamics of latent cluster persistence, 2013–2024

Источник: составлен авторами по результатам расчетов.

Примечание: пунктиром обозначено изменение числа переменных вследствие преобразования вопросов анкеты.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что доля домохозяйств, активно демонстрирующих различные виды финансово-экономического поведения, невелика, а устойчивость такой стратегии во времени низкая: значительная часть этих домохозяйств со временем переходит в другие кластеры.

Наиболее стабильная стратегия поведения домохозяйств характеризуется склонностью к откладыванию сбережений, ведению натурального хозяйства и оказанию материальной и нематериальной помощи родственникам и знакомым. Доля таких домохозяйств составляет около трети выборки на всем периоде исследования. Большинство же домохозяйств понемногу комбинируют все типы финансово-экономического поведения, предположительно адаптируясь к изменениям как внешним, так и внутри самого домохозяйства. При этом практически не выявлено значительных изменений в типах стратегий домохозяйств при возникновении внешних макроэкономических шоков, что может быть свидетельством как инерционности стратегий жизнеобеспечения, так и их обусловленности внутренними характеристиками членов домохозяйства.

Список литературы

1. Chambers R., Conway G.R. Sustainable Rural Livelihoods: Practical Concepts for the 21st Century. IDS Discussion Paper 296. – Brighton: IDS, 1992.

2. Ellis F. Rural Livelihoods and Diversity in Developing Countries. – New York: Oxford University Press, 2000.

3. Barrett C.B., Constas M.A. Toward a theory of resilience for international development applications // Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A. 2014; 111(40): 14625-14630. – DOI: 10.1073/pnas.1320880111.

4. The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity / ed. by A. Ledeneva. – London: UCL Press. 2018. – Vol. 1. – DOI: 10.14324/111.9781911307907.

5. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury Academic, 2011.

6. Banerje J., Duflo E. Poor Economics. A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. – New York: Public Affairs, 2011.

7. Mosley P., Verschoor A. Risk Attitudes and the 'Vicious Circle of Poverty' // The European Journal of Development Research. 2005;7:59-88. – DOI: 10.1080/09578810500066548.

8. Ravallion M., Lokshin M. Identifying Welfare Effects from Subjective Questions. // Economica. 2001;8:335-357. – DOI: 10.1111/1468-0335.00250

9. Ravallion M., Lokshin M. Self-rated economic welfare in Russia // European Economic Review. 2002;46(8):1453-1473. – DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00151-9.

10. Карабчук Т., Нагерняк М. Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики. 2013;11(1):25-48.

11. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.

12. Ниворожкина Л.И., Синявская Т.Г. Моделирование воздействия экономических факторов на рост социальной напряженности. Финансовые исследования. 2017;1(54):8-20 [Электронный ресурс]. – URL: https://finis.rsue.ru/2017_%E2%84%961/2017-1.pdf (дата обращения 10.02.2026)

13. Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А. Моделирование оценок субъективной удовлетворенности в социально-экономических исследованиях. Финансы и бизнес. 2023;19(1):1-15. – DOI: 10.31085/1814-4802-2023-19-1-136-3-15.

References

1. Chambers R., Conway G.R. Sustainable Rural Livelihoods: Practical Concepts for the 21st Century. IDS Discussion Paper 296. – Brighton: IDS, 1992.

2. Ellis F. Rural Livelihoods and Diversity in Developing Countries. – New York: Oxford University Press, 2000.

3. Barrett C.B., Constas M.A. Toward a theory of resilience for international development applications // Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A. 2014; 111(40): 14625-14630. – DOI: 10.1073/pnas.1320880111.

4. The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity / ed. by A. Ledeneva. – London: UCL Press. 2018. – Vol. 1. – DOI: 10.14324/111.9781911307907.

5. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury Academic, 2011.

6. Banerje J., Duflo E. Poor Economics. A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. – New York: Public Affairs, 2011.

7. Mosley P., Verschoor A. Risk Attitudes and the 'Vicious Circle of Poverty' // The European Journal of Development Research. 2005;7:59-88. – DOI: 10.1080/09578810500066548.

8. Ravallion M., Lokshin M. Identifying Welfare Effects from Subjective Questions. // Economica. 2001;8:335-357. – DOI: 10.1111/1468-0335.00250

9. Ravallion M., Lokshin M. Self-rated economic welfare in Russia // European Economic Review. 2002;46(8):1453-1473. – DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00151-9.

10. Karabchuk T., Nagernyak M. Determinants of Employment for Mothers in Russia // The Journal of Social Policy Studies. 2013;1(1):25-48.

11. Tikhonova N.E. Social Structure of Russia: Theories and Reality. – M.: Novyi Khronograf: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2014.

12. Nivorozhkina L.I., Sinyavskaya T.G. Modeling the impact of economic factors on the growth of social tension. Financial Research. 2017;1(54):8-20 [Electronic resource]. – Access mode: https://finis.rsue.

ru/2017_%E2%84%961/2017-1.pdf (accessed: 10.02.2026).

13. Nivorozhkina L.I., Tregubova A.A. Modeling of subjective satisfaction assessments in socio-economic research. Finance and business. 2023;19(1):1-15. – DOI: 10.31085/1814-4802-2023-19-1-13 6-3-15.

Об авторах:

Ниворожкина Людмила Ивановна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики, эконометрики и оценки рисков ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Трегубова Александра Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69);

Синявская Татьяна Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А., Синявская Т.Г.

About the Authors:

Ludmila I Nivorozhkina, Doctor of Economics, Professor, Head of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Alexandra A Tregubova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.);

Tatiana G Sinyavskaya, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

Conflict of Interest: the authors declare no conflict of interest.

The article was submitted on 24.06.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 L. Nivorozhkina, A. Tregubova, T. Sinyavskaya

УДК 330.567.2:519.237.8 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.26.78.013

Детерминанты кредитного поведения российских домохозяйств

Герасимова И.А.[1]
1 Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

gerasimovai@inbox.ru

Аннотация

Введение. Кредитное поведение является одним из основных типов финансового поведения. Несмотря на то что кредиты физическим лицам выдаются конкретным индивидам, как правило, домохозяйства как принимают общие решения о крупных покупках в кредит, так и несут совместное бремя кредитных платежей. Поэтому актуальным является исследование детерминант кредитного поведения российских домохозяйств.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, данные 33-й волны за 2024 год (4881 наблюдение). Использован инструментарий бинарной логистической регрессии, рассчитаны коэффициенты отношения шансов и 95%-е доверительные интервалы.

Результаты исследования. За последние десять лет суммы выданных физическим лицам кредитов, по данным Банка России, выросли в 2,6 раза, за последний год, с июня 2025 г. по июнь 2026 г., почти на 5%. Основную долю при этом составляют долгосрочные кредиты – на срок свыше трех лет (78,2% от общей суммы выданных кредитов) либо, наоборот, краткосрочные – на срок до 30 дней (14,8%). Оценена статистически значимая модель, включающая в качестве детерминантов кредитного поведения демографический тип домохозяйства, число членов домохозяйства, тип поселения, среднедушевой доход и субъективные оценки материального благосостояния.

Обсуждение и заключения. В настоящее время кредитное поведение населения не является очень активным. В основном непогашенные кредиты имеют большие домохозяйства с детьми или без детей, с достаточно высоким уровнем среднедушевого дохода (от третьего доходного квинтиля и выше), удовлетворенные материальным положением. Другими словами, кредиты домохозяйства берут на дорогостоящие товары и жилье, что требует высокого дохода для уплаты кредитных платежей.

Ключевые слова: кредитное поведение, домохозяйства, бинарная логистическая регрессия, отношение шансов.

Для цитирования. Герасимова И.А. Детерминанты кредитного поведения российских домохозяйств. *Учет и статистика.* 2026;3(23):158-166. doi: 10.54220/1994-0874.2026.26.78.013.

JEL: D14, D12 Research article

Determinants of the Credit Behavior of Russian Households

Gerasimova I.A.[1]
1 Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation, Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.

gerasimovai@inbox.ru

Abstract

Introduction. Credit behavior is one of the main types of financial behavior. Despite the fact that loans to individuals are given to specific individuals, as a rule, households both

make joint decisions about large purchases on credit and bear the joint burden of loan payments. Therefore, it is relevant to study the determinants of the credit behavior of Russian households.

Materials and Methods. The empirical basis of the study includes data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS HSE), 33 waves of data for 2024 (4,881 observations). Binary logistic regression tools were used, odds ratios and 95% confidence intervals were calculated.

Results. According to the Bank of Russia, over the past ten years, the amount of loans granted to individuals has increased 2.6 times, and over the past year, from June 2025 to June 2026, by almost 5%. The main share is made up of long-term loans (for a period of more than three years) – 78.2% of the total amount of loans issued, or vice versa, short-term loans – for up to 30 days (14.8%). A statistically significant model is evaluated, which includes the demographic type of household, the number of household members, the type of settlement, the average per capita income and subjective estimates of material well-being as determinants of credit behavior.

Discussion and Conclusions. Currently, the credit behavior of the population is not very active. Most of the outstanding loans are held by large households with or without children, with a fairly high level of average per capita income (from the third income quintile and above), satisfied with the financial situation. In other words, households borrow for expensive goods and housing, which requires a high income to pay loan payments.

Keywords: credit behavior, households, binary logistic regression, odds ratio

For citation. Gerasimova I.A. Determinants of the Credit Behavior of Russian Households. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):158-166. doi: 10.54220/1994-0874.2026.26.78.013.

Введение. Кредитование позволяет индивидам и домохозяйствам не откладывать приобретение товаров и услуг, особенно дорогостоящих, таких как недвижимость, автомобили и так далее, однако создает и ряд рисков, связанных с обслуживанием кредита, возрастающих в периоды экономической турбулентности. Последние несколько лет ознаменовались ростом ключевой ставки, что негативно сказалось на стоимости кредита. В связи с этим актуальным является исследование распространенности кредитного поведения, а также выявление влияющих на него факторов.

Несмотря на то что кредиты в России выдаются конкретным индивидам, являющимся заемщиками, решения о приобретении блага в кредит, как правило, принимаются домохозяйствами. Особенно это касается крупных кредитов, таких как ипотечные и автомобильные. Аналогично и бремя погашения кредита члены домохозяйства несут совместно, в связи с чем актуальным является исследование кредитного поведения домохозяйств.

Исследования по кредитному поведению населения в России и странах мира в настоящее время многообразны и привлекают различные статистические методы. Часть из них носит описательный характер, часть имеет выраженную количественную направленность.

Из недавних зарубежных исследований можно отметить работу Akana T. и Zeballos Doubinko V., выполненную по данным LIFE Survey (общенациональная выборка США, около 5000 респондентов на волну за 2023–2025 годы) [1]. Авторы изучают феномен «покупай сейчас, плати потом» (BNPL) и показывают, что пользователи BNPL – это чаще молодёжь и лица со средним доходом, уже имеющие другие кредитные продукты, причём регулярное использо-

вание BNPL коррелирует с более высокой просрочкой по обязательствам.

Отчёт Европейского надзорного органа (European Banking Authority, 2025), основанный на агрегированных данных 27 стран ЕС, Евростата и ЕЦБ за 2022–2023 годы, фиксирует рост доли заёмщиков, направляющих на обслуживание долгов более 30% дохода, и увеличение числа жалоб на скрытые комиссии [2].

В исследовании Stavins J. [4] на основе данных отчётности крупных банков США за 2015–2024 годы (миллионы счетов по кредитным картам) проверяется гипотеза о повышенном риске карт, выпущенных в 2022–2024 годах. Автор показывает, что карты постковидного периода демонстрируют более высокую вероятность раннего дефолта, что связано с временным смягчением андеррайтинговых стандартов.

Из российских исследований можно выделить работу Стребкова Д.О. и Грибановой О.Б. [11], где авторы разработали эмпирическую типологию финансового поведения, основанную на отношении населения к денежным средствам, сбережениям и долгам. По выделенным типам финансового поведения были сформулированы позитивные, негативные и нейтральные установки по отношению к кредиту.

Отметим работы Ниворожкиной Л.И. [6; 7; 8 и др.]. Самостоятельно и с соавторами она разрабатывает концепцию влияния факторов на кредитное поведение населения на основании современных статистических методов. Основные выводы исследований связаны с влиянием кредитования на благосостояние и потребление: кредитные платежи сокращают располагаемые ресурсы домохозяйств и усиливают экономическое неравенство. Заемщики по долгосрочным кредитам, таким как ипотечные и автокредиты, в среднем имеют более высокие доходы, но и обладают повышенной кредитной нагрузкой по сравнению с теми, у кого есть потребительские кредиты, что повышает риски снижения уровня жизни.

Синяков А.А. и Шелованова Т.И. [3], основываясь на данных пятой волны Всероссийского обследования потребительских финансов Банка России и региональных ставках по кредитам, оценивают эластичность спроса на потребительские кредиты. Авторы показывают, что спрос на кредиты в России значимо, но слабее реагирует на процентную ставку, чем в развитых странах: низкодоходные и уже закредитованные заёмщики при росте ставок переключаются на более дорогие альтернативы (микрофинансовые организации – МФО), ограничивая эффективность денежно-кредитной политики.

Тихонова Н.Е. [12], опираясь на панельные данные мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, анализирует дивергенцию финансового поведения россиян под влиянием пандемии и санкционных шоков. Она фиксирует поляризацию: беднейшие слои резко увеличивают кредитование для покрытия текущих расходов, формируя долговую яму, тогда как средние и верхние доходные группы переходят к гиперсбережениям.

Ярашева А.В., Аликперова Н.В. и Марков Д.И. [13] на основе авторского социологического опроса молодёжи России исследуют кредитное поведение возрастной когорты 17–30 лет. Их анализ показывает, что младшая подгруппа (17–20 лет) воспринимает кредит как быстрые деньги и часто прибегает к микрозаймам, тогда как старшая (21 год – 30 лет) использует кредиты для приобретения техники или оплаты обучения, но демонстрирует лучшую финансовую грамотность; авторы констатируют высокие риски долговой зависимости до 25 лет.

Новиков О. и Козлов Н. [9], используя данные опросов общественного мнения и официальную статистику Банка России, изучают связь между кре-

дитной нагрузкой российских домохозяйств и их социально-политическими установками.

Таким образом, имеется значительный задел исследований по поводу влияния факторов на интенсивность и особенности кредитного поведения российских домохозяйств. Интерес представляет изучение данного феномена в настоящее время, в условиях экономической турбулентности и высоких ставок по кредитам.

Материалы и методы. Кредитование населения, то есть сектора физических лиц, в Российской Федерации имеет тенденцию к росту на протяжении ряда последних лет. Несмотря на замедление темпов роста в течение последнего года, общий тренд тем не менее в долгосрочном периоде имеет повышательный характер (рис. 1). В апреле 2026 года сумма выданных физическим лицам кредитов превысила 38 600 млрд руб., прирост с февраля 2016 года составил 2,6 раза, за год (с июня 2025 по июнь 2026 года) – почти 5%. При этом 78,2% занимают кредиты на срок свыше трех лет и 14,8% – на срок до 30 дней. Кредиты остальной срочности составляют значительно меньшие доли.

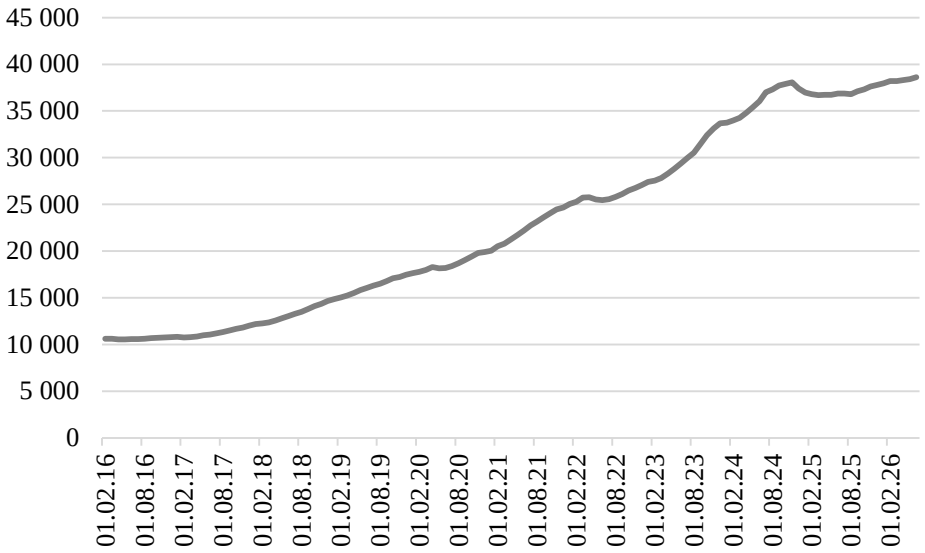

Рисунок 1 – Динамика объемов кредитов, предоставленных физическим лицам, млрд руб., февраль 2016 г. – июнь 2026 г. /
Figure 1 – Dynamics of loans granted to individuals, billion rubles, February 2016 – June 2026
Источник: построен автором по данным Банка России [5].

Эмпирическая база исследования включает данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, данные 33-й волны за 2024 год. Выборка формировалась по домохозяйствам и составила 4881 наблюдение.

Наличие или отсутствие у домохозяйства активного кредитного поведения в данный момент определялось по ответу на вопрос «На сегодняшний день у Вашей семьи есть какие-то невыплаченные кредиты?» Таких домохозяйств оказалось 18,3%, то есть у большей части домохозяйств кредитное поведение в настоящий момент отсутствовало. При этом в течение последнего года брали кредит только 6% домохозяйств. 38,4% из них были потребительскими кредитами (на любые цели), 27,3% – на покупку определенного товара в магазине, 22,5% – на приобретение автомобиля, 8% составили ипотечные кредиты. Остальные кредиты брались на оплату образования и конкретной услуги.

Другими словами, в основном в кредит приобретались дорогостоящие товары и недвижимость.

39,2% домохозяйств представляют собой семьи из трех и более человек с детьми, 19% – пенсионеры-одиночки, 11,1% – одиночки с одним ребенком, 11,0% – непенсионеры-одиночки, 10% – семьи из двух человек в браке без детей, 8,1% – семьи из двух человек не в браке без детей, 1,6% – семьи из трех и более человек без детей (рис. 2).

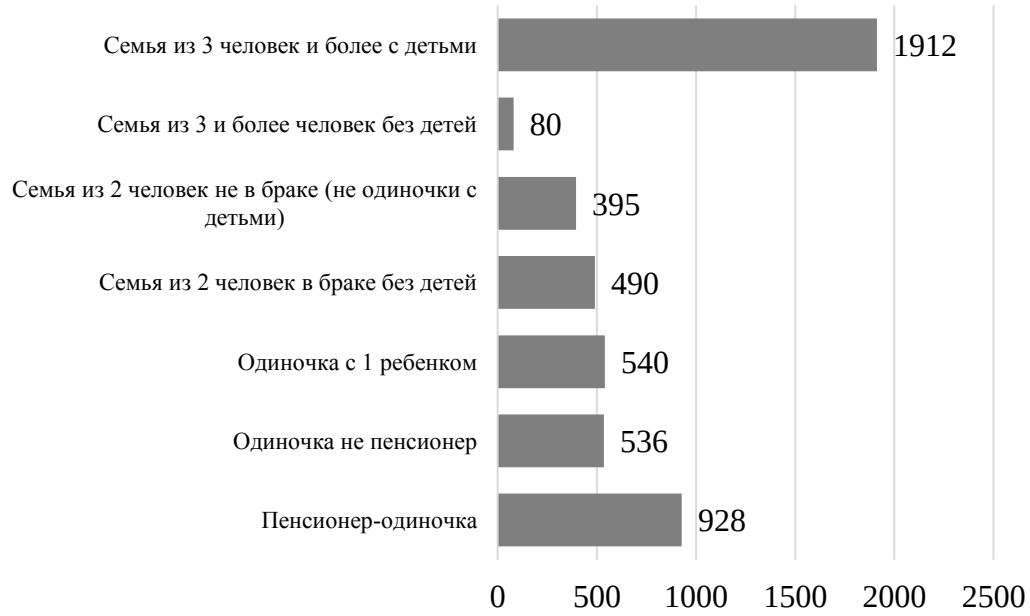

Рисунок 2 – Распределение домохозяйств по демографическим типам /
Figure 2 – Household distribution by demographic types
Источник: построен автором по данным РМЭЗ [10].

48,1% домохозяйств не удовлетворены своим материальным положением, 25,5% – удовлетворены, 26,4% – и удовлетворены, и не удовлетворены. Не удовлетворены жизнью в целом 19,6% домохозяйств, и да, и нет – 25,7%, удовлетворены – 54,7%. У 63,7% домохозяйств материальное положение за прошедшие три года не изменилось, у 20,2% – улучшилось, у 16,1% – ухудшилось.

43% домохозяйств проживают в областных центрах, 26,4% – в городах, 7,6% – в поселках городского типа, 23% – в селах.

Для выявления детерминант проявления кредитного поведения домохозяйствами был использован инструментарий бинарной логистической регрессии. Зависимая переменная принимала значение 1, если у домохозяйства есть непогашенные кредиты, и 0, если кредиты отсутствуют.

Результаты исследования. Результаты оценки модели логистической регрессии с зависимой переменной «наличие непогашенного кредита» представлены в таблице 1. Модель является статистически значимой ($p<0,001$), значения псевдо-коэффициентов детерминации составляют от 0,09 до 0,14.

Обсуждение и заключения. В результате оценки модели бинарной логистической регрессии было выявлено, что все представленные в исследовании демографические типы домохозяйств имеют статистически значимо более высокие шансы на наличие кредитов, чем пенсионеры-одиночки. Шансы возраста-

ют более чем в два раза. Для семей из трех и более человек без детей шансы выше в 6,5 раза, с детьми – в 5,9 раза. С ростом числа членов домохозяйства шансы на наличие кредита растут в среднем в 1,1 раза на каждого члена семьи.

Таблица 1 – Результаты оценки модели бинарной логистической регрессии для наличия у домохозяйства непогашенных кредитов /
Table 1 – Results of the binary logistic regression model estimation for households' outstanding loans

Переменные / Variables	**Отношение шансов (95% ДИ) / Odds Ratio (95% CI)**	**p**
Демографический тип семьи (пенсионер-одиночка)		
Непенсионер-одиночка	2,640 (1,743; 3,999)***	<0,001
Одиночка с одним ребёнком	2,883 (1,907; 4,360)***	<0,001
Семья из двух человек в браке без детей	2,186 (1,405; 3,401)***	0,001
Семья из двух человек не в браке (неодиночки с детьми)	3,095 (2,006; 4,775)***	<0,001
Семья из трех человек и более без детей	6,489 (3,426; 12,290)***	<0,001
Семья из трех человек и более с детьми	5,915 (3,930; 8,903)***	<0,001
Квинтильные группы по душевому доходу (I квинтиль)		
II квинтиль	0,963 (0,725; 1,280)	0,796
III квинтиль	1,326 (1,011; 1,738)**	0,041
IV квинтиль	1,722 (1,314; 2,256)***	<0,001
V квинтиль	2,585 (1,967; 3,396)***	<0,001
Число членов домохозяйства	1,104 (1,023; 1,191)**	0,011
Тип поселения (село)		
Областной центр	0,879 (0,706; 1,095)	0,251
Город	0,932 (0,737; 1,179)	0,557
ПГТ	0,738 (0,513; 1,061)	0,101
Удовлетворены материальным положением (не удовлетворены)		
И да, и нет	1,319 (1,050; 1,657)**	0,017
Удовлетворены	1,307 (1,037; 1,647)**	0,023
Удовлетворены своей жизнью (не удовлетворены)		
И да, и нет	0,902 (0,739; 1,102)	0,312
Удовлетворены	0,759 (0,589; 0,979)**	0,033
Изменение материального положения семьи за 3 года (ухудшилось)		
Не изменилось	0,726 (0,597; 0,883)***	0,001
Улучшилось	0,906 (0,705; 1,163)	0,437
Константа	0,038***	<0,001
-2 Log-правдоподобие		3870,77
R-квадрат Кокса и Снелла		0,0874
R-квадрат Нэйджелкерка		0,1427
Хи-квадрат		413,4***
p		<0,001
n		4881

Примечание: * – коэффициент значим на уровне 10%, ** – 5%, *** – 1%.

Также шансы на наличие кредитов увеличиваются с ростом среднедушевого дохода домохозяйства. Шансы иметь кредит для домохозяйств первого и второго квинтиля не различаются, третьего – возрастают в 1,3 раза по сравнению с

первым, четвертого – в 1,7 раза, пятого – в 2,6 раза. Это можно объяснить тем, что основная масса кредитов носит долгосрочный характер (по данным Банка России [5]) и в основном в кредит приобретаются дорогостоящие товары длительного пользования (такие как автомобили) и жилье. Соответственно, ежемесячные платежи по кредиту будут значительными и обслуживать их в состоянии только домохозяйства более высоких доходных квинтилей (начиная с третьего).

Тип поселения не оказывает статистически значимого влияния на кредитное поведение домохозяйств, то есть оно одинаково распространено у жителей областных центров, городов, поселков городского типа и сел.

Интерес представляет включенная в модель группа субъективных оценок благосостояния домохозяйства. Она представлена ответами на три вопроса, касающихся удовлетворенности жизнью в целом, материальным положением и мнения об изменении материального положения за последние три года. Для удобства оценивания и интерпретации ответы были приведены из пятичленной шкалы Лайкерта в трехчленную.

Удовлетворенность материальным положением повышает шансы на наличие кредита в 1,3 раза по сравнению с неудовлетворенностью. Другими словами, субъективное благосостояние действует аналогично объективному: кредиты есть у более обеспеченных домохозяйств.

В то же время удовлетворенность жизнью в целом оказывает противоположное влияние на наличие кредита: удовлетворенные жизнью домохозяйства имеют меньше шансов на то, чтобы иметь непогашенный кредит, по сравнению с неудовлетворенными. Можно предположить, что здесь имеет место и обратная зависимость: наличие непогашенных кредитов потенциально снижает степень удовлетворенности жизнью.

При этом если материальное положение домохозяйства улучшилось, то шансы на наличие кредита не увеличились, а если оно не изменилось, то шансы на наличие кредита снижаются по сравнению с теми, чье материальное положение ухудшилось. Здесь также можно предположить, что наличие кредита меняет субъективное отношение к материальному положению в сторону ухудшения.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время кредитное поведение населения не является очень распространенным. В основном домохозяйства берут кредиты на приобретение предметов длительного пользования и жилья, это домохозяйства с достаточным уровнем среднедушевого дохода (от третьего доходного квинтиля и выше), большие семьи с детьми или без детей, позитивно оценивающие свое материальное положение.

Список литературы

1. Akana T., Zeballos Doubinko V. Later Data from the LIFE Surve, Consumer Finance Institute, Federal Reserve Bank of Philadelphia. – 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.philadelphiafed.org/-/media/FRBP/Assets/Consumer-Finance/Briefs/cfi-4in6-Payment-Products.pdf

2. European Banking Authority (EBA) Consumer Trends Report 2024/2025, EBA/REP/2025/08. – 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/2025-03/514b651f-091b-42d3-b738-1fae79264044/Consumer%20Trends%20Report%202024-2025.pdf.

3. Sinyakov A.A., Shelovanova T.I. Demand for Consumer Loans in Russia: How Strong Is the Interest Rate Channel of Monetary Policy? // Russian Journal of Economics. – 2025. – No. 11. – Pp. 47-75.

4. Stavins J. Are Recently Issued Credit Card Accounts More Risky? // Current Policy Perspectives. – 2025. – No. 25-6 / Federal Reserve Bank of Boston [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bost

onfed.org//media/Documents/Workingpapers/PDF/2025/cpp20250402.pdf.

5. Динамические ряды показателей отдельных таблиц сборника «Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации» // Банк России [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/115862/obs_tabl20c.xlsx (Дата обращения 14.07.2026).

6. Ниворожкина Л.И., Торопова Т.В., Трегубова А.А., Баташев Р.В. Кредитное поведение российских домохозяйств на различных этапах макроэкономических циклов: монография. – Ростов н/Д: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. – 128 с.

7. Ниворожкина Л.И. Воздействие кредитования на потребление домашних хозяйств: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. – 2016. – № 1. – С. 47-53.

8. Ниворожкина Л.И., Павленко Г.В. Потребительское или ипотечное кредитование? Анализ поведения домохозяйств // Финансовые исследования. – 2022. – № 2 (75). – С. 100–110. – EDN: DZQVHJ. – DOI: 10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.010.

9. Новиков О., Козлов Н. Рост кредитной нагрузки на домохозяйства через призму социального восприятия, кредитоспособности и политических взглядов россиян // Review of Business and Economics Studies. – 2020. – № 4. – С. 19-32.

10. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hse.ru/rlms.

11. Стребков Д.О., Грибанова О.Б. Развитие системы кредитования в России: анализ потребностей и предпочтений населения // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 4. – С. 37-47.

12. Тихонова Н.Е. Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет // Экономическая социология. – 2025. – Т. 26. – № 1. – С. 11-38.

13. Ярашева А.В., Аликперова Н.В., Марков Д.И. Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 170-182.

References

1. Akana T., Zeballos Doubinko V. Later Data from the LIFE Surve, Consumer Finance Institute, Federal Reserve Bank of Philadelphia. – 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.philadelphiafed.org/-/media/FRBP/Assets/Consumer-Finance/Briefs/cfi-4in6-Payment-Products.pdf

2. European Banking Authority (EBA) Consumer Trends Report 2024/2025, EBA/REP/2025/08. – 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/2025-03/514b651f-091b-42d3-b738-1fae79264044/Consumer%20Trends%20Report%202024-2025.pdf.

3. Sinyakov A.A., Shelovanova T.I. Demand for Consumer Loans in Russia: How Strong Is the Interest Rate Channel of Monetary Policy? // Russian Journal of Economics. – 2025. – No. 11. – Pp. 47-75.

4. Stavins J. Are Recently Issued Credit Card Accounts More Risky? // Current Policy Perspectives. – 2025. – No. 25-6 / Federal Reserve Bank of Boston [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bostonfed.org//media/Documents/Workingpapers/PDF/2025/cpp20250402.pdf.

5. Dynamic series of indicators of individual tables in the collection "Statistical indicators of the banking sector of the Russian Federation" // Bank of Russia [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/Content/Document/File/115862/obs_tabl20c.xlsx (Accessed: 14.07.2026).

6. Nivorozhkina L.I., Toropova T.V., Tregubova A.A., Batashev R.V. Credit behavior of Russian households at various stages of macroeconomic cycles: mono-

graph. – Rostov n/D: Publishing and Printing Complex of the Russian State Economic University (RINH), 2017. – 128 p.

7. Nivorozhkina L.I. The impact of lending on household consumption: an economic and statistical study // Questions of statistics. – 2016. – No. 1. – Pp. 47-53.

8. Nivorozhkina L.I., Pavlenko G.V. Consumer or mortgage lending? Analysis of household behavior // Financial research. – 2022. – № 2 (75). – Pp. 100-110. – EDN: DZQVHJ. – DOI: 10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.010.

9. Novikov O., Kozlov N. The growth of the credit burden on households through the prism of social perception, creditworthiness and political views of Russians // Review of Business and Economics Studies. – 2020. – No. 4. – Pp. 19-32.

10. Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS HSE) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.hse.ru/rlms.

11. Strebkov D.O., Gribanova O.B. Development of the credit system in Russia: analysis of the needs and preferences of the population // Economic sociology. – 2003. – Vol. 4. – No. 4. – Pp. 37-47.

12. Tikhonova N.E. Features of financial behavior of Russians in the context of external shocks of recent years // Economic Sociology. – 2025. – Vol. 26. – No. 1. – Pp. 11-38.

13. Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Markov D.I. Features of the credit behavior of Russian youth: trends and risks // Population. – 2023. – Vol. 26. – No. 3. – Pp. 170-182.

Об авторе:

Герасимова Ирина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).

Статья поступила в редакцию 21.07.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Герасимова И.А.

About the Author:

Irina A Gerasimova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, Econometrics and Risk Assessment of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)" (Rostov-on-Don, 69 Bolshaya Sadovaya St.).

The article was submitted on 21.07.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 I. Gerasimova

УДК 311:631.1 Научная статья
https://doi.org/10.54220/1994-0874.2026.37.59.014

Информационное обеспечение статистического анализа агропромышленного комплекса

Дыйканбаев Дастан[1]
1 Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76

ddyikanbaev6@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье исследуется роль международных организация и их баз данных в информационном обеспечении статистического анализа агропромышленного комплекса (АПК). В современных условиях развитие АПК связано с внутренними факторами национальной экономики, глобальными процессами, продовольственной безопасностью, международной торговлей и интеграционным взаимодействием. В этих условиях особое значение приобретает использование международных статистических источников, позволяющих проводить межстрановые сопоставления и оценивать развитие аграрного сектора экономики в более широком аналитическом контексте.

Материалы и методы. В работе обобщены особенности структуры и функций Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), Европейского союза (ЕС) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в области агропромышленного комплекса, а также их статистических баз данных, публикуемых ФАОСТАТом, Евростатом и статистическими подразделениями ОЭСР. Использованы методы сравнительного анализа, систематизации, обобщения и структурно-логического анализа.

Результаты исследования. Установлено, что ФАОСТАТ обеспечивает наиболее широкий глобальный охват статистических данных по производству, торговле, ценам, ресурсному обеспечению и продовольственной безопасности. Евростат выступает примером институционально развитой системы региональной статистической гармонизации в рамках Европейского союза. Статистические подразделения ОЭСР, в свою очередь, ориентированы преимущественно на проведение и анализ аграрной политики, государственной поддержки, устойчивости и среднесрочных прогнозов развития сельскохозяйственных рынков.

Обсуждение и заключения. На основе исследования системы и структуры показателей, странового охвата и методологической специфики указанных источников выявляются их аналитические возможности и ограничения при использовании в статистическом анализе агропромышленного комплекса. Сделан вывод о том, что исследуемые международные статистические базы данных выполняют различные, но взаимодополняющие функции в информационном обеспечении статистического анализа АПК. Их комплексное использование позволяет повысить качество межстрановых сопоставлений, учитывать методологические особенности формирования данных и перейти от описательной характеристики агропромышленного комплекса к более глубокому анализу его структурных, институциональных и политико-экономических факторов.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, международные организации, ФАОСТАТ, Евростат, ОЭСР, статистический анализ, международные статистические базы данных, сельское хозяйство.

Для цитирования. Дыйканбаев Дастан. Информационное обеспечение статистического анализа агропромышленного комплекса. *Учет и статистика.* 2026; 3(23):167-181. doi: 10.54220/1994-0874.2026.37.59.014.

JEL: C82, Q10 Research article

Information Support for Statistical Analysis of the Agro-Industrial Complex

Dyikanbaev Dastan[1]

1 Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Russian Federation, Moscow, 76 Vernadsky Avenue

ddyikanbaev6@gmail.com

Abstract

Introduction. This article is focused on the role of international organizations and their statistical databases in supporting statistical analysis of the agro-industrial complex. In today's world, the development of the agro-industrial complex is linked to internal factors of the national economy, global processes, food security, international trade, and integration interactions. In this context, the use of international statistical sources, which enable cross-country comparisons and assess the development of the agricultural sector within a broader analytical context, is particularly important.

Materials and Methods. This paper summarizes the structural features and functions of the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), the European Union (EU), and the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) in the field of agro-industrial complex, as well as their statistical databases: FAOSTAT, Eurostat, and OECD statistical resources. Methods of comparative analysis, systematization, generalization, and structural-logical analysis are used.

Results. The study revealed that FAOSTAT provides the broadest global coverage of statistical data on production, trade, prices, resource availability, and food security. Eurostat exemplifies an institutionally developed system of regional statistical harmonization within the European Union. The OECD's statistical resources, in turn, are primarily focused on the implementation and analysis of agricultural policy, government support, sustainability, and medium-term forecasts for agricultural market development.

Discussion and Conclusions. Based on a study of the system and structure of indicators, country coverage, and methodological specifics of these sources, their analytical capabilities and limitations for use in statistical analysis of the agro-industrial complex are identified. It is concluded that the international statistical databases under study perform different but complementary functions in supporting statistical analysis of the agro-industrial complex. Their comprehensive use allows us to improve the quality of cross-country comparisons, take into account the methodological features of data generation, and move from descriptive characteristics of the agro-industrial complex to a more in-depth analysis of its structural, institutional, and political-economic factors.

Keywords: agro-industrial complex, international organizations, FAOSTAT, Eurostat, OECD, statistical analysis, international statistical databases, agriculture.

For citation. Dyikanbaev Dastan Information Support for Statistical Analysis of the Agro-Industrial Complex. *Accounting and Statistics.* 2026;3(23):167-181. doi: 10.54220/1994-0874.2026.37.59.014.

Введение. В современных условиях агропромышленный комплекс выступает одной из ключевых сфер социально-экономического развития, поскольку его состояние непосредственно связано с обеспечением продовольственной безопасности, устойчивостью национальной экономики, развитием сельских территорий и участием стран в международной торговле продовольствием и сельскохозяйственным сырьём [1; 3; 7; 8]. Возрастающая значимость аграрного сектора усиливает потребность в качественном статистическом обеспечении [6], позволяющем не только фиксировать текущие параметры производства, торговли, цен и ресурсного потенциала, но и проводить межстрановые сопоставления, выявлять структурные различия, закономерности во внешнеторговых потоках и оценивать эффективность реализуемой аграрной политики [4; 5].

В условиях расширения международных экономических связей, развития интеграционных объединений и усиления требований к статистическим данным возрастает роль международных статистических баз данных. Они позволяют исследовать развитие аграрного сектора не только в рамках национальной экономики, но и в более широком международном контексте. Вместе с тем использование таких источников требует понимания их методологической основы и специфики, странового охвата, системы показателей, их структуры, а также ограничений, связанных с различиями в национальной методологии и системах статистического наблюдения.

Актуальность темы определяется тем, что при проведении статистического анализа агропромышленного комплекса исследователь сталкивается с необходимостью выбора наиболее подходящих источников данных. Некорректное использование международных баз может привести к искажению результатов анализа [6; 10]. Это связано с различиями в методиках сбора первичной информации, классификациях продукции, подходах к оценке стоимостных показателей, периодичности обновления данных и глубине ретроспективных рядов. Поэтому важным этапом исследования становится не только сбор статистической информации, но и оценка её методологической сопоставимости [10].

Материалы и методы. Материалами исследования выступили международные статистические базы данных и методологические ресурсы, используемые для информационного обеспечения статистического анализа агропромышленного комплекса. В качестве основных источников были рассмотрены ФАОСТАТ, Евростат и статистические ресурсы Организации экономического сотрудничества и развития. Выбор данных источников обусловлен тем, что они занимают важное место в системе международной статистики сельского хозяйства, продовольствия, аграрной политики и продовольственной безопасности, а также позволяют проводить межстрановые сопоставления на основе стандартизированных показателей.

В процессе исследования внимание было сосредоточено на нескольких характеристиках рассматриваемых баз данных: страновом охвате, структуре показателей, тематических направлениях, методологической основе, аналитическом назначении и возможных ограничениях применения. Такой подход позволил рассматривать международные статистические базы не только как источники количественной информации, но и как элементы более широкой системы статистической стандартизации и гармонизации данных.

Целью настоящей статьи является исследование роли методологических положений при формировании международных статистических баз данных в информационном обеспечении статистического анализа агропромышленного комплекса, а также выявление их возможно-

стей и ограничений при использовании в межстрановых исследованиях.

В работах Л.А. Велибековой рассматриваются современные проблемы глобальной продовольственной безопасности [1]. В исследовании Е.А. Якимович акцент сделан на роли продовольственной политики Европейского союза в обеспечении глобальной продовольственной безопасности [7]. Значительный вклад в раскрытие проблематики вносят также зарубежные исследования, в частности работа А. Либер-Амико и Р. Колоффон, где анализируются вызовы и возможности формирования устойчивых агропродовольственных систем в условиях продовольственных кризисов [8].

Результаты исследования. Информационное обеспечение статистического анализа агропромышленного комплекса формируется на основе многоуровневой системы источников, включающей национальный, региональный и международный уровни. Особое значение имеет международный уровень, поскольку именно он обеспечивает возможность межстрановых сопоставлений, оценки структурных различий в развитии АПК, анализа динамики производства, торговли, ресурсного обеспечения и продовольственной безопасности.

Международные организации и специализированные статистические базы данных выполняют функцию не только накопления информации, но и методологической стандартизации. Они формируют единые подходы к определению показателей, классификации сельскохозяйственной продукции, учету земельных, трудовых, производственных и торговых ресурсов. Благодаря этому данные, полученные из разных национальных статистических систем, могут быть приведены к сопоставимому виду и использованы для аналитических расчетов.

К числу ключевых международных источников статистической информации в данной сфере относятся ФАОСТАТ, Евростат и статистические базы Организации экономического сотрудничества и развития. Каждый из этих источников имеет собственную методологическую специфику, охват стран, цели деятельности и набор показателей, что определяет возможности и ограничения их использования при анализе агропромышленного комплекса.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций (ФАО ООН)[1] является специализированным учреждением системы ООН, деятельность которого направлена на борьбу с голодом, повышение уровня продовольственной безопасности и развитие сельского хозяйства. ФАО была создана в 1945 г. и в настоящее время объединяет большинство государств мира, а также Европейский союз. Организация осуществляет деятельность более чем в 130 странах, что придаёт её работе глобальный характер и позволяет формировать международную повестку в сфере продовольствия, сельского хозяйства и устойчивого развития сельских территорий.

В последние годы в документах ФАО всё чаще используется категория «агропродовольственные системы» [4; 8; 10]. Данный подход позволяет трактовать сельское хозяйство не изолированно, а во взаимосвязи с производством, переработкой, распределением, торговлей, потреблением продовольствия, природными ресурсами, занятостью и уровнем жизни населения. Поэтому аналитические материалы ФАО охватывают не только традиционные показатели производства сельскохозяйственной продукции, но и вопросы устойчивости продовольственных цепочек, изменения климата, продовольственной безопасности, инвестиций,

[1] Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/home/ru (дата обращения: 01.05.2026).

инноваций и институциональной политики [8; 9].

Одним из направлений деятельности ФАО является подготовка аналитических публикаций. Организация выпускает флагманские доклады, тематические обзоры, статистические ежегодники и специализированные исследования. Например, доклад «Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства» представляет собой ежегодный обзор ключевых проблем, в том числе новые направления развития [9]. Кроме того, в рамках направления агропродовольственной экономики ФАО публикует программные документы (policy papers), рабочие доклады (working papers) и другие материалы, ориентированные как на академический анализ, так и на практические решения в сфере аграрной политики.

Отдельного внимания заслуживает Инвестиционный центр ФАО, деятельность которого направлена на поддержку стран и финансовых институтов в разработке инвестиционных стратегий, программ и проектов в сфере агропродовольственных систем. Центр сочетает аналитическую, проектную и финансовую работу. Он помогает определять инвестиционные потребности, оценивать потенциал аграрных цепочек стоимости и разрабатывать меры по укреплению устойчивости и продовольственной безопасности. Тем самым ФАО выступает не только источником статистической информации, но и институтом, превращающим данные и экспертные знания в практические рекомендации.

В соответствии со своим мандатом ФАО отвечает за сбор, проверку и распространение данных и информации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства в мировом масштабе. В рамках этой деятельности ФАО на регулярной основе собирает соответствующую национальную статистическую информацию. К основным базам данных относятся ФАОСТАТ[1], портал данных ФАО по Целям в области устойчивого развития (ЦУР)[2], Система информационного обеспечения рынков сельскохозяйственной продукции (АМИС)[3] и Каталог пищевых и сельскохозяйственных микроданных (ФАМ)[4].

Дополнительно организация формирует статистическую информацию по гендерной проблематике и правам на землю, рыболовству и аквакультуре, мониторингу и анализу цен на продовольствие и т.д.

Если аналитические доклады, обзоры и рабочие документы ФАО позволяют интерпретировать процессы, то именно ФАОСТАТ предоставляет количественную основу для такого анализа.

Система показателей ФАОСТАТа выглядит следующим образом (табл. 1).

Анализ структуры базы данных ФАОСТАТа позволяет выделить несколько взаимосвязанных блоков статистических показателей, характеризующих состояние и развитие агропродовольственного сектора. Данные формируются по таким направлениям, как производство, ресурсы, торговля, цены, продовольственные балансы, инвестиции, продовольственная безопасность, выбросы от сельского хозяйства и землепользования, а также агроэкологические показатели.

Особенность ФАОСТАТа заключается в том, что статистическая ин-

[1] Данные в области продовольствия и сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/faostat/ru/ (дата обращения: 28.04.2026).

[2] SDG Indicators Data Portal [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/sustainable-development-goals-data-portal/data/ (дата обращения: 28.04.2026).

[3] Agricultural market information system [Электронный ресурс]. URL: https://www.amis-outlook.org/home (дата обращения: 28.04.2026).

[4] Каталог микроданных о продовольствии и сельском хозяйстве [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/food-agriculture-microdata/ru/ (дата обращения: 28.04.2026).

формация сгруппирована в динамике и в страновом разрезе, по конкретным объектам наблюдения: видам продукции, элементам показателя и единицам измерения. Данная функция дает возможность использовать базу как источник данных и построения аналитических выборок.

Таблица 1 – Система показателей ФАОСТАТа /
Table 1 – FAOSTAT indicator system

Группа показателей / Indicator group	**Показатели / Indicators**	**Группа показателей / Indicator group**	**Показатели / Indicators**
Производство	Продукты растениеводства и животноводства	Продукты питания и рацион	Наличие (счета использования запасов)
	Индексы физического объема производства		Видимое потребление (обследования потребления и расходов домашних хозяйств)
	Объемы производства в стоимостном выражении		Потребление (индивидуальные количественные данные о рационе питания)
Продовольственная безопасность и питание	Комплекс показателей продовольственной безопасности		Разнообразие (МРР-Ж, минимальное разнообразие рациона питания женщин)
Продовольственные балансы	Продовольственный баланс	Земля, вкладываемые ресурсы и устойчивость	Земля
	Счета использования поставляемой продукции		Вкладываемые ресурсы
	Товарные балансы		Показатели устойчивости
	Продовольственные балансы (устаревшая методика и устаревшие данные по населению)		Показатели изменения климата
	Товарные балансы (устаревшая методика)	Сельскохозяйственная перепись	Структурные данные сельскохозяйственных переписей
Торговля	Продукты растениеводства и животноводства	Инвестиции	Государственные расходы
	Детализированная торговая матрица		Кредиты сельскому хозяйству
	Индексы торговли		Финансовые потоки для развития сельского хозяйства
	Коэффициенты торговли		Прямые иностранные инвестиции
Цены	Цены производителей		Инвестиции в разбивке по странам
	Индекс потребительских цен	Макроэкономические показатели	Макроэкономические показатели
	Дефляторы		Основные фонды

Группа показателей / Indicator group	Показатели / Indicators	Группа показателей / Indicator group	Показатели / Indicators
	Обменный курс	Продовольственная производственно-сбытовая цепочка	Доля создаваемой стоимости в разбивке по отраслям и основным факторам
Стоимость и доступность здорового рациона	Показатели стоимости и доступности здорового рациона	Индикаторы ЦУР	2 5 6 12 14 15 Показатели ЦУР
Изменение климата: выбросы от агропродовольственных систем	Общие выбросы и показатели	Лесное хозяйство	Производство и торговля лесной продукцией
	Выбросы, связанные с сельскохозяйственным производством		Мощности целлюлозно-бумажной продукции, обследование
	Выбросы, обусловленные землепользованием и его изменением	Неподдерживаемые архивы и серии	Архивы и серии
	Выбросы на этапах до и после сельскохозяйственного производства		

Источник: составлена автором на основе данных из официального сайта Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. URL: https://www.fao.org/faostat/ru/#data.

Методологическая основа использования данных ФАОСТАТа раскрывается через совокупность документов ФАО. Организация разрабатывает и продвигает признанные странами определения, концепции, классификации и методические рекомендации, используемые при формировании статистики продовольствия и сельского хозяйства. В частности, на уровне классификаций используется инструмент Caliper, позволяющий работать со статистическими классификациями и ключами перехода между ними.

Документ ФАО Statistics and Data Quality Assurance Framework задаёт рамки для оценки статистических процессов, источников данных, процедур обработки и распространения информации [10]. Наряду с ним используется серия Data and Statistical Standard Series[1], охватывающая вопросы сбора, обработки, анализа, распространения данных и обеспечения их качества.

Отдельную группу составляют тематические методологические документы, связанные с конкретными блоками показателей ФАОСТАТа. Для производственного блока важны документы по статистике растениеводства и животноводства: в домене agricultural production отражаются данные по сельскохозяйственным культурам и продукции животноводства, включая объёмы производства, убранные площади и показатели забоя скота. Для анализа продовольственного обеспечения используются методики продовольственных балансов, а также документы по измерению голода, продовольственной безопасности и потребления продовольствия. ФАО выделяет три ключевых методических направления в этой сфере: шкала восприятия отсутствия продо-

[1] Data and Statistical Standard Series [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/statistics/data-and-statistical-standard-series/en (дата обращения: 02.05.2026).

вольственной безопасности, распространенность недоедания и методы оценки видимого потребления продовольствия и питательных веществ.

Методологическую базу дополняют материалы сельскохозяйственной переписи[1]. Эта программа ФАО предоставляет странам рекомендации по проведению мероприятий и охватывает такие характеристики, как размеры хозяйств, землепользование, формы владения землёй, ирригация, поголовье скота, трудовые ресурсы и другие сельскохозяйственные ресурсы.

Евростат, официальное полное наименование которого – Статистическая служба Европейского союза, представляет собой главный административный орган ЕС в сфере статистики[2]. Он дислоцируется в Люксембурге и функционирует в качестве одного из генеральных директоратов Европейской комиссии, что подчеркивает её центральное место в структуре управления союзом. Исторически отсчёт деятельности организации ведётся с 1953 г., когда она была учреждена для информационно-аналитического обеспечения Европейского объединения угля и стали. В дальнейшем, с основанием Европейского экономического сообщества в 1958 г., она обрела современный статус и институциональную принадлежность.

Основополагающая миссия Евростата заключается в предоставлении высококачественных статистических данных на уровне ЕС, при этом ключевым принципом его работы выступает профессиональная независимость. Это означает, что разработка, производство и распространение европейской статистики осуществляются без какого-либо давления со стороны политических или отраслевых структур, обеспечивая объективность и беспристрастность информации. Правовое поле деятельности агентства базируется на Регламенте (ЕС) № 223/2009 о европейской статистике, который в ноябре 2024 г. был пересмотрен с целью расширения доступа национальных статистических ведомств к административным источникам данных и включения требования о предоставлении частных данных для официального статистического учёта[3].

Организационно Евростат состоит из семи основных директоратов, охватывающих все ключевые сферы социально-экономической жизни. В компетенцию этих подразделений входят макроэкономическая статистика, статистика государственных финансов, социальная статистика (включая демографию, рынок труда и условия жизни), отраслевая и региональная статистика, а также статистика бизнеса и внешней торговли.

Ключевым концептуальным механизмом функционирования Евростата является Европейская статистическая система. Она представляет собой партнёрство между Евростатом, национальными статистическими институтами стран-членов, а также ведомствами государств Европейской ассоциации свободной торговли. Данная система обеспечивает гармонизацию методологий, стандартов и классификаторов на всём пространстве союза, позволяя получать сопоставимые результаты по разным странам. Высшим консультативным и координирующим органом в этой структуре выступает Комитет по Европейской статистической системе[4].

[1] Всемирная сельскохозяйственная перепись [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/world-census-agriculture/ru (дата обращения: 05.05.2026).

[2] Евростат [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 06.05.2026).

[3] REGULATION (EC) No 223/2009 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2009/223/oj/eng (дата обращения: 06.05.2026).

[4] European statistical system [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/european-statistical-system/governance-bodies/essc (дата обращения 06.05.2026).

Вся информация аккумулируется в централизованной базе данных, доступ к которой осуществляется через тематический веб-портал. Для облегчения восприятия пользователями, не обладающими специализированной подготовкой, создан ресурс «Статистика с объяснениями»[1], выполняющий роль «энциклопедии» европейских данных. Помимо публикации регулярных пресс-релизов, статистических сборников и ежегодников, Евростат координирует разработку индикаторов для мониторинга достижения Целей устойчивого развития в контексте ЕС. На международной арене служба выступает активным участником глобальной статистической системы ООН, внося вклад в разработку новых метрик и стандартов, а также предоставляя экспертизу развивающимся странам.

Евростат особенно значим для анализа европейской модели аграрного развития, оценки результатов Единой сельскохозяйственной политики ЕС[2] и изучения структурных, производственных, ценовых и экологических характеристик сельского хозяйства [7].

Система статистических показателей сельского хозяйства может быть представлена следующими основными блоками (табл. 2).

База данных Евростата организована в виде многомерных наборов данных. Пользователь может выбирать показатели в динамике по странам, регионам, единицам измерения, видам продукции и другим аналитическим признакам. На сайте Евростата данные представлены через детализированные разделы и общие наборы данных.

Методологическое сопровождение сельскохозяйственной статистики ЕС обеспечивается через систему метаданных и методических материалов, раскрывающих правила формирования групп показателей. В частности, самостоятельные методологические разделы предусмотрены для статистики структуры сельскохозяйственных хозяйств, экономических счетов сельского хозяйства, абсолютных цен и индексов цен на сельскохозяйственную продукцию, статистики растениеводства и животноводства, органического сельского хозяйства, садоводства и виноградарства, а также показателей использования пестицидов. Это позволяет рассматривать Евростат не только как базу данных, но и как элемент Европейской статистической системы, ориентированной на обеспечение сопоставимости данных между странами и регионами ЕС.

Вместе с тем использование данных Евростата в анализе стран, не входящих в ЕС, ограничено, поскольку база ориентирована прежде всего на государства Европейского союза, страны Европейской экономической зоны и отдельные сопоставимые европейские территории. Тем не менее ввиду авторитетности Евростата можно использовать его ресурсы не как основной источник данных, а как методологический ориентир статистики сельского хозяйства.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[3] представляет собой международную межправительственную структуру, созданную для содействия экономическому росту, стабильности и повышению уровня жизни. Миссия организации реализуется через предоставление государствам-членам уникальной платформы для диалога, обмена правовыми и политическими практиками, а также для

[1] Statistics Explained [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Main_Page (дата обращения: 07.05.2026).

[2] Common agricultural policy [Электронный ресурс]. URL: https://agriculture.ec.europa.eu/common-agricultural-policy_en (дата обращения: 07.05.2026).

[3] Официальсный сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/ (дата обращения: 02.05.2026).

выработки согласованных подходов к решению общих проблем. Ключевой особенностью ОЭСР, отличающей её от многих других международных институтов (таких как МВФ или Всемирный банк), является отсутствие у неё жёстких механизмов принуждения или возможности распределения финансовых ресурсов для стимулирования соблюдения принимаемых решений.

Таблица 2 – Система показателей сельского хозяйства Евростата /
Table 2 – Eurostat agricultural indicator system

Показатель / Indicator	**Содержание / Description**	**Примеры показателей / Examples of indicators**
1. Структура сельскохозяйственных хозяйств	Характеризует организационную основу аграрного сектора	Число хозяйств, размер хозяйств, используемая сельскохозяйственная площадь, форма землепользования, тип хозяйства, трудовые ресурсы
2. Растениеводство	Отражает производство сельскохозяйственных культур	Посевные площади, убранные площади, валовой сбор, урожайность, производство зерновых, овощей, фруктов, винограда, масличных культур
3. Животноводство и мясное производство	Показывает состояние животноводческого сектора	Поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, производство мяса, убой скота, производство молока и молочных продуктов
4. Экономические счета сельского хозяйства	Раскрывает стоимостные результаты аграрного производства	Выпуск сельского хозяйства, продукция растениеводства и животноводства в стоимостном выражении, промежуточное потребление, валовая добавленная стоимость, факторный доход
5. Цены и индексы цен	Используются для анализа рыночной конъюнктуры	Цены производителей, индексы цен на сельскохозяйственную продукцию, цены на ресурсы и средства производства
6. Органическое сельское хозяйство	Отражает развитие экологически ориентированного производства	Площади органического земледелия, хозяйства с органическим производством, органическое животноводство
7. Агроэкологические показатели	Показывают связь сельского хозяйства с природной средой	Использование удобрений, продажи пестицидов, орошение, энергопотребление, структура посевов, плотность поголовья, баланс азота
8. Региональная сельскохозяйственная статистика	Позволяет анализировать территориальные различия внутри ЕС	Показатели по регионам NUTS, региональная структура хозяйств, региональная специализация, региональные данные по производству

Источник: составлена автором на основе данных из официального сайта статистической службы Европейского союза (Евростата). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/agriculture/database.

Одной из наиболее значимых функций ОЭСР выступает её роль в глобальной статистической системе. Организация считается одним из крупнейших и наиболее авторитетных источников экономических и социальных данных в мире. В структуре ОЭСР функционирует Директорат статистики[1], а также специализированный Коми-

[1] Statistics and Data Directorate [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/about/directorates/statistics-and-data-directorate.html (дата обращения: 02.05.2026).

тет по статистике[1], которые обеспечивают разработку единых методологических стандартов и координацию статистической деятельности на международном уровне. Аналитическая база ОЭСР служит фундаментом для мониторинга политик, прогнозирования экономического развития и исследования трендов в таких сферах, как производительность труда, инфляция, международная торговля, образование и экология. Для распространения этих данных создана мощная цифровая инфраструктура: порталы OECD Data Explorer и OECD iLibrary предоставляют открытый доступ к статистическим массивам.

На портале данных ОЭСР аграрная тематика представлена в рамках направления Agriculture and fisheries[2], включающего несколько самостоятельных блоков: мониторинг аграрной политики, продуктивность и инновации, сельскохозяйственную торговлю и рынки, устойчивость сельского хозяйства, рыболовство и аквакультуру, продовольственные системы, а также стандарты ОЭСР в области сельского хозяйства [11; 13; 14]. Такая структура показывает, что особенность деятельности ОЭСР заключается в трактовке сельского хозяйства не только с точки зрения его производственной функции, но и как объекта экономической политики, регулирования, международной торговли и устойчивого развития.

Организацией выпускается ежегодный доклад по мониторингу и оценке аграрной политики [12]. В его основе лежит система показателей, обеспечивающих измерение уровня и структуры поддержки сельского хозяйства по странам и во времени. Она может быть представлена следующим образом (табл. 3).

Отдельную роль играет совместная база и публикация «Сельскохозяйственный обзор ОЭСР – ФАО» (OECD – FAO Agricultural Outlook). Она отличается от обычных статистических баз тем, что содержит не только ретроспективные данные, но и прогнозные оценки. В выпуске с прогнозами на 2025–2034 гг. ОЭСР и ФАО дают комплексную оценку десятилетних перспектив сельскохозяйственных, рыбных и продовольственных рынков на национальном, региональном и глобальном уровнях [12]. В методологической основе данный прогноз опирается на базовый сценарий [12], учитывающий макроэкономические условия, производительность, погодные факторы, потребительские предпочтения, а также аграрную и торговую политику; для обеспечения согласованности рынков используется модель Aglink-Cosimo.

По результатам сравнительного анализа была получена обобщающая характеристика различий трех международных методологических и информационных систем данных (табл. 4).

Сравнивая ФАОСТАТ, Евростат и статистические ресурсы ОЭСР, можно сделать вывод, что данные источники выполняют различные функции в информационном обеспечении статистического анализа АПК. ФАОСТАТ обеспечивает наиболее широкий глобальный охват и может использоваться как базовый источник межстрановых данных по производству, торговле, ценам, продовольственной безопасности и ресурсному обеспечению всех стран – членов организации. Евростат представляет пример наиболее институционально развитой системы региональной статистической гармонизации, что делает его важным методологическим ориентиром при исследовании опыта интеграционных объединений. Статистические ресурсы ОЭСР, в свою очередь, позволяют дополнить производственные и торговые показатели аналитикой аграрной политики, государственной поддержки и среднесрочных прогнозов развития рынков.

[1] Committee on Statistics and Statistical Policy (CSSP) [Электронный ресурс]. URL: https://oecdgroups.oecd.org/Bodies/ShowBodyView.aspx?BodyID=7229&Lang=en (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Agriculture and fisheries [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/topics/agriculture-and-fisheries.html (дата обращения: 02.05.2026).

Таблица 3 – Система показателей сельского хозяйства ОЭСР /
Table 3 – OECD agricultural indicator system

Блок показателей ОЭСР / OECD indicator group	**Содержание / Description**	**Примеры показателей / Examples of indicators**
Государственная поддержка сельского хозяйства	Оценка масштабов и структуры поддержки производителей, потребителей и сектора в целом	Producer Support Estimate, Consumer Support Estimate, Total Support Estimate, General Services Support Estimate
Аграрная политика и регулирование	Анализ инструментов государственной политики и их влияния на аграрный сектор	Бюджетные трансферты, рыночная ценовая поддержка, платежи производителям, поддержка инфраструктуры и НИОКР
Сельскохозяйственная торговля и рынки	Изучение торговых потоков, рыночной конъюнктуры и товарных рынков	Экспорт, импорт, международные цены, товарные рынки, торговые ограничения
Продуктивность и инновации	Оценка факторов долгосрочного роста сельского хозяйства	Производительность, инновации, исследования и разработки, технологическое развитие
Устойчивость сельского хозяйства	Связь сельского хозяйства с экологическими и климатическими параметрами	Выбросы, экологическая эффективность, устойчивое использование ресурсов
Прогнозные показатели	Среднесрочные прогнозы развития аграрных и продовольственных рынков	Производство, потребление, торговля и цены по основным сельскохозяйственным товарам

Источник: составлена автором на основе данных из официального сайта Организации экономического сотрудничества и развития. URL: https://www.oecd.org/.

Таким образом, комплексное использование данных методологических и статистических источников позволяет перейти от простого описания состояния агропромышленного комплекса к более глубокому анализу его структурных, институциональных и политико-экономических факторов [4; 6; 10; 12].

Таблица 4 – Международные статистические системы данных /
Table 4 – International statistical data systems

Критерий / Criterion	**ФАОСТАТ / FAOSTAT**	**Евростат / Eurostat**	**ОЭСР / OECD**
Основной охват	Глобальный	ЕС и сопоставимые европейские территории	Страны ОЭСР и отдельные партнёры
Основной аналитический фокус	Производство, торговля, цены, ресурсы, продовольственная безопасность	Гармонизированная сельскохозяйственная статистика ЕС	Аграрная политика, государственная поддержка, рынки, прогнозы
Методологическая роль	Международные стандарты ФАО	Гармонизация статистики ЕС	Оценка аграрной политики и поддержки
Сильная сторона	Широкий страновой и тематический охват	Высокая сопоставимость данных внутри ЕС	Анализ влияния политики на аграрный сектор
Ограничение	Зависимость от качества данных	Ограниченная применимость вне ЕС	Не является базой первичной статистики

Источник: составлена автором на основе результатов сравнительного анализа статистических баз данных ФАОСТАТа, Евростата и ОЭСР.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование показало, что международные статистические базы данных являются важным элементом информационного обеспечения статистического анализа агропромышленного комплекса. Их использование позволяет рассматривать развитие АПК не только в рамках национальной экономики, но и в международном контексте, проводить межстрановые сопоставления и выявлять структурные различия.

В статье были исследованы ФАОСТАТ, Евростат и статистические ресурсы ОЭСР. Установлено, что ФАОСТАТ предоставляет данные по производству, торговле, ценам, ресурсам и продовольственной безопасности всех стран – членов ООН. Евростат представляет собой пример развитой системы региональной статистической гармонизации в рамках ЕС. Ресурсы ОЭСР дополняют анализ показателями аграрной политики, государственной поддержки, устойчивости и прогнозов развития сельскохозяйственных рынков.

Комплексное использование указанных источников позволяет повысить качество статистического анализа АПК. При этом необходимо учитывать методологические особенности каждой базы данных, поскольку различия в охвате, классификациях и подходах к формированию показателей могут влиять на результаты исследования.

Список литературы

1. Велибекова Л.А. Современные проблемы и пути обеспечения глобальной продовольственной безопасности // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2025. – № 5. – С. 166-190.

2. Горбачев А.С. 20 лет инновационной политики Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. – 2025. – № 94. – С. 119-131.

3. Костяев А.И., Никонова Г.Н. Устойчивое развитие агропромышленного производства: подходы, принципы, цели и индикаторы // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2025. – Т. 26. – № 3. – С. 691-706.

4. Романенко И.А., Евдокимова Н.Е. Методы экономической оценки стратегий устойчивого развития агропродовольственных систем – зарубежный опыт // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 240. – № 2. – С. 257-280.

5. Свиридова С.А., Горячева А.В., Кузьмин В.Н. Адаптация мер по модернизации сельского хозяйства в странах с развитым сельским хозяйством применительно к России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2025. – № 7. – С. 935-938.

6. Симонова М.Д., Ярных Э.А. Обзор современной системы источников статистических и аналитических данных для экономики и международного бизнеса // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2022. – № 2-3. – С. 71-78. – DOI: 10.26653/2076-46502022-2-3-07. – EDN WKIXLC.

7. Якимович Е.А. Роль продовольственной политики Европейского союза в обеспечении глобальной продовольственной безопасности // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15. – № 3. – С. 731-750. – DOI: 10.18334/eo.15.3.123675. – EDN WWYGIJ.

8. Libert-Amico A., Koloffon R. Challenges and opportunities for building resilient agrifood systems in food crisis contexts // Global Food Security. – 2025. – Vol. 45. – P. 100849.

9. FAO. 2025. The State of Food and Agriculture 2025 – Addressing land degradation across landholding scales. Rome. – DOI: 10.4060/cd7067en.

10. FAO. 2023. FAO Statistics and Data Quality Assurance Framework. Rome [Electronic resource]. – Access mode: https://www.fao.org/3/cc6683en/cc6683en.pdf.

11. Nguyen S.L., Nguyen A.H.T., Van Vo H. How CO_2 Emissions and Agriculture Shape Economic Growth: Evidence from OECD Countries // Research on World Agricultural Economy. – 2025. – Pp. 83-96.

12. OECD/FAO (2025), OECD-FAO Agricultural Outlook 2025-2034, Paris and Rome. – DOI: 10.1787/601276cd-en.

13. Sheng Y. Technological change, capital deepening, and agricultural total factor productivity (TFP) growth: Cross-country comparison of 18 OECD countries // Applied Economic Perspectives and Policy. – 2025. – Vol. 47. – No. 5. – Pp. 1848-1868.

14. Selvanathan S. et al. Energy consumption, agriculture, forestation and CO2 emission nexus: an application to OECD countries //Applied Economics. – 2023. – Vol. 55. – No. 37. – Pp. 4359-4376.

References

1. Velibekova L.A. Contemporary challenges and strategies for ensuring global food security // Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy. – 2025. – No. 5. – Pp. 166-190.

2. Gorbachev A.S. 20 years of innovation policy of the European Union // Tomsk State University Journal of History. – 2025. – No. 94. – Pp. 119-131.

3. Kostyaev A.I., Nikonova G.N. Sustainable development of agro-industrial production: approaches, principles, goals and indicators // Agrarian science Euro-North-East. – 2025. – Vol. 26/ – No. 3. – Pp. 691-706.

4. Romanenko I.A., Evdokimova N.E. Methods of economic assessment of strategies for sustainable development of agri-food systems – foreign experience // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. – 2023. – Vol. 240. – No. 2. – Pp. 257-280.

5. Sviridova S.A., Goryacheva A.V., Kuzmin V.N. Adaptation of agricultural modernization measures in countries with developed agriculture in relation to Russia // International Agricultural Journal. – 2025. – No. 7. – Pp. 935-938.

6. Simonova M.D., Yarnykh E.A. Review of the current system of statistical and analytical data for economy and international business // Scientific Journal. Series 1: Economics and Law. – 2022. – No. 2-3. – Pp. 71-78. – DOI: 10.26653/2076-46502022-2-3-07. – EDN WKIXLC.

7. Yakimovich E.A. The role of the European Union's food policy in ensuring global food security // Journal of International Economic Affairs. – 2025. – Vol. 15. – No. 3. – Pp. 731-750. – DOI: 10.18334/eo.15.3.123675. – EDN WWYGIJ.

8. Libert-Amico A., Koloffon R. Challenges and opportunities for building resilient agrifood systems in food crisis contexts // Global Food Security. – 2025. – Vol. 45. – P. 100849.

9. FAO. 2025. The State of Food and Agriculture 2025 – Addressing land degradation across landholding scales. Rome. – DOI: 10.4060/cd7067en.

10. FAO. 2023. FAO Statistics and Data Quality Assurance Framework. Rome [Electronic resource]. – Access mode: https://www.fao.org/3/cc6683en/cc6683en.pdf.

11. Nguyen S.L., Nguyen A.H.T., Van Vo H. How CO_2 Emissions and Agriculture Shape Economic Growth: Evidence from OECD Countries // Research on World Agricultural Economy. – 2025. – Pp. 83-96.

12. OECD/FAO (2025), OECD-FAO Agricultural Outlook 2025-2034, Paris and Rome. – DOI: 10.1787/601276cd-en.

13. Sheng Y. Technological change, capital deepening, and agricultural total factor productivity (TFP) growth: Cross-country comparison of 18 OECD countries // Applied Economic Perspectives and Policy. – 2025. – Vol. 47. – No. 5. – Pp. 1848-1868.

14. Selvanathan S. et al. Energy consumption, agriculture, forestation and CO2 emission nexus: an application to OECD countries //Applied Economics. – 2023. – Vol. 55. – No. 37. – Pp. 4359-4376.

Об авторе:
Дыйканбаев Дастан, аспирант кафедры учета, статистики и аудита ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (г. Москва, проспект Вернадского, 76).

Статья поступила в редакцию 22.05.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).
© 2026 Дыйканбаев Дастан

About the Author:
Dystan Dyikanbaev, postgraduate student at the Department of Accounting, Statistics and Auditing of the Federal State Autonomous Educational Institute of Higher Education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation» (Moscow, 76 Vernadsky Avenue).

The article was submitted on 22.05.2026; approved after reviewing on 13.08.2026.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).
© 2026 Dystan Dyikanbaev

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УЧЕТ И СТАТИСТИКА

16+

Научно-практический журнал

Том 23, № 3, 2026

Главный редактор
УСЕНКО ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА

.

Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-76368 от 02.08.2019.
Выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Адрес редакции журнала
344002, Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 69, к. 508.
Тел.: (863) 261–38–92.
E-mail: UchetiStatistica@yandex.ru

Адрес издателя
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ).
344082, Ростов-на-Дону, пер. Островского, д. 62, РГЭУ (РИНХ), к. 107.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

РЕДАКТИРОВАНИЕ
КЛИМОВА В.В.
КОРРЕКТУРА, ВЕРСТКА И МАКЕТИРОВАНИЕ
КЛИМОВА В.В.
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
АКИМОВА Л. И.

Изд. № 161/4976. Подписано в печать 16.09.2026. Дата выхода в свет 30.11.2026.
Объем 12,88 уч.-изд. л.; 23,25 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60×84/8. Гарнитура Times New Roman.
Заказ № 148. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано
Издательско-полиграфическим комплексом РГЭУ (РИНХ)
344082, Ростов-на-Дону, пер. Островского, д. 62, РГЭУ (РИНХ), к. 107.
E-mail: ipkrinh@gmail.com.

SCIENTIFIC EDITION

ACCOUNTING AND STATICTICS

Scientific and practical journal

Vol. 23, № 3, 2026

Editor-in-Chief
USENKO LUDMILA NIKOLAEVNA

Registration number: ПИ № ФС77-76368 from 02.08.2019,
is granted by Federal service for control of communications, information technologies and mass communications (Roskomnadzor)

Founder
Federal state budgetary educational institution of higher education
«Rostov State University of Economics (RINH)»

Address of Editorial Board of Journal
344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 508.
Tel.: (863) 261–38–92.
E-mail: UchetiStatistica@yandex.ru

Address of Publisher
Publishing and printing complex of RSUE (RINH).
344082, Rostov-on-Don, Ostrovsky Lane, 62, RSUE (RINH), a. 107.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

EDITING by
KLIMOVA V.V.
PROOFREADING,
LAYOUT by
KLIMOVA V.V.
ISSUER EDITOR
AKIMOVA L.I.

Ed. № 161/4976. Signed in print 16.09.2026. Date of print 30.11.2026.
Volume of accounting and publishing sheets 12,88; conditionally printed sheets 23,25.
Offset paper. Digital printing. Format 60×84/8. Font Times New Roman.
Order № 148. Printing 1000 copies. Free price.

Printing by
Publishing and printing complex of RSUE (RINH).
344082, Rostov-on-Don, Ostrovsky Lane, 62, RSUE (RINH), a. 107
E-mail: ipkrinh@gmail.com.